

Руиз Аулар Педро Хавиер
Ruiz Aular Pedro Javier

В России и Венесуэле стратификация и развитие современных региональных экономических систем осуществляется по множеству основных общих и специфических факторов и предпосылок, среди которых территориальная организация, интеграция хозяйственной деятельности, территориальные формы локализации экономики, природно-экономические, технологические, социальные, политические, этнические, исторические и другие факторы.

Современные регионы играют важную роль в обеспечении устойчивого социально-экономического развития национальной экономики и сохранении единого экономического пространства страны. Между тем, в области регионального экономического развития как Россия, так и Венесуэла имеет ряд проблем, в полной мере не решенных и в экономически развитых странах и в развивающихся странах. В этом смысле главным базовым условием эффективного решения проблем регионального экономического строительства и развития выступает не столько масштаб страны, сколько ее региональное многообразие и степень активности проведения региональной экономической политики.

Для студентов, аспирантов, докторантов, преподавателей и специалистов, занимающихся проблемами региональной и мировой экономики.

Руиз Аулар Педро Хавиер - Доцент, Кандидат Экономических Наук, специализация Региональная Экономика и Мировая Экономика. Лицензиат Международных Отношений - Центральный Университет Венесуэлы. Директор отдела послевузовского образования и исследования в Южном Спортивном Университете Венесуэлы. Известный специалист в области региональной экономики, теории экономического районирования, размещения производительных сил, международных отношений и др.

ПРОЦЕСС РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ И ВЕНЕСУЭЛЫ / PROCESO DE REGIONALIZACIÓN DE LA ECONOMÍA DE RUSIA Y VENEZUELA

**ПРОЦЕСС РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ
РОССИИ И ВЕНЕСУЭЛЫ**

**PROCESO DE REGIONALIZACIÓN DE LA ECONOMÍA
DE RUSIA Y VENEZUELA**

Руиз Аулар Педро Хавиер
Ruiz Aular Pedro Javier

ПРОЦЕСС РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ И ВЕНЕСУЭЛЫ
PROCESO DE REGIONALIZACIÓN DE LA ECONOMÍA DE RUSIA Y VENEZUELA

УЧЕБНИК

Рекомендовано Министерством Высшего Образования Венесуэлы в качестве учебника для студентов и аспирантов высших учебных заведений обучающихся по экономическим специальностям.

Рекомендовано Академией Экономических Наук Штата Зулия в качестве учебноого пособия для аспирантов и докторантов в области экономических наук

Издательство: Ediciones Universidad Deportiva del Sur
г. Сан Карлос, штат Кохедес, Боливарианская Республика Венесуэла

УДК 332.1
ББК 65.049
Р32

Рецензенты:

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) – Россия

Академия экономических наук штата Зулия – Венесуэла

**Факультет Экономических и Социальных Наук Университета Зулия
Венесуэла**

Институт Экономических Наук Университета Зулия - Венесуэла

Главный редактор

Анна Владимировна Руиз Аулар

Художественное Оформление:

Эдуардо Алекхандер Гевара Оливерос
Хорхе Пулидо Фунес

Diseño, Estilo y Diagramación:

TSU. Eduardo Alexander Guevara Olivero
TSU. Jorge Pulido Funes

Portada: Jorge Pulido Funes

ISBN: 978-980-7367-01-1

Deposito Legal: If7822012330148

Лиценция Серии: If7822012330148

Издательство: Ediciones Universidad Deportiva del Sur
Dirección de Publicaciones

Вопроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами или какой-либо форме, в том числе в Интернет-сети, запрещается без письменного разрешения издательства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	06
Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ БАЗИС ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ И ВЕНЕСУЭЛЫ: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ.....	07
1.1. Экономическое содержание и мировые тенденции регионализации хозяйственной жизни: условия, факторы, причины	09- 16
1.2. Историко-генетический контекст территориальной локализации российской экономики: сложившиеся тенденции и новые формы.....	16 - 21
1.3. Генезис формирования территориально-экономических образований Венесуэлы: специфика и особенности.....	21 - 30
Глава 2. НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ЛОКАЛИЗОВАННЫХ ЭКОНОМИК РОССИИ И ВЕНЕСУЭЛЫ.....	31.
2.1. Эволюция моделей институциональной среды процессов регионализации в экономической системе России.....	33- 39
2.2. Базовые условия и факторы различий в моделях институционализации регионов Венесуэлы:.....	39 - 50
2.3. Специфические детерминанты структуризации региональной экономики Венесуэлы: отраслевые приоритеты.....	50 - 66
Глава 3. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ И ВЕНЕСУЭЛЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ...67	
3.1. Дифференциация развития региональных экономик России как причина разнообразия моделей институционализации.....	69 - 76
3.2. Планирование регионального развития Венесуэлы: политика и экономические модели.....	77 - 89
3.3. Новые формы и модели регионализации экономики России в условиях глобализации и инновационной динамики.....	89 - 100
Глава 4. СОВРЕМЕННИЙ РЕГИОНАЛИЗМ	101
4.1 Теоретическое содержание регионализма.....	103 - 133
4.2. Региональные группировки.....	133 - 151
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	152 - 158
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	159 - 166

ВВЕДЕНИЕ

Модернизация современных региональных социально-экономических систем и их структурирование, в соответствии с требованиями процессов глобализации и регионализации, актуализируют проблемы территориального развития как в России, так и за рубежом. Исходя из этого, можно сказать, что важнейшую роль играют современные региональные системы, развивающиеся в рамках национальных экономик, однако гармонично встраивающихся и в мировое экономическое пространство.

В России и Венесуэле стратификация и развитие современных региональных экономических систем осуществляется по множеству основных общих и специфических факторов и предпосылок, среди которых территориальная организация, интеграция хозяйственной деятельности, территориальные формы локализации экономики, природно-экономические, технологические, социальные, политические, этнические, исторические и другие факторы.

Современные регионы играют важную роль в обеспечении устойчивого социально-экономического развития национальной экономики и сохранении единого экономического пространства страны. Между тем, в области регионального экономического развития как Россия, так и Венесуэла имеет ряд проблем, в полной мере не решенных и в экономически развитых странах (США, Германия, Франция, Канада и др.), и в развивающихся странах: (Аргентина, Бразилия, Перу и др.). В этом смысле главным базовым условием, эффективным решения проблем регионального экономического строительства и развития выступает не столько масштаб страны, сколько ее региональное многообразие и степень активности проведения региональной экономической политики.

В данном контексте существенно актуализируются проблемы выявления общего и различного в концепциях, формах и моделях процессов регионализации, изучения условий, факторов, причин регионализации экономически России и Венесуэлы, а также возможностей активизации ее институциональных механизмов в условиях глобализации.

ГЛАВА 1.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ БАЗИС ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ И ВЕНЕСУЭЛЫ: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

1.1. Экономическое содержание и мировые тенденции регионализации хозяйственной жизни: условия, факторы, причины

В современной мировой экономике главной тенденцией является интенсификация формирования самостоятельных региональных интеграционных структур, играющие очень важную роль не только в национальной экономике, но и в мировом хозяйстве. Таким образом, регионы действуют одновременно на внутригосударственном и международном уровне, т.е. участвуют на национальном рынке и в глобальной экономической системе.

Формирование локально-экономической системы в глобальном масштабе представляет собой процесс территориального устройства, происходивший на протяжении всей истории человечества. Поскольку регионы разнообразны, возникающие межрайонные хозяйственно-культурные, социально-экономические контакты способствовали лучшему жизнеобеспечению населения, появились разные темпы развития регионов, новые экономические и культурные центры, а также, по мнению Rosales и Rodríguez появились новые периферические регионы. [130, с. 10-15].

Одной из особенностей современного экономического развития являются процессы глобализации, регионализации и интеграции.

«Глобализацию можно определить как процесс возрастания единства мира через усиление взаимозависимости и взаимовлияния стран путем восприятия опыта других и учета в экономическом развитии мировых тенденции» [124, с 45]. При этом речь идет о разных процессах и о единых принципах взаимодействия. При этом, рассматривая глобализацию, выделим 4 аспекта:

- глобализацию как историко-политический процесс;
- глобализацию как экономический процесс;
- глобализацию как восстание однородного мира;
- глобализацию как процесс стимулирования регионализации и интеграции.

Можно сказать, что глобализация является процессом современных международных отношений, по мнению Родригеса А.П., «высшим процессом интернационализации» [132, с 45], где важную роль играют современные информационные технологии. В этом контексте, глобализация характеризуется как процесс формирования единого мирового экономического пространства и в этом смысле в качестве субъекта глобализации как антагонического процесса выступает регионализация, процесс который очевидно становится более важным в национальной экономической системе страны.

По мнению историков [63, с 65], процесс глобализации действительно очень разный, и рассматривается как один из этапов развития капитализма. Экономисты ведут отсчет от транснационализации финансовых рынков. Политологи делают упор на распространение демократических институтов. Культурологи связывают проявление глобализации с вестернизацией культуры, включая американскую экспансию.

По мнению Подберезкина А., термин «глобализация» не был достаточно переработан, так как не существует определенной дефиниции этого термина. Однако под этим термином можно понимать некие универсальные повсеместные процессы унификации потребительских предпочтений, приемов и типов потребления, образа жизни, соответственно стандартизацию технологии и организацию производства. В известной мере этот процесс носит объективный характер, люди, ощущая его напор и понимая определенные выгоды, относятся к нему терпимо. Такая тенденция имеет место с начала цивилизации и реализуется в той или иной степени вместе с развитием общества [63, с 51].

Важный аспект глобализации – возрастание однородности экономического мира. В современном го-

сударстве постепенно вырабатываются общие принципы взаимодействия для создания общих норм экономического поведения.

Термин «глобализация» начал эпизодически применяться с конца 60-х годов XX в. Американский социолог Дж. Маклин, впервые поставленный в центр концептуальных построений в 1981г., призвал «понять исторический процесс усиления глобализации социальных отношений и дать ему объяснение» [115, с 22]; и уже в 1990-х появились следующие концепции:

- видение рынка должно быть планетарным;
- необходимо быть в постоянном поиске инноваций, чтобы быстро реагировать на угрозу утраты доли рынка;
- следует оперировать в высокотехнологических промышленных отраслях.

Очень интересно, с точки зрения нашего исследования, понимание «глобализации» профессором МГИМО Сергеевым В. [78]. По его мнению «глобализация – это фрагментация всей поверхности земного шара на территории двух типов. Первый тип – глобализованные территории. Их очень мало, они небольшого размера, и они представляют собой действительно единый экономический комплекс. Это территории больших городских агломераций. Но не просто больших городских агломераций, а только тех, где сосредоточены наиболее продвинутые социальные, экономические и научные институты. Глобализованные территории – это транспортные узлы, в которых одновременно существуют большие банки, ведущие университеты, высокотехнологическая промышленность, развита городская инфраструктура и т.д.

Другой тип – все остальное, которое выглядит по-разному, и как именно оно выглядит, для процесса глобализации никакой роли не играет. Это могут быть какие-то пустые места, на которых почти никто не живет. Это могут быть большие сельскохозяйственные территории или какие-то средние города со среднеразвитой промышленностью. Для процесса глобализации все это не так важно, потому что в той или иной степени эти территории оказываются втянутыми в экономическую зону ближайшего центра глобализации».

Отметим, что одной из особенностей современного мирового экономического развития состоит в том, что региональные интеграционные группировки берут на себя роль главных субъектов мирового экономического развития вместо крупных лидирующих стран» [25, с 78]. Каждый имеет свои субъекты, которые являются носителями тех или иных ценностей, целей и механизмов. Институциональным субъектами глобализации являются в частности ТНК и региональные объединения. В целом можно выделить следующие группы институциональных субъектов, решения и поведение которых влияют на мировые процессы:

- международные организации как МВФ, Всемирный Банк, ВТО, Большая восьмерка и пр.;
- региональные организации;
- транснациональные корпорации;
- неправительственные организации;
- крупные города, такие как Токио, Нью-Йорк, Москва, Пекин и пр.
- новые региональные экономические субъекты, такие как экономические районы, административные районы, технопарки и пр.

К процессу глобализации также относятся массовые географические открытия, колонизация и фор-

мирование международных рынков на базе рыночной экономики. Таким образом, по мнению Шанина С.А. «глобализация также может быть определена и как гомогенизация глобального пространства, то есть преодоление существенных пространственных различий, создание единого недискретного пространства. Идея глобального общества неразрывно связана со смягчением национальной фрагментации мира. Ряд западных исследователей отмечает, что в основе глобализации лежат транснациональные операции, которые осуществляют негосударственные субъекты и пересекают национальные государственные границы» [91 с. 171].

С нашей точки зрения, «глобализация» характеризуется совокупностью следующих процессов:

-увеличение степени открытости (либерализации) национальных экономических и социальных систем;

-интенсификация взаимного обмена информацией: людьми, капиталами, товарами и услугами, культурными и духовными ценностями.

-развитие межрегионального сотрудничества;

-интенсификация развития мировой торговли; стимулирование интеграции стран региональных объединений, рост концентрации капитала ТНК;

-формирование мировых финансовых рынков;

-возникновение новых мощных субъектов мировой экономики;

-увеличение темпов и масштабов перемещения капиталов.

Очевидно, что существует много направлений процесса глобализации: политическое, социальное, юридическое, культурное, экономическое. Однако наиболее динамичными являются факторы экономики. Известный глобалист Дж. Сорос отмечает, что «глобальная экономика характеризуется не только свободным движением товаров и услуг, но и, самое главное, свободным движением идей и капитала...» [133, с 55].

На современном этапе мировой экономики действуют две главные тенденции:

-создание целостности мирового хозяйства, т.е. развитие экономических связей между странами, либерализацией торговли, создание современных систем коммуникации и информации, мировых технических стандартов и норм.

-сближение, взаимодействие в экономической области на региональном уровне, формирование крупных интеграционных региональных экономических систем, создание самостоятельных развивающихся локальных экономических центров мирового хозяйства [93, с 63].

Согласно современной парадигме регионального экономического развития, глобальная экономика понимается как система взаимодействий между региональными экономиками. Это объясняется тем, что регионы связаны с конкретными регионами мира, либо прямыми экономическими связями, либо посредническими связями через международную торговлю, финансовые институты, транснациональные корпорации и др. [123, с 12].

В области экономических наук глобализация связывается, прежде всего, с идеей свободного мирового рынка, глобальной массовой культурой и мировым информационным сообществом. В отношении глобальной экономики М. Кастельс, в свою очередь утверждает, что «глобальная экономика существует, потому что экономики всего мира зависят от производительности их центра глобализации. Этот центр глобализации включает в себя финансовые рынки, международную торговлю, трансна-

циональное производство и, до некоторой степени, науку и профессиональный труд» [41, с 16]. Однако, здесь мы должны отметить, что многие характеристики глобализации – не новые. Уже в конце XIX – начале XX в. В.И Ленин в работе «империализм как высшая стадия капитализма» анализировал все эти тенденции. В основе предпосылок глобализации мировой экономики лежит ряд таких важных аспектов как экономические, политические, технические, общественные, правовые, которые нельзя не учитывать.

Однако, противоположной процессу глобализации является интеграция групп стран в региональном масштабе. В этом смысле создается развитие таких сообществ, как ЕС, ЕАСТ, НАФТА, АЛБА, Андский Пакт, Общие ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии, Андская группа Карибское сообщество, КАРИКОМ, Карибский "общий рынок", Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Североамериканская интеграция (США, Канада, Мексика). Итак, мы имеем дело с различными структурами (моделями), типами, формами и организациями интеграционных процессов, в том или ином виде охвативших почти весь мир. Следует различать также уровни и цели интеграционных сообществ, их реальное место в общей структуре мировых интеграционных процессов и меру влияния на эволюцию международных экономических отношений. Вместе с тем определяющим, универсальным типом интеграции является политико-экономическая модель, в которой международная кооперация и интернационализация обретают не только качественно новую, более зрелую форму, но и новые сущностные формы трансплантации интернационального регулирования и управления на политическом и экономическом уровнях всеми процессами интегративного развития. В конечном счете интеграционные сообщества, которые перерастают состояние обмена, неизбежно будут тяготеть к универсальным моделям интеграционных структур, которые обретут новые формы. Примером тому может служить формирующийся в последние годы Азиатско-тихоокеанский регион, который охватит несколько континентов с огромным экономическим потенциалом, неисчерпаемым рынком рабочей силы и потребления и т.д. Важной характеристикой потенциала интеграционных группировок служит их участие в мировом движении капиталов с возникновением собственного рынка, что приводит к появлению самостоятельных экономических зон, участвующих на международной арене.

Как мы уже отметили ранее, противоположным процессу глобализации является процесс локализации экономической деятельности, охватывающий группу стран или регионов, создающих объединения между собой. Процессы регионализация и глобализация очень важны для развития, как мирового хозяйства, так и отдельных локальных систем и территорий.

Изучение проблем регионализма насчитывает не одно десятилетие, особенно широкое распространение исследования данной проблемы, получили в Западной Европе [55, с 58]. В этом смысле есть юридические, экономические, геополитические, исторические, культурные и иные трактовки регионализации. Каждая из них концентрируется лишь на каком-то определенном аспекте, игнорируя остальные важнейшие характеристики. В то же время в зарубежной литературе можно встретить множество синтетических определений этого понятия. Финский политолог Пирю Юкараинен полагает, что под термином «регионализм» могут скрываться такие разнородные процессы, как движение за этнические право, сепаратизм, децентрализация государственного устройства и т.д. [129, с 17]. Андрей Хуррель отмечает, что регионализм – это естественный, ограниченный принцип территориальной организации социальных, политических, экономических и культурных процессов [95, с 66].

Однако очевидно, что процесс глобализации приводит к постепенной передаче полномочий на региональный уровень. При этом можно сказать, что большинство современных межрегиональных и межгосударственных границ очень условны, поскольку, регионы начали играть особенную роль в экономическом, политическом, культурном и правовом сфере, т.е. региональное развитие изменяет роль государства и создает условия территориального развития внутри него, поэтому, по мнению Фернандеса А., внутрисоциальную систему регионов можно рассматривать как локальную экономическую систему [107, с 25], которая состоит из административных образований, или территорий с общими природными и экономическими особенностями, либо социокультурные сообщества со своей

локальной экономической системой [91, с 91-95].

Таким образом, международные и внутренние функции государства все более усложняются, поскольку международные отношения становятся более динамичными, с новыми экономическими и политическими субъектами – регионами. Результатом международных, межгосударственных и межрегиональных отношений можно назвать существование двух макроуровней регионализации:

- Международная регионализация: региональная и субрегиональная системы.
- Внутренняя регионализация: регионы в составе государства.

Региональное развитие в разных странах способствует укреплению роли регионального пространства в национальной экономической системе. В этом смысле в современном мире полномочия центральных управлений передаются на региональный уровень.

Очевидно, что очень важным примером развития процессов в межгосударственном аспекте является Европейский Союз как процесс создания единой Европы. Таким образом, заметно возросла роль регионов в политической, социальной, экономической, технологической, культурной жизни не только в Европе но и в Азии, Латинской америке и Африке. Отметим, что региональное движение в Латинской Америке, стремится создать региональный комплекс подобно ЕС. Здесь надо отметить, что процессы интеграции в странах Карибского бассейна и Латинской Америки последние годы развиваются очень активно во всех сферах, уже начали создание Банк АЛБА (АЛБА - Боливарианская Альтернатив Америк), в это интеграционное объединение входят в качестве полноправных членов Боливия, Венесуэла, Гондурас, Доминика, Куба и Никарагуа. В числе наблюдателей - Гаити, Иран, Уругвай, Эквадор, а также ряд стран Карибского бассейна. И создание Южный Банк, как альтернатив экономического и финансового кризиса в мире. В последнем документе АЛБА содержатся конкретные предложения по формированию системы взаиморасчетов с введением общей расчетной единицы, а в дальнейшем и общей денежной единицы. В целях обеспечения устойчивых темпов экономического роста планируется создать стабилизационный фонд АЛБА. В декларации указывается на расширение финансирования конкретных экономических проектов Банком АЛБА и говорится о необходимости укрепления этого банка как эффективного финансового инструмента блока.

Как мы уже отметили, процессы регионализации экономики являющиеся одной из форм ее трансформации, получили дополнительной импульс в результате территориальных преобразований в экономической сфере России.

В контексте проблем глобализации вопросов региональной политики важное место отводится территориально-экономическому и административному устройству страны. Экономическая регионализация традиционно возникает на основе региональной специализации, определяемой исторической, природной, демографической и иной спецификой.

Субъектом экономико-политической регионализации становится регион как область экономического пространства, отличающийся особой экономической организацией. В данном качестве регион является субъектом принятия экономических, административных и политических решений, отличным от государственной власти, а также объектом самоуправления.

Процесс регионализации в условиях глобализации многообразен. Он протекает под воздействием специфических условий развития регионов, включающих природно-географические, организационно-производственные, хозяйственно-территориальные, нормативно-правовые, социально-экономические, административно-управленческие, геополитические, национально-конфессиональные, культурно-этнические, исторические, демографические, экологические факторы. Вследствие многообразия, современная Россия соединяет территории, воспроизводственные системы которых в раз-

нообразных сочетаниях и комбинациях состоят из различных технологических укладов хозяйствования.

В рыночной экономике, где территориально-экономическая единица является объектом управленческих решений, а сами эти решения могут приниматься на различных уровнях управленческих системы – федеральном, региональном, муниципальном, необходимы единство и четкость подходов при районировании страны и законодательно-правовое закрепление статуса каждого уровня.

С научной точки зрения, регион можно определить как самостоятельную функционально ориентированную единицу макроэкономической структуры национального хозяйства, выступающую в качестве формы организации и функционирования социоприроднохозяйственной системы мезоуровня, целенаправленно осуществляющей процесс самовоспроизводства на основе использования принципа сравнительных преимуществ с учетом локально-территориальных факторов и ресурсов при консенсусе экономических интересов и социальных целей федерального центра и территориально-поселенческой общности и согласовании индикаторов эволюционной динамики со стратегическими ориентирами развития страны [91, с 41].

Новая роль регионов является результатом пересечения многочисленных процессов из которых очень сильно влияют двух главных процессов. Первый процесс можно определить как усиление глобализации и регионализации экономической деятельности. Второй процесс – развитие новых услуг в сфере организации экономики, процесс, заметный в фирмах всех секторов экономической деятельности. Растущий спрос на развитие новых услуг всех отраслей, продемонстрировал, что экономические районы и города являются предпочтительными местами для производства этих услуг. В итоге укрепилось значение управленческих центров транснациональных корпорации, и города, как и регионы, оказываются очень удобным «производственными площадками». Становление глобальных рынков финансов и специализированных услуг, рост инвестиции как один из главных типов международных сделок – все это содействовало экспансии функции управления регионов и спроса на специализированные услуги для фирм.

Исходя из этого, регионы стали концентрировать финансовые, политические и экономические функции; стали пространством постиндустриального производства для ведущих отраслей; являются транснациональными рыночными площадками, где фирмы и правительства покупают финансовые инструменты и специализированные услуги.

На современном этапе экономической развития, регионы являются субъектами производителями и экспортерами в сфере финансовых услуг, бухгалтерского учета, рекламного дела, консалтинга, международных юридических и прочих деловых услуг. Во многих странах, наблюдается тенденция к усилению специализации регионов. Так, к примеру, в США Нью-Йорк – явный лидер в банковском деле, на рынке ценных бумаг, управлении промышленностью и т.д.

При рассмотрении системно-коммуникационного аспекта региона как подсистемы глобальной экономики следует отметить объективный характер связей, их многообразие. Таким образом, регион и национальное хозяйство, при условии их внешней открытости, взаимодействуют через связи различного ранга (межрегиональные, региональные, международные) в рамках мировой экономики.

В настоящее время под воздействием глубокого взаимопроникновения национальных и региональных экономик в предельно возможном территориальном охвате происходят изменения во всей системе международных отношений. Новой существенной чертой их становится глобализация.

Глобализация резко увеличила степень открытости национальных экономических и социальных систем, интенсифицировав взаимный обмен информацией, миграционным потенциалом, капиталами, товарами и услугами, культурными и духовными ценностями. Экономическая глобализация ослабляет суверенитет национального государства и поощряет автономию регионов, соотносящих себя уже не только с хозяйственными национальными системами, но и с системой высшего ранга – мировым хо-

зяйством. Эти процессы приводят к выходу регионов на важный уровень, наряду с национальными государствами в интернациональных процессах.

Механизмом, обеспечивающим единство региона и мирового хозяйства, является территориальное разделение труда. В результате улучшения международной транспортной инфраструктуры и создания телекоммуникационных наднациональных мостов сокращается так называемое экономическое расстояние между странами и регионами, которые стали как бы в несколько раз ближе друг к другу. Мир становится более компактным, т.е. глобализация превращает мировое хозяйства в единое целое.

Инновационные импульсы зарождаются в наиболее развитых частях мира и затем распространяются по миру, именно в центры глобальных экономических сетей поступают доходы от нововведений. Это ведет к усилению диспропорции в мировой экономике (центр и периферия) и нарастанию социальной поляризации. Вместе с тем, участие стран периферии и полупериферии, и государства с переходной экономикой, в глобальных процессах дает им определенный шанс развития через иностранные инвестиции и привлечение новых технологии. Однако эти факторы развития регионов распределяются по территории государств неравномерно, усиливая уже имеющиеся диспропорции, что определяет неравномерное включение национального экономического пространства (регионов) в мировой оборот товаров и финансов, в международный информационный и технологических обмен. Степень вовлечения региона в глобальные процессы определяется большей или меньшей его открытостью для трансграничного движения факторов производства. Таким образом, в условиях глобализации, при взаимодействии национальных и региональных экономик в глобальном геоэкономическом пространстве интенсифицируется взаимный обмен информацией, инновациями, людьми, капиталами, товарами и услугами, культурными и духовными ценностями.

Развитие межрегионального сотрудничества – один из путей к международному экономическому безопасному и стабильному региональному развитию, укреплению государственности, в котором так нуждается сегодняшняя Россия. Закономерно и необходимо решать вопросы сотрудничества не только непосредственно между регионами РФ, но и в рамках ЕС, в рамках формирования и реализации программ социально-экономического регионов и региональной инвестиционной политики и в привлечении инвестиционных ресурсов, сопоставимы с возможностями и значением развития малого бизнеса.

Опыт реализации федеральных и региональных программ в России за последнее десятилетие создал большой банк данных типовых механизмов решений региональных проблем, в том числе и эффективных. Унификацией таких институциональных организационных решений – один из надежных путей создания модельного инструментария реализации программ социально-экономического развития регионов.

Таким образом, программу социально-экономического развития региона правильнее называть интегрированной системой целевых программ развития региона, комплексно обеспечивающей разработку и реализацию системы ресурсно- и организационно обеспеченных мероприятий развития различных элементов такой сложной социально-экономической системы, которой является субъект Российской Федерации.

Процессы глобализации и регионализации принято рассматривать, как сопряженные, так и политико-экономические мотивированные. В России, главными проблемами, с которым сталкиваются российские регионы в процессе их интеграции в международную систему отношений, на наш взгляд, представляются следующим образом. Во-первых, темп развитие экономика регионы, выступая в качестве своего рода «локомотивов регионов глобализации». Во-вторых, стратификация российского экономического пространства на перспективы международной интеграции РФ. В-третьих, на горизонтальном уровне, то есть между самими ее регионами, существуют различные интересы в области международного сотрудничества и разные стратегии их реализации.

Геоэкономические приоритеты российских регионов входят в противоречие с геополитической ло-

гикой не только федерального центра, но и части зарубежных государств. Многие формы субнационального взаимодействия воспринимаются в Европе сквозь призму геополитических в своей основе представлений: либо как «школы интеграции», то есть как прелюдии к вхождению тех или иных стран в современные «транснациональные режимы» либо, наоборот, как альтернативы расширению этих «транснациональных режимов», если таковое будет признано не соответствующим стратегическим целям запада.

Пока совершенно очевидно, что международный потенциал нынешних российских регионов существенно различается. По отношению глобализации с регионов мы можем выделить три типа «интернационализированных регионов»:

- регионы с большим экспортно-импортным потенциалом. На их территории находится огромные финансовые и индустриальные центры, располагающие достаточным материальными ресурсами;

- регионы с большим количеством природных ресурсов. Они очень привлекательны для инвестиций иностранных капиталов;

- приграничные регионы – особая категория субъектов РФ, для которых основной инвестиции международного сотрудничества носит территориально-географический характер. Их специфика состоит, во-первых, в том, что из-за особого отношения государства к своим внешним границам все эти регионы вплетены в сложнейшую комбинацию факторов, связанных с геополитической и геоэкономической безопасностью. При этом для экономики большинства приграничных территорий огромную роль играет транзит. В России существуют много регионов - субъектов международной транзитной деятельности. Однако формы ее осуществления не ограничиваются геоэкономическими или геофинансовыми рамками, а наталкиваются на межгосударственные отношения и конфликты. В условиях глобализации большинство факторов внутрирегионального развития становятся предметами международного внимания, от которого в решающей степени зависит та или иная «дислокация» региона в системе мировых координат.

Таким образом, подчеркнем, что развитие межрегионального сотрудничества – один из путей к международному экономическому безопасному и стабильному региональному развитию, укреплению государственности, в котором так нуждается сегодняшняя Россия. Закономерно и необходимо решать вопросы сотрудничества не только непосредственно между регионами РФ, но и в рамках ЕС, в рамках формирования и реализации программ социально-экономического регионов, региональной инвестиционной политики и в привлечении инвестиционных ресурсов.

Особенности современного мирового развития неразрывно связаны с процессами, происходящими в развивающихся странах, охватывающих большинство государств мира. Последние два десятилетия показали огромные различия в экономическом развитии двух основных подсистем. Разрыв в уровнях экономического развития индустриальных и развивающихся стран увеличился. В свою очередь процессы углубления дифференциации происходят в подсистеме развивающегося мира. Основной пророст обрабатывающей промышленности, экспорта готовых изделий был обеспечен небольшой группой новых индустриальных стран (НИС). Повышение их роли не только результат различий в факторах и условиях развития этих стран, но и воздействия на них внешних обстоятельств.

Громадные разрывы в уровнях экономического развития в мировой экономической системе не способствует ее структурному развитию, повышению эффективности мирового производства и поддержанию темпов экономического развития.

1.2. Историко-генетический контекст территориальной стратификация российской экономики: сложившиеся тенденции и новые формы

Подход к анализу экономики России предусматривает многоаспектную стратификацию народного хозяйства. Исследование типов и особенностей региональных экономик позволяет дать достаточно

объективную картину взаимосвязей как внутри, так и между отдельными территориями государства.

Процессы экономической политики РФ должны учитывать особенности типов регионов, выделяемых с учетом экономических, социальных, природных, геополитических и иных существенных условий [28, с 118]. Подчеркнем, что история Российского государства всегда была связана с изменениями ее территории и административно-территориального устройства. Основой административно-территориального деления до 1917 г. была губерния [28, с 17]. При правлении Петра I было учреждено восемь губерний [81 с, 25], численность которых к 1917 г. приблизилась к ста. В дореволюционный период Россия использовала практику объединения регионов, т.е. объединение нескольких губерний в крупные генерал-губернаторства. Низовыми по отношению к губерниям административными единицами были уезды, в свою очередь, делившиеся на волости. В конце 30-х гг. XVIII в. в России было уже 14 губерний, 47 провинций и свыше 250 уездов [39, с 163]. При правлении Екатерины II число губерний вначале увеличилось до 40, а позднее до 68 [39, с 165]. Экономическое районирование в дореволюционный период в большей степени, было ориентировано на природно-климатические различия территорий и сельскохозяйственное разделение крестьянской России.

Уже с 1922 по 1991 гг. Россия (РСФСР) как республика СССР была поделена на автономные республики, края, области и автономные области. Однако эта структура неоднократно менялась.

После 1917 г. в России начинается проект приоритета размещения крупной промышленности, и уже в 1918 г. Лениным В.И. был составлен «набросок плана научно-технических работ» для Российской Академии Наук с целью разработки программ ускоренного промышленного развития страны. Первые результаты исследований были использованы в едином государственном плане электрификации России (ГОЭЛРО), разработанном к 1920 г.

Итак, осуществление идей экономического районирования началось с плана ГОЭЛРО, в основу которого положены результаты исследований территории России. Согласно этому плану, в 1920 г. РСФСР была поделена на 8 районов: Северный, Центрально-Промышленный, Южный, Поволжский, Уральский, Кавказский, Западно-Сибирский, Туркестанский. В 1921 г. Госпланом СССР был подготовлен новый проект районирования, предусматривающий деление страны на 21 экономической район. В основу районирования был положен экономический принцип, таким образом, основные контуры районов определяются природными условиями, степенью вовлеченности их в использование, специализацией в системе разделения труда, трудовыми ресурсами, транспортной особенностью, степенью развития социальной и производственной инфраструктуры. Границы экономических районов, созданные в 1922 г., неоднократно менялись в связи с уточнением конфигурации крупных регионов.

С 1982 г. в СССР появились 11 экономических районов: Северный, Северо-Западный, Волго-Вятский, Центрально-Черноземный, Поволжский, Северо-Кавказский, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Дальневосточный. Этот процесс районирования сформировался под воздействием системы факторов производственного, ресурсного, социального и политического характера. Также на этот процесс оказали влияние национальные факторы, особенности территорий, геополитическое положение регионов страны и ее отдельных частей. Это подчеркивал и Коваленко Е.Г., отмечая, что экономический регион «выделяется специализацией в территориальном разделения труда, имеет присущую только ему структуру хозяйства, получившую развитие на основе специфического для данной территории сочетания природных ресурсов и социально-экономических предпосылок» [45, с 23].

Очевидно, что административно-территориальное устройство в РФ является системой территориальной организации государства на основе которой действуют органы государственной власти и местного самоуправления страны. Административными регионами России являются субъекты РФ, которые представляют собой относительно самостоятельные территориально-локализованные экономики с собственной системой управления, закономерностями общественного производства, выделяемые с учетом рационального размещения производительных сил. Административные регионы РФ определяются спецификой расселения населения и сложностью централизованного управления социально-экономическими процессами на обширной территории государства [45, с 23-26].

В настоящее время Россия имеет в своем составе 87 субъектов федерации (административных регионов), включая 21 республику, 5 краев, 49 областей, 2 города федерального значения – Москва и Санкт-Петербург, 1 автономную область и 7 автономных округов.

Кроме того, в мае 2000 г. было учреждено 7 федеральных округов, хотя и не затрагивающих сложившегося административно-территориального деления России, объективно направленных на выработку модели административного управления макрорегионами страны.

Микроуровень административного деления России – это примерно 1900 низовых административных районов, около 1100 городов, включая 330 внутригородских районов и округов, а также почти 2 тыс. поселков городского типа и свыше 24,4 тыс. сельских администраций.

С нашей точки зрения, сетка районирования должна способствовать формированию не только эффективной экономики, территориально-производственных комплексов, но и новых рыночных структур. Кроме этого необходимо учитывать историко-географические особенности населения, тенденции расселения и условия жизни людей, проблемы и географию городов и сельских поселений, миграцию населения и экологические проблемы.

Актуальность проблем территориального управления тесно связана с экономическим районированием. Именно усложнение системы территориального управления в стране вызвало экономическое районирование как вспомогательный инструмент. Зарождение экономической географии в России, возникновение первых концепций экономического районирования относится к середине XVIII в. и связано с экономическими и политическими успехами страны, расширением ее территории, созданием всероссийского рынка. С начала XVIII в. в России начинается значительный рост промышленного и сельскохозяйственного производства. Во второй половине XVIII в. внешнеторговый оборот России увеличивается в пять раз. Еще быстрее растет внутренняя торговля.

С расширением границ России на Востоке, Кавказе, в Причерноморье, с включением в ее состав Польши и Финляндии московская торговля по новым дальним трактам (улучшенным грунтовыми дорогам, соединяющим важные населенные пункты) достигает Охотского и Черного морей, проникает в глубинные горные долины Кавказа и оазисы Средней Азии. В середине XVIII в. ликвидируются внутренние таможенные; в это же время в стране появляются первые банки.

Размах хозяйственных связей, охвативших стремительно расширяющуюся территорию страны, развитие науки и культуры, новые государственные задачи требовали всестороннего изучения особенностей природы, хозяйства, населения всех частей гигантской территории страны, создания карт и атласов, составления комплексных, т.е. включающих и природу, и хозяйство, и население описаний России.

В XIX в. на огромной территории России интенсивно развивается процесс географо-экономического разделения труда, придавая отдельным частям страны определенную хозяйственную специализацию. Все более глубокой становится географическая дифференциация хозяйства страны. Ее экономические районы приобретают отчетливый, ясно ощущаемый образ.

Особенное значение имел первый опыт экономического районирования России: выделение десяти «пространств» (районов) России Арсеньевым К.И., в 1818 г., с которых собственно и начинается развитие экономической географии. Работы по экономическому районированию России, выполненные К.И. Арсеньевым, отразили объективный ход эволюции территориального и экономического развития страны.

В пореформенное время, в период сильного развития капитализма в России, главным образом вширь, стали складываться резкие различия между метрополией и колониальными окраинами, между сельскохозяйственными и индустриальными районами, между районами с различными типами развития.

В конце XIX - начале XX в. в России развиваются новые научные школы, не связанные напрямую с районированием, но расширяющие теоретическую и практическую базу исследований России. Это относится к работам Анучина Д.Н. и его учеников Берга Л.С. и Борзова А.А., деятельность которых особенно развернулась уже в советское время, трудам Докучаева В.В., Вернадского В.И., Танфильева Г.И., Польшова Б.Б., Ферсмана А.Е. Географы в своих работах обращали внимание на хозяйственное использование природных условий и ресурсов и тем самым внесли важнейший вклад в целостное развитие географической науки, что имеет принципиальное значение для экономической географии и теории районирования.

Особое место в развитии экономико-географической мысли в конце XIX в. занимают работы Д.И. Менделеева, в том числе его опыт районирования России по «экономическим краям» со строгой системой показателей, характеризующих выделенные им районы, а также многочисленные опыты сельскохозяйственного районирования. Среди работ Менделеева Д.И., имеющих явный экономико-географический характер, следует выделить труд «Фабрично-заводская промышленность и торговля России» (1893). В этой работе автор отмечает разнообразие условий в различных частях страны для развития промышленности. Важнейшим условием он считает густоту населения, удобство путей сообщения для вывоза продукции и подвоза сырья и возможность получить дешевле топливо. Поскольку сочетания этих условий различны, Менделеев выделяет в ней экономические районы «различного хозяйственного характера», группируя губернии в 14 краев: Центральный, или Московский; Балтийский, или Петербургский; Северный; Восточный; Юго-Западный; Среднеазиатский; Кавказ; Южный; Юго-Западный; Северо-Западный; Малороссийский; Черноземный; Финляндия; Полский.

Оригинальным в этой работе было то, что в противоположность прежним опытам районирования, учитывавшим преимущественно или даже исключительно сельское хозяйство, районирование Менделеева было промышленно-географическим, учитывало, прежде всего, интересы развития промышленности. Такая постановка проблемы районирования была тесно связана с его идеями о необходимости быстрого промышленного развития страны. Особый интерес представляют характеристики выделенных районов. В них ученый выделяет наиболее типичные черты в структуре экономики района и оценивает эти черты с точки зрения возможного промышленного развития, т.е. действует с позиции специалистом по региональной экономике.

Как уже было отмечено, правильное понимание региональной политики (РП) и территориальной организации общества (ТОО), как среды ее действия, невозможно при учете только экономических факторов, характера конкретной экономики. Помимо территориального разделения труда и ряда вышеотмеченных закономерностей историко-географического характера существует и группа факторов, определяющих характер региональной политики, условия ее осуществления. Эту группу факторов мы назвали политико-правовой. Именно эти факторы являются организующим звеном системы региональной политики. К их числу относится конституционное право государства, регулирующее государственное устройство, в том числе вопросы федерализма, административно-территориальное деление (АТД).

Национально-территориальное и административно-территориальное деление имеет для нас принципиальное значение в связи с тем, что оно определяет характер экономического и фискального федерализма, т.е. разделение полномочий между центром и субъектами федераций в налоговой, бюджетной сфере и управлении экономикой. В специфических условиях СССР роль решений КПСС в вопросах управления экономикой была решающей. Основные этапы эволюции хозяйственной системы прослеживаются в решениях партии и правительства. Однако в рамках данного исследования политические оценки процесса экономического развития страны не даются. Автору важнее проследить основные этапы экономического развития страны и выявить основные организационные формы территориального и отраслевого управления.

Национально-территориальное и административно-территориальное деление имеет для нас принципиальное значение в связи с тем, что оно определяет характер экономического и фискального федерализма, т.е. разделение полномочий между центром и субъектами федераций в налоговой,

бюджетной сфере и управлении экономикой. В стране нарастает правовое, государственно-административное, социо-культурное и экономическое своеобразие отдельных территорий. Прежняя регионализация целенаправленно задавалась государством и опиралась на стратегию и практику размещения производительных сил при Госплане СССР. Формировавшиеся при этом регионы являлись частями единого народнохозяйственного комплекса, их границы, как правило, совпадали с государственно-административными. При этом однородная система государственного управления, единая правовая система делали существование этих регионов комплиментарным друг по отношению к другу. Регионы не вступали в прямую экономическую и политическую конкуренцию между собой. Более того, за счет своей народнохозяйственной специализации они выступали в виде взаимодополняющих звеньев единых технологических и социо-культурных цепочек. Главными принципами государственной региональной политики советского государства были комплексность социально-экономического развития и выравнивание его уровня в различных регионах.

После распада СССР постсоветское пространство было заново переструктурировано. Оно больше уже не представляло гомогенную площадку индустриализации, на которой производительные силы располагались комплексно и равномерно, с учетом специализации каждого региона в рамках единого народнохозяйственного комплекса. Это регионализация, которая произошла в РФ была, по сути дела, административно-политической. Ее основным инициатором выступили органы власти субъектов федерации, ставшие своего рода «каркасными структурами», вокруг которых сформировались территориально замкнутые сообщества.

Итак, главным позитивным следствием административно-политической регионализации РФ было то, что резко возросло разнообразие вариантов развития страны, внутреннее разнообразие государственного управления, его сложность. Вместо тиражирования централизованно утвержденного образца развития России, в стране сформировалось восемьдесят восемь самостоятельных административных регионов, которые предприняли попытку самостоятельно выстроить собственные политические и социально-экономические системы.

С нашей точки зрения, административно-политическая регионализация в РФ, во-первых, обеспечила адаптацию доставшейся в наследство от Советского Союза социально-экономической системы к существованию в условиях, когда ликвидировано централизованно планируемое государственное управление обществом, во-вторых, повысила внутреннее разнообразие социальных, экономических и политических процессов в стране, увеличила количество реализуемых региональных проектов. В-третьих, административно-политическая регионализация стимулировала появление целого пласта новых техник государственного управления и техник организационные и бизнес-культуры, а также увеличила своеобразие различных территорий страны.

Новая тенденция экономическая регионализация в РФ – культурно-экономические регионы [45 с, 24]. Административные регионы всегда представляли собой своеобразное отцентрированное пространство, т.е. пространство собирающееся к центру. Административные центры, как правило, становились культурным и индустриальными центрами. В них перемещались основные фонды промышленных предприятий, а главное в них создавались пакеты инженерных инфраструктур которые были необходимы для нормального функционирования промышленности индустриальной эпохи.

Новые культурно-экономические регионы не ликвидируют старые административные, а лишь надстраиваются над ними, но при этом приобретают иную пространственную организацию. Они больше не существуют как единая протяженная территория. Ее протяженность уже не столь важно, гораздо существеннее наличие коммуникаций между частями этих регионов.

Внутри культурно-экономических регионов выделяются центры, в которые перемещаются субъекты, принимающие решения, причем не столько технические или технологические, сколько финансовые корпоративно-стратегические и социо-культурные. Будучи по сути дело, носителями человеческий капитала, данные субъекты предъявляют к центрам культурно-экономических регионов особые требования по их обустройству и в первую очередь по обустройству технологического роста, управления

социальными процессами, формированию культурной среды, необходимой для работы и жизни квалифицированных кадров. Естественно, что таким требованиям в наибольшей степени отвечают крупные города: в них наиболее плотная культурная среда, там зарождаются и оттуда распространяются инновационные импульсы, но главное, в этих центрах концентрируются новые технологии, а также инфраструктуры, обслуживающие их создание и распространение, инфраструктуры, сберегающие и умножающие человеческий капитал. Прежние инженерные инфраструктуры, на которых выстраивалась индустриальная экономика, для нормального функционирования постиндустриальной экономики должны быть дополнены.

Очевидно, что географическая локализация новых культурно-экономических регионов перестает совпадать со старым государственно-административным делением страны. Отчасти это вызвано технологическими причинами. Для возникающей в России новой экономики факторы местоположения основных фондов, производственной мощностей, оказываются хотя и важными, но не решающими. Совместный результат процессов глобализации и информатизации состоит в том, что производственный сектор и сектор управления им становятся все более независимыми друг от друга. Причем настолько независимыми, что могут разделиться географически без экономических потерь.

Таким образом, несовпадение карт старых административных и новых культурно-экономических регионов проявляется различным образом:

- они могут совмещаться в рамках одной территории, но существовать как параллельные социальные пространства;
- культурно-экономические регионы могут быть трансграничными, формируя свое сообщество, они могут локализовываться на территории отдельных государственно-административных и муниципальных образований, порождая неоднородность социально-экономического развития;
- административные регионы остаются территориальной площадкой для функционирования новых экономических регионов.

Процесс глобализации привел к укреплению взаимодействия и сотрудничества в странах в Центральной и Южной Америке между собой, не только в военном, экономическом и политическом аспекте, но и в культурном, и социо-экономическом аспекте. С нашей точки зрения, можно сказать, что это процесс создавал условия для возникновения новых моделей регионального развития, поэтому государства укрепляли их административные образования и территории со своей экономической системой.

Экономическая, политическая и социальная структура государств Латинской и Центральной Америки все более усложняется, поскольку они одновременно участвуют в деятельности нескольких международных (ВТО), региональных (МЕРКОСУР, СЕЛА, АЛБА) и субрегиональных систем (Г-3). В России участвуют в СНГ, ВТО, АСЕАН и т.д. Таким образом, мы считаем, что региональное развитие имеет много уровней, т.е. не только вне государств, но и внутри их, что осуществляется за счет усиления социального, экономического, политического и культурных действий.

В качестве характерного примера развития вышеупомянутых явлений и процессов в межрегиональном аспекте являются Андский пакт, Амазонский Пакт, МЕРКОСУР, СЕЛА, АЛБА, КАРИКОМ, СНГ и др.

Подчеркнем, что в настоящее время, главным критериями межрегионального сотрудничества в странах Латинской и Центральной Америки, в России и в ЕС являются социальный, экологический, культурный аспекты.

1.3. Генезис формирования территориально-экономических образований Венесуэлы

Доколониальный период экономического развития территории Венесуэлы включает в себя перво-

бытное и примитивное хозяйство, где главное место занимало натуральное производство, в колониальном периоде, уже начинается становление и развитие феодальной экономической системы.

Территория современной Венесуэлы не имела никакой политико-территориальной интеграции до того, как была открыта Колумбом. Только в ограниченном смысле можно говорить о локализованных территориях, где проживали этнические группы, взаимодействующие между собой. Кроме того, отметим, что не существовала постоянная связь между этими этническими группами, однако, существуют некоторые археологические и исторические документы которые позволяют говорить о том, что существовал обмен между специфическими группами в западных регионах, в восточных регионах и в некоторых регионах Карибского моря. Также некоторые хронисты подчеркивали, что существовали альянсы между племенами, но эти контакты между общинами существовали только на своих локальных территориях.

Жизнь населения Венесуэлы доколониального периода больше всего зависела от климатических условий, что привело к созданию локальной территориальной экономической системы (имеющей коллективную собственность), т.е., в зависимости от сезона, население эксплуатировало в течение года различные зоны внутри своей экономической территории.

Ситуацию с аборигенами до момента прибытия испанцев в Венесуэлу можно описывать как существование разных культурных форм или видов от «первобытно-кочевого до оседло-прогрессивного сообщества» [137, с 53]. В документах содержатся сведения о том, что сообщество аборигенов было гетерогенным: социально-политическая эволюция в разных географических пространствах являлась «простыми поселениями индейцев (озеро Маракайбо, центральный льянос, юг Ориноко), «поселения индейцев нуклеарес» (Маргарита, Сукре, север Монагас, дельта дел Ориноко), «поселения индейцев кацикальный» (Фалькон, Лара, Варгас, озера Валенсия)» [137, с 54].

В соответствии с исследованиями историка Роселио Круз, населения аборигенов, находящиеся на территории современной Венесуэлы во время завоевания испанцами, принадлежали к различным языковым семьям: Карибы, Аравако, Чибча и несколько групп без классификации. В научном археологическом исследовании географ Морено Каррильо утверждает, «что население на территории, которая нам знакома, как Венесуэла, появилось 16 тысяч лет назад» [132, с 14]. Оно появилось на юге от региона Амазонас, на западе от Анд, на севере от Карибского моря.

По мнению антрополога Мигеля Акоста Саигнес, на территории Венесуэлы существовало 9 культурных зон, занимающих определенные локальные территории. Эти локальные образования имели определенные условные границы как реки, леса, долины и пр. (рис. 1.3.1):

1. Анды Венесуэлы – Тимото Куикас;
2. Западные карибы – Пемонес, Бобурес и Мотилонес;
3. Впадина озера Маракайбо – Гоахирос;
4. Западный аравакос – Катекис распространяющийся на территории Фалькона, Лара и Яракуй и Льянос;
5. Хирахара, Яман и Гальонес – территории Лара;
6. Восточные карибы – от полуострова пария до борбурата;
7. Гуараос – территории Льянос и дельты Ориноко;
8. Отомакос, Гуанос, Тапаритас – территории Апуре и Ориноко;
9. Кочевые и Карибес – территории Гвяна Венесуэлы и юга Ориноко.

В археологическом исследовании Доносо П. [98, с 11-25] утверждается, что многие племена жили и развивались изолированно, поскольку территория была огромная с большими ресурсными потенциалами, а население было небольшим. Периодизация истории до открытия Америки была довольно сложной. Однако известно, что существование примитивного общества – один из самых продолжительных периодов человечества.

Известно, что на этих территориях не было оседлого земледельческого населения, были малочисленные индейские племена, находившиеся на стадии родоплеменного строя, и не было великих богатств в отличие от других цивилизаций Америки (Маяс, Астекас, Инкас).

Рис. 1.3.1. Территориальное распределение племен Венесуэлы (А.М. Саинес)

В исследованиях экономического Института Андского Университета, подчеркнуто, что население, проживавшее на этих территориях, характеризовалось следующими признаками:

- низкий уровень развития производительных сил и медленное их совершенствование;
- коллективное присвоение природных ресурсов и результатов производств;
- отсутствие частной собственности, эксплуатации, и государства;
- неторопливые темпы развития общества.

Это период можно описывать как примитивный экономический период, поскольку главное место в экономике занимало натуральное хозяйство (рис.1.3.2). Таким образом, рассматривая генезис локальных экономических систем до открытия Америки, следует отметить, что локальные экономики того периода зародились и развивались в условиях первобытнообщинного строя и значительного примитивизма в хозяйственных отношениях. Тем не менее, в данный период, возникновение и функционирование локальных экономик проходило на фоне территориально-этнических и территориально-племенных союзов экономики.

Рис. 1.3.2. Территориальное устройство доколониального периода

Географические открытия конца XV - середины XVII вв., по мнению Геррего Х. дали толчок [109, с 14-25], – активному освоению европейцами «новых регионов мира», в том числе появление новых локальных территории (колоний). Колонии являлись особой формой территориального экономического пространства, представляющие собой продукт широкой испанской территориальной экспансии.

Политическая организация того, что позже стало Венесуэлой, изменялась в течение колониальной эпохи. Это происходило по различным причинам. Главная причина состоит в том, что публичные колониальные полномочия были отделены несколько раз, и часто осуществлялись в различных местах. Например, политико-управленческая деятельность провинции могла зависеть от Испании, в военных делах – от другой провинции (например, Буенос-Айрес) и в судебном порядке – от королевской аудиенции Санто-Доминго, но можно сказать, что в общем смысле основой территориального деления колониальных территорий Испании в Америке была провинция.

«Испанская империя» начала формироваться в конце XV века, при правлении «Исабель I Кастилии и Фернандо II Арагона (Католические Короли)». Экспансию Испании в заморских странах можно объяснить множеством причин. С одной стороны, монархи хотели гарантированно владеть соседними территориями севера Африки, они надеялись также защитить торговлю Кастилии в средиземном море и в атлантическом океане. А также использовать эти территории как порты для экспорта золота и африканских рабов и поддерживать исследования отдаленных мест, чтобы распространить христианство и увеличить коммерческий потенциал двух корон на дальнем востоке, что означало бы большие богатства и международный престиж. Однако, важнейшими причинами, обусловившими активность Испании в колонизации новых территорий, стали кризис феодальной системы хозяйства, выразившийся в дроблении феодальных владений, а также усилившаяся заинтересованность королевской власти в увеличении доходов для казны.

Целью увеличения коммерческого испанского динамизма было уменьшение преимуществ, которые приобрели завоеватели и португальские коммерсанты, установив влияние на африканском континенте и на островах атлантического берега Африки.

Колониальная эпоха начинается с открытия Америки Колумбом в 1492 г. (Венесуэла -1498 г.). Начало этого периода состоит главным образом из того, что могло бы называться «завоеванием», а именно эпоху войны против аборигенов, основания городов и первых населений. Середина колониального периода соответствует развитию территории, заселению ее испанцами и неграми (рис. 1.3.3). «В результате великих географических открытий появилась система колониального господства...» [36, с 12]. Затем, «С 1520 г. началось завоевание Америки – колонизация и освоение внутренних областей континента, становление системы колониальной эксплуатации» [52, с 95].

Рис. 1.3.3. Территориальное устройство колониального периода

Путешествие Колумба проходило в очень удобный момент для Испании. Во время своего третьего путешествия в Америку в 1498 г. Христофор Колумб вошел в залив Пария, западнее Тринидада, и увидел берег южноамериканского континента на северо-востоке современной территории Венесуэлы. В 1499 г. Алонсо де Охеда, сопровождаемый Америго Веспуччи, прошел вдоль берега на восток до озера Маракайбо, где увидел свайные индейские поселки. Они напоминали ему Венецию, и он дал этой территории название Венесуэла, т.е. «Малая Венеция».

¹ Испанская империя, название, которой получило совокупность территорий Америки, Азии, Африки и Океании, колонизированных и управляемых Испанией.

² Брак, который в 1469 г. отметил начало процесса унификации своих территорий. Он проходил во время царствования католических королей, когда новая страна, только что учрежденная, начала поднимать империю.

Первое европейское поселение на материковой части страны – г. Кумана, основанный в 1520 г., а в 1527 г. был заложен город Коро. В 1528 г. император Карл V дал право на колонизацию Венесуэльского побережья от мыса Вела до Маракапана «баварским банкирам Вельзерам». По условиям соглашения, Вельзеры должны были освоить этот район и основать несколько поселений. Однако в 1556 г. права Вельзеров были аннулированы, район вновь перешел под власть испанской короны. После этого процесс колонизации побережья испанцами значительно активизировался и в 1567 г. Диего де Лосада основал «Каракас».

В 1546 г. восточное побережье (территории современной Венесуэлы) было включено в генерал-капитанство Санто-Доминго и находилось под его юрисдикцией в судебном порядке. Однако в 1718 г., когда было создано вице-королевство Новая Гранада, в него вошли западные и южные провинции Венесуэлы, а в 1777 г. территория современной Венесуэлы была объединена в рамках образованного «генерал-капитанства Каракас».

Уже в этот период появились локальные экономики, – главное территориальное образования: города полюсов, столицы, провинции, имеющие свой социальный, политический, экономический и военный статус.

С нашей точки зрения, локальная экономика этого периода характеризовала:

-централизованной плановой экономикой

-экономическими противоречиями и политическими конфликтами между регионами;

-специализацией регионов в зависимости от ресурсов каждого региона;

-самостоятельные локальные экономики некоторых регионов;

-соединение регионов на более крупные, чтобы управление было более эффективным в этих территориях.

Политико-административная и территориально-экономическая стратификация испанского государства «в индейских королевствах» была основана на провинциях. Провинция была определенной структурой, территорией организованной в губернии или Капитании. Провинция – юридическое название (законный термин) для первичной политической единицы правового государства во всей Испанской Америке. Каждая провинция (губерния или Капитания) управлялась королевским служащим: губернатором или генерал-капитаном.

Совокупность провинций соразмеряет судебную территорию Королевской Аудиенции, а каждая Королевская Аудиенция, в свою очередь, зависела от «Королевского и верховного Совета Индии». Эта структура (губерния или Капитания, королевская аудиенция, Совет Индии) держалась в течение XVI-XVII веков и начало преобразовываться только в XVIII веке, когда «Королевский Дом Бурбона» реформировал структуру государства, чтобы централизовать власть и либерализовать экономику за счет политических и экономических свобод провинций и городов.

На территории, полученной Венесуэлой в 1811 г., были сформированы с XVI века следующее провинции (рис. 1.3.4):

3 Теория «о названии Венесуэлы».

4 Семья королевская династия Аугсбурга.

5 Современная столица Венесуэлы.

6 Она соединила все провинции современной территории Венесуэлы.

7 Так называли открытие, завоевание и колонизованные американские территории и присоединенные юридически к Королевству Кастилии.

8 В то же время он располагает залом суда как судья первой инстанции и в его характере королевского Вице-предприниматель он представляет короля перед Церковью.

9 Также называли Совет Индии, установленный в 1519 г. и формально функционирующего с 1524 г.

-провинция Маргарита: первая губерния (провинция) Венесуэлы, созданная в 1525 г;

-Новая Андалусия или Кумана: Созданная в 1568 г.;

-провинция Тринидад и Гвяна: Между 1591 г. и 1731 г. они были единой провинцией, обозначенной как Тринидад де Гвяна, входящей в состав территории Санта Фе де Богота . В 1731 г. они были разделены, Гвяна составила часть провинции Новая Андалусия, а в 1768 г. она получила статус Губернии. Затем в 1986 г. она присоединилась к Аудиенции Каракаса. В 1797г.

Англичане захватили Тринидад и превратили его в британскую колонию;

-провинция (генерал-капитанство) Венесуэлы или Каракаса: созданная королевским декретом в 1528 году;

-провинция Маракайбо: с момента своего основания принадлежала провинции Каракаса, но в 1676г. объединилась с губернией Мерида-Ла Грита и поэтому перешла под юрисдикцию Санта фе де Богота;

-провинция Мерида-Ла Грита: Мерида-Ла грита была создана в 1607 г. В 1676 г. объединилась с провинцией Маракайбо.

Рис 1.3.4. Стратификация пространства Венесуэлы в 1811 г.

Отметим, что провинции Маргарита, Венесуэла (Каракас) и Новая Андалусия зависели в политическом и административном порядке от Аудиенции Санто-Доминго до 1786г; Тринидад, Гвяна, Мерида-Ла Грита, Маракайбо зависели от Королевской Аудиенции Санта Фе де Богота до 1786. Создание Королевской Аудиенции Каракаса в 1786 г. имело цель усовершенствовать территориальные реформы этих территории.

В 1786 г. провинции Маргарита, Венесуэла и Новая Андалусия вышли из-под политико-административной юрисдикции Королевской Аудиенции Санто-Доминго, чтобы присоединиться к Королевской Аудиенции Каракаса. То же самое происходило с провинциями Тринидад, Гвяна и Маракайбо, которые вышли из-под юрисдикции Королевской Аудиенции Санта фе де Богота, чтобы соразмерять территорию Королевской Аудиенции Каракаса. Территориальная унификация в 1786 г. позволила соединить под единственной политико-административной администрацией Королевской Аудиенцией Каракаса предшествующие провинции . Территориальная эволюция провинций была очень разнообразной, долгое время различные провинции были практически независимы друг от друга, с губернаторами, назначенными Испанией. Территориальный союз достигнут только в 1777 г. Территориальная унификация Венесуэлы была осуществлена четырьмя административными действиями:

¹⁰ Была созданная 18 марта 1525 г.

¹¹ Тринидад открыта в 1498, Гвяна создан в 1530 только на словах и созданная снова 18 ноября 1568 г., хотя приобрела географическую и историческую реальности в 19 марта 1591.

¹² Современная столица Колумбия.

¹³ Королевский декрет от 27 марта 1528

-1776 г - создание интендантства Армии и «управления королевскими финансами» в Каракасе для того, чтобы отделить функции политического правительства от военных и финансовых и соединить в одном королевском служащем финансовую и военную деятельности;

-1777 г - расширение юрисдикции Генерал-капитанства Венесуэлы, т.е. теперь генерал-капитанство Венесуэлы состояло из 7 союзных провинций, все эти провинции зависели от Генерал-капитанства Каракаса;

-1786 г - указ об основании Королевской Аудиенции Каракаса ;

-1793 г - основание королевского Консульства Каракаса.

Процесс территориальной интеграции Венесуэлы в колониальный период закончился основанием генерал-капитанства Венесуэлы и королевской аудиенции Каракаса. Процесс нового порядка деления «Царств Индии» был реализован созданием 4 больших единиц, созерцаемых в проектах Короля Испании, чтобы установить федерацию с этими территориями (Вице-королевство Мексики, Вице-Королевство Новой Гранады, Вице-Королевство Перу, Вице-Королевство Буенос-Айреса).

Главными территориальными колониальными пространствами были вице-королевства. Первое вице-королевство в Америке было создано в Мексике в 1535 г. под названием «Новая Испания», а в 1542 г. было создано вице-

королевство Перу . В состав первого входило Мехико, Антильские острова, Центральная Америка и Венесуэла, а во второе - вся остальная территория Испании в Южной Америке. Отметим, что до XVIII века существовали только эти два вице-королевства.

Ввиду размера Америки, одна из реформ «королевского дома Бурбонеса» состояла в том, чтобы разделить ее на еще два вице-королевства, чтобы управление и планирование в этих территории было бы более эффективным: вице-королевство Новая Гранада в 1717 г., включающее территории соответствующие современной Венесуэле, Колумбии, Эквадору и Панаме, и вице-королевство Буенос-Айрес в 1778 г. (рис. 1.3.5 и 1.3.6) . Отметим, что в общем смысле каждый южно-американский регион представлял собой локальную экономику и жил, прежде всего, самостоятельно, в ограниченном административно-территориальном пространстве. Они имели собственную хозяйственную специализацию, основанную на тех видах деятельности, которые являлись для них наиболее прибыльными.

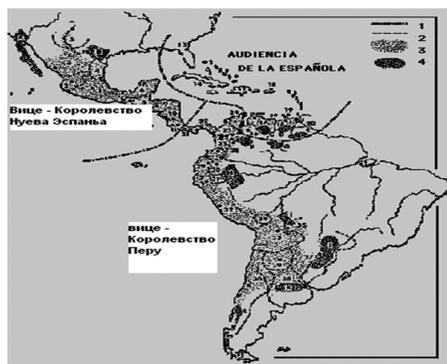

Рис. 1.3.5 Стратификация территории Испании в Центральной и Южной Америке в 1535-1717 гг.

¹⁴ Появление провинции Баринас, как генеральная комендатура, следствие новой политико-административной и территориальной организации, установленной с Королевской Аудиенцией; действительно в том же юридическом приборе отделяется от территории провинции Маракайбо юрисдикция Баринас, чтобы создавать эту седьмую политико-территориальную единицу.

¹⁵ Как отметили ранее в течение почти всей колониальной эпохи различные провинции зависели либо от Аудиенции Санто Доминго, либо от Новой Гранады, поэтому в реформы короля окончательно решил переносить Венесуэлу судебном порядке.

¹⁶ Названия Испанских территорий в Америке.

¹⁷ Территориальное колониальное пространство Испании в Америке с 1535 г. по 1717 г.

¹⁸ 29 мая 1717 было учреждено Вице-королевство Новая Гранада, устранено в 1723 и восстановленное окончательно в 1739 его столица была Сания Фе де Богота.

Вице-королевство являлось максимальной территориальной и политико-административной разновидностью в испанской Америке и было назначено для того, чтобы гарантировать господство полуостровной монархии. Вице-королевство было возглавлено вице-королем, личным представителем монарха в Америке, который был гражданским и военным начальником территориально-административной единицы; от него зависели также правосудие и вековой внешний вид церковного правительства. Американские аудиенции были организованы подобно Совету Индии, как коллегиальные власти.

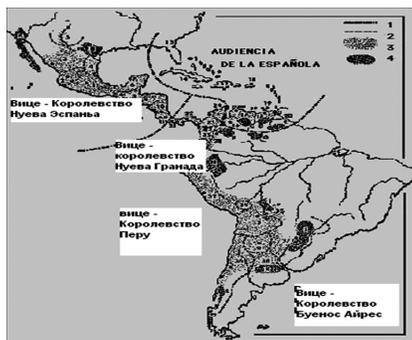

Рис 1.3.6. Стратификация территории Испании в Центральной и Южной Америке с 1717 г.

Королевская Аудиенция была самым высоким судебным трибуналом апелляции «в Индейской Америке», так как она обладала юрисдикцией в гражданской, уголовной и церковной области. Главная цель создания индейских аудиенций – подтверждение главенства Короля над губернаторами, поскольку они имели большая политическая полномочия и слишком много экономическое самостоятельности. Очевидно, что главнее аудиенции был только «Совет Индии», к которому возможно было прибегать в особых случаях. В то же время королевский суд имел политическую власть над территориями, находящимися под его юрисдикцией, и являлся важнейшим консультативным учреждением для вице-королевств и губернаторов (рис. 1.3.7)

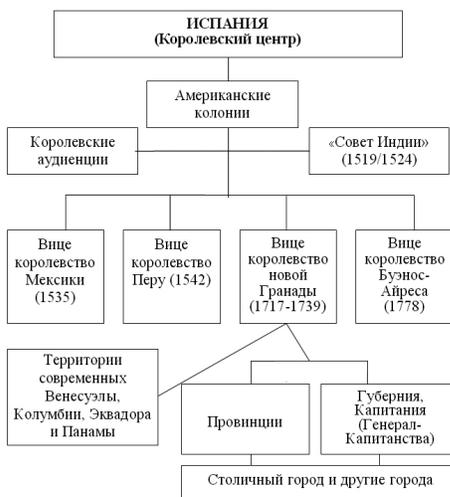

Рис. 1.3.7. Система управления Испанской Империи в Южной Америке в колониальном периоде

Изучение основным компонентом генезиса территориально-экономической локализации пространства Венесуэлы и хозяйственное развитие общества в соответствии с ее региональной стратификацией – это сложная система, которая может быть систематизирована по экономическим, политическим, социальным и административным критериям. Однако до настоящего времени еще отсутствует полная, в соответствии с имеющимися и появляющимися критериями и признаками, систематизация существующих форм локальных экономических систем страны.

19 Система управление Испанской Империи в Америке в колониальном периоде.

Так, например, современные регионы Венесуэлы как крупные экономические зоны имеют характерные социальные и экономические условия развития и соответствующие производительные силы. Одновременно они являются основным компонентом территориальной структуры народно-хозяйственного комплекса страны. В свою очередь, территориальное разделение труда, являясь одним из критериев районирования, предполагает специализацию хозяйства и развитие экономических связей между специализирующимися на выпуске определенной продукции территориями.

С нашей точки зрения экономический регион Венесуэлы представляет собой территорию, которая характеризуется конкретными экономическими и природно-географическими условиями и набором своеобразных экономических факторов, способствующих территориальному разделению труда. Одну из первых попыток экономического районирования осуществил в 1790 г. советник вице – короля королевства Новая Гранада – Монкада М., разделив пространство современной Венесуэлы на 15 территорий. Однако на практике его проект остался нереализованным [117, с 25-43].

Академик и экономист Суарез Р. неоднократно подчеркивал, что разделение территории страны на регионы должно быть основано на базе изучения концепций экономического районирования: географической, статистико-сельскохозяйственной, планово-управленческой, природно-ресурсной, производственной и других [134, с 26]. В этом смысле, интерес вызывает планово-управленческая и политическая концепции, которые в 1956 г. разработали Росалес А. и Хименес А. в «Плане регионального государственного развития Венесуэлы». Именно тогда появилось определение, которое, не теряя актуальности в своей основе, присутствует в формулировках экономического региона на всех последующих этапах, вплоть до настоящего времени: «...регионы должны обладать спецификой, по наличию и использованию комбинации природных ресурсов, культуры населения, географического положения регионов и общим границам [114 с 14, 116, с 58].

Таким образом, основы экономической локализации и стратификации регионов Венесуэлы впервые были заложены в 1969 г. в плане Кордиплана, разработанного Международным институтом исследования и формирования гармонического развития.

Итак, рассматривая генезис локальных экономических систем, следует констатировать, что локальные экономики того времени характеризовала в первую очередь, как период где развивались значительным примитивном в хозяйственных отношениях, поскольку в этих территориях было малочисленные индейские племена, находившиеся на стадии родоплеменного строя; а вторую, определить, что в колониальном периоде наиболее успешно развивались столицы провинции. Однако, экономика того времени была очень слабы, поскольку, прибыл было получено только от эксплуатации экономик богатства.

В постколониальный период происходит структурирование территории в соответствии с другой моделью, поскольку возникает влияние изменения концепции регионального развития в мире, и в том числе странах Латинской и Центральной Америки, ЕС, в Африке и тд. (рис 1.3.8).

Рис 1.3.8. Стратификация территории Венесуэлы в постколониальный период

После колониального периода появились новые формы стратификация территории Венесуэлы, С появления венесуэлы как независимый государства в Венесуэлы было укреплено провинции как форма разделения территории, -административный регионы, потом они били переразделены на штатов и муниципалитеты до ностояшего времени; продорлжалось исползование разделения территории по географическим и политическим характкристики , те, андкий регион, регион льяносы, побережный регион и тд. . Позже уже в современном государства с 1960 году были работаны планов регионально-ново развития, изучения и разделения территории по экономическим и социальных факторов. Многократное были разработаны и разделены территории по разных причин.

Исходя из изучение генезиса региональных образовании в венесуэлы, можно сказать что, оно связано с изменения разделения территория, что она эволюционировала в темпе изменения развития само страна и развития разных концепциях регионализация в мире и на ее влияла так внутренний факторов, так и внешние.

ГЛАВА 2.

НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ЛОКАЛИЗОВАННЫХ ЭКОНОМИК РОССИИ И ВЕНЕСУЭЛЫ

2.1. Эволюция моделей институциональной среды процессов регионализации в экономической системе России

Зарождение региональных исследований в России относится к первой половине XIX в. и связано с необходимостью решать важные задачи административно-политического и экономического характера. Однако, уже в XVIII в. появляются первые опыты экономического районирования России и первые труды, содержащие экономико-географические характеристики страны.

С нашей точки зрения, в XVIII в. появляется первый опыт экономического районирования России и первые труды, содержащие экономико-географические характеристики всех районов страны. Исходя из этого, особенное значения, имели и работы Арсеньева К.И., предлагающие разделить Россию на десять пространств (районов). Особенное значение имел первый опыт выделения десяти «пространств» России Арсеньевым К.И. в 1818 г. Исходя из теоретических предпосылок Адама Смита (1723-1790 гг.), он построил первую систему экономических районов России, применив тем самым положения классической экономической теории к конкретным территориям.

Российский ученый Огарев Н. П. предлагал разделить Россию на области по «географическим и промышленным условиям» и по народам, населяющим Россию, а также Европейскую Россию он предлагает разделить на десять областей: Беломорская, Прибалтийская, Белорусская, Литовская, Средняя или Кровная Великороссия, Уральская, Прикаспийская, Донское казачество, Малороссия, Новороссия [21, с 14-25].

В 1880 г. выходит первая работа Семенова-Тян-Шанского П.П. «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России». В этой работы он разделил территорию Европейской России на 12 экономических областей: Крайнюю северную, Приозерную, Прибалтийскую, Московскую промышленную, Центральную, Малороссийскую, Новороссийскую, Юго-Западную, Белорусскую, Литовскую.

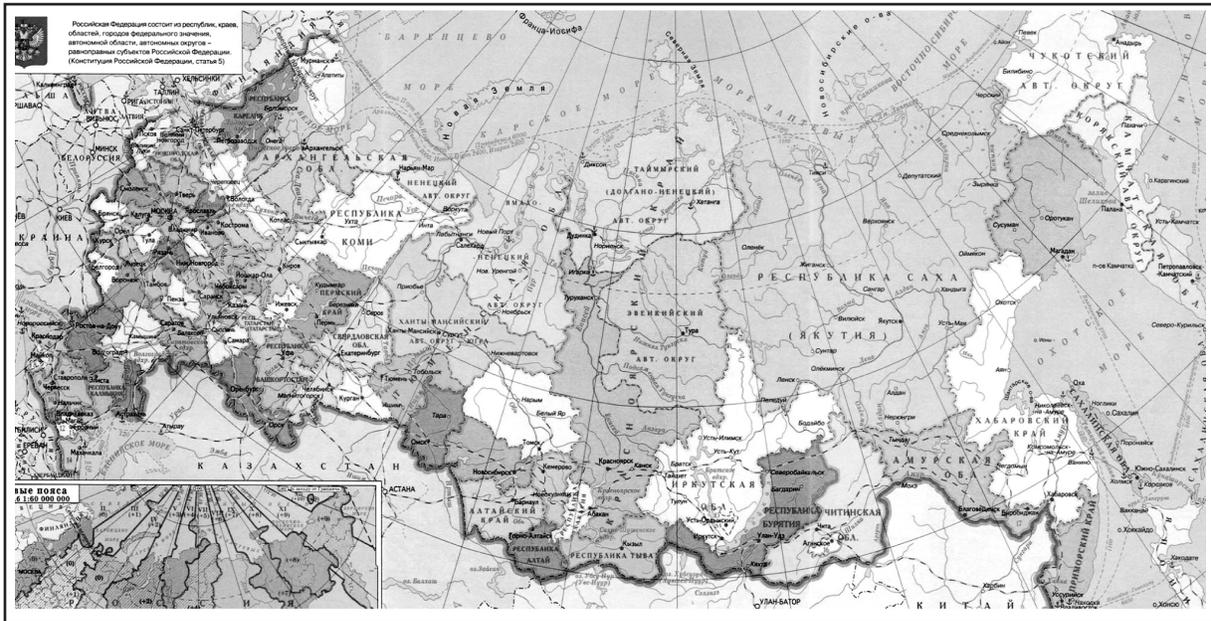
Отметим, что работы Семенова-Тян-Шанского П.П. использовано для статистико-экономических работ до появления сетки районов Госплана СССР, поскольку отражал реальную экономическую действительность того времени. В работе по районированию Семенов-Тян-Шанск П.П., учитывал развитие народного хозяйства страны в целом, но обратил более пристойное внимания на сельское хозяйство, которое в то время было главной его отрасью. Например, в Центрально-земледельческой области он выделил четыре «полосы»: центральную черноземную не залежную, восточную черноземную полузалежную, переходную, промыслово-лесистую.

В 1890-хх гг. размещение промышленности исследовал Менделеев Д.И. Он предложил ряд показателей для измерения размещения промышленности, в частности центрографический метод [22, с 14-20], что можно считать началом применения математических методов в региональной науке.

В работах о региональных исследованиях Менделеева Д.И., также имеется ряд крупных идей по таким вопросам, как развитие добычи нефти на Кавказе и создание нефтепереработки в центральных районах, развитие Донбасса и подземная газификация углей, всестороннее развитие Урала и начало добычи угля в Сибири, орошение закаспийского края и нижней Волги, освоение Артики и др.

В своих исследованиях, особенное внимание было обращено на хозяйственную оценку природных богатств и географическое положение различных частей России, на установление системы показателей экономики района и анализ демографических показателей страны. В своих работах, он группирует губернии в 14 краев: Центральный, Балтийский и Петербургский, Северный, Восточный, Западный, Среднеазиатский, Кавказ, Южный, Юго-Западный, Северо-Западный, Малороссийский, Средний хлебный или Черноземный, Финландия, Польский. В этом смысле, особое значение, прежде всего, исходило из интересов развития промышленности, связано с его идеями о необходимости быстрой индустриализации страны.

Россия

СССР

С нашей точки зрения, новизна этой работы заключалась в том, что в противоположность прежним опытам районирования, учитывающим преимущественно сельское хозяйство, районирования Менделеев Д.И. исходил, прежде всего, из интересов развития промышленности. Такая постановка проблемы районирования была тесно связана с его идеями о необходимости быстрой индустриализации России.

Особый интерес представляют характеристики районов, которые он выделяет наиболее типичные черты в структуре экономики района и оценивает их с точки зрения возможного промышленного развития. Менделеев классифицировал следующие характеристики:

- пространство, в квадратных географических милях;
- число жителей, в миллионах человек;
- число жителей, на одну квадратную милю;
- урожай зерновых хлебов, в миллионах пудов,
- выдача чугуна, в миллионах пудов в год;
- число не платящих акциза фабрик и заводов;
- годовая производительность фабрик и заводов на одного жителя, в рублях;
- производительность зерновых хлебов на одного жителя, в рублях;
- главные товары, доставленные краем;
- развитие отпускной (из края) торговли.

В XX в. широкое значение получили труды Александрова И.Г., Крижижановского Г.М., Некрасова Н.Н., Немчинова В.С., Струмилина С.Г., Ферсмана А.Е., Барановского Н.Н., Колосовского Н.Н., Лаврищева А.Н., Никитина Л.Л., Пробста А.Е., Черданцева Г.Н. и др. Большой вклад в региональную науку внесли исследования научных учреждений – Совета по изучению производительных сил (СОПС) Госплана СССР, Института экономики АН СССР, Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН, Центрального экономического научно-исследовательского института Госплана РСФСР и пр.

В административной экономической системе СССР отдельный регион представлял собой, прежде всего, часть национальной экономики – единого народнохозяйственного комплекса – и в гораздо меньшей степени экономическую подсистему - региональный хозяйственный комплекс [27, с 96].

Особенное значение в понятие экономического района в трудах Александрова И.Г. и его коллеги, «заключается не в принятии того или иного статистического признака за исходный критерий, да и нет таких всеобъемлющих критериев, для нас важно было выделить в виде района некоторую своеобразную, экономически законченную (ноне замкнутую) территорию страны, которая благодаря определенной комбинации из природных особенностей, капитальных ценностей (т.е. культурных накоплений прошлого времени) и населения с его бытом и подготовкой для производственной и вообще хозяйственной деятельности представляла бы определенную потенцию для выполнения той или иной функции в общей хозяйственной динамике страны» [4, с 3-4]. Итогом их трудов явилось деление территории Европейская часть России на 13 районов (областей).

Теоретическое основание экономическое районирование получило в трудах Баранского Н.Н. и Колосовского Н.Н, начиная с 20-х гг. XX столетия. Разработка этим учеными теоретических основ эко-

номического районирования уже тогда должно было решать проблемы освоения новых источников сырья и энергии в восточных районах в страны, самообеспечения создаваемых районов основными промышленными и сельскохозяйственными продуктами, формирования планового распределения ресурсов и готовой продукции.

Концепция экономического районирования в условиях плановой экономики состояла в выделении района как определенным образом специализированной территории внутри границ, которой все экономические пункты должны прямо осуществлять функции специализации. При этом, каждый экономический район рассматривался в качестве крупного территориально-производственного комплекса, объединяющего природные и трудовые ресурсы, производственный аппарат и систему коммуникации. Главные функции такого района состояли в выполнении плановых заданий Госплана с учетом экономико-географического положения при строгом ограничении объема между районами. Для каждого экономического района устанавливались категории производств: от районного до общесоюзного значения.

Основные положения концепции экономического районирования Колосовского Н.Н. сводятся к следующему:

-вся территория страны делится на экономические районы, образованные по производственным признакам и представляющие в своей совокупности законченную систему региональных сочетаний производительных сил.

-каждый экономический район является всесторонне развитой в экономическом отношении территорией, объединяющей природные ресурсы, производственный аппарат, население с его трудовыми навыками, транспортные коммуникации и другие материальные ценности наиболее выгодным образом в виде производственно-территориального сочетания (ПТС).

-основная экономическая задача функционирования каждого ПТС заключается в выполнении плановых заданий союзного значения с учетом географического положения района, транспортных условий, выгоды эксплуатации ресурсов сырья, энергии, труда, а также решения оборонных задач.

-выполнение основной экономической задачи приводит к специализации каждого экономического района на тех отраслях производства, какие в нем могут быть развиты наиболее полно и выгодно, включая все необходимые промышленные, энергетические и транспортные звенья. Объем между районами ограничивается строго необходимыми количествами продуктов при отказе от излишне дальних и встречных перевозок. Каждый район осуществляет комплексное развитие хозяйства на своей территории для наиболее полного удовлетворения местных производственных и потребительских нужд за счет местных источников сырья и энергии.

-научно-техническая политика индивидуализируется по экономическим районам. Для достижения наивысшей эффективности поощряются комбинированные технологические процессы при переработке сырья, получении энергии, использовании труда и оборудования, приводящие к созданию районных производственных комбинатов и производственно-территориальных комплексов.

-для каждого экономического района устанавливаются три категории производств – районного значения (продукция потребляется внутри экономического района), межрайонного значения (для группы экономических районов); общесоюзного значения – и наивыгоднейшие зоны сбыта.

-развитие каждого района осуществляется в такой форме, чтобы способствовать материальному и культурному развитию всех национальностей страны».

Ключевым понятием в теории экономического районирования Колосовского Н.Н. было понятие «энергопроизводственного цикла», под которым понималась вся совокупность производственных процессов развертывающиеся в экономическом районе на основе сочетания данного вида энергии и

сырья: от первичных форм – добычи и облагораживания сырья до получения всех видов готовой продукции, которые возможно получить на месте, исходя из требований приближения производства к источникам сырья и требований комплексного использования всех компонентов сырьевых и энергетических ресурсов данного типа [45, с 70-78].

Всего им было выделено восемь устойчиво повторяющихся, по смыслу Колосовского Н.Н., основной для выделения крупных экономических районов: пирометаллургический цикл черных металлов, пирометаллургический цикл цветных металлов, нефтеэнергохимический, гидроэнергетический, совокупность циклов перерабатывающей индустрии, лесоэнергетический, индустриально-аграрный и гидрометалиоративный.

Районирование, по Колосовскому Н.Н., – это раскрытие процесса формирования пространственных экономических систем – достижение максимальной эффективности территориальной организации производительных сил страны.

Научные проблемы районирования Колосовский Н.Н. делил на 4 группы:

- теоретические – речь идет о научных основах и закономерностях районирования;
- исторические – изучение истории экономического районирования и развития научной мысли в России;
- методические – разработка и систематика научной методики (приемов способов) исследования районирования;
- прикладные – использование теории экономического районирования на практике [45, с 19-43].

Значение «циклов Колосовского» после многолетнего забвения в экономической практике вновь возросло уже в условиях рыночной экономики, по крайней мере, применительно к таким циклам, как пирометаллургические и нефтеэнергохимические, а также и к другим, на базе которых создаются региональные вертикально-интегрированные компании и различные холдинги.

Первым результатом развернувшихся исследований стал единый государственный план электрификации России (ГОЭЛРО), разработанный группой ученых и инженеров под руководством Кржижановского Г.М.. В этом плане в разных частях страны было намечено строительство крупных районных электростанций, использующих местные топливные ресурсы. Дальнейшее развитие идей плана ГОЭЛРО получили в проекте экономического районирования России, разработанном группой ученых и инженеров к началу 1922 г. Особенно большой вклад в работу внесли Александров И.Г и Никитин Л.Л.. Экономические районы должны были стать комбинированными территориальными комплексами, в которых наиболее целесообразно соединены природные ресурсы и условия, трудовые ресурсы, отрасли промышленности и сельского хозяйства, транспорт и торговля, непромышленная сфера обслуживания населения. Районирование было тесно связано с планированием хозяйства страны и с управлением им.

В конце 1920-х гг. в СССР начало формироваться «районная школа» экономической географии. Ее основателями были Баранский Н.Н и Колосовский Н.Н.. Как мы уже отметили, центральным направлением их исследования – районирование территории страны с целью ускорения развития экономики, теоретическое обоснование создания новых производственных комплексов [39, с 71-78], что являлось насущными задачами страны в период ускоренной индустриализации. Соответственно были разработаны теории экономико-географического положения, территориально-производственных комплексов, энергопроизводственных циклов.

С 1960-х гг. разноаспектные и разномасштабные исследования многих научных и проектных организации синтезируются в предплановом документе – Генеральной схеме развития и размещения про-

изводительных сил СССР. В 1970 г. параллельно стал разрабатываться другой предплановой синтетический документ – Комплексная программа научно технического прогресса [38, с 76] - статистический документ, содержащий научное обоснование технического перевооружения страны, союзных республик и крупных экономических районов на 20 лет вперед.

В 1970 – 1980-е гг. Совет по изучению производительным силам (СОПС) и другими экономическими институтами, занимающимся региональной тематикой, активно разрабатывались научные основы крупных региональных программ (Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, освоения зоны Байкало-Амурской магистрали, развития Севера и др.), а также программы формирования территориально-производственных комплексов (ТПК), ориентированных на использование больших энергетических и природных ресурсов (Тимано-Печорского, Саянского, Южно-Якутского, группы Ангаро-Енисейских и др.).

Естественно, что региональные экономические исследования в СССР развивались с учетом существовавшей общественной системы и под сильным воздействием административно-плановой экономики. Значительный вклад привнесли ученые экономического и географического направления – Баранский Н.Н., Александров И.Г., Витвер И.А., Саушкин Ю. Г., Колоссовский Н.Н., Немчинов В.С., Шнипер Р.И., исследовавшие к трем основным направлениям [28, с 70]: закономерности, принципы и факторы размещения производительных сил; экономическое районирование; и методы планирования территориального и регионального развития.

Главная задача по реализации экономического районирования было возложена, главным образом, на Госплан СССР. Кроме того, вопросам районирования страны также занимались Комиссия по районированию Наркомата земледелия СССР (НКЗ), Административная Комиссия ВЦИК и Центральное Статистическое Управление (ЦСУ). Однако, каждое ведомство проделывало работу со своей специфической точки зрения.

В советские времена Баранский Н.Н. создал районную «сетку» субъектов СССР: Центральный, Центрально-Черноземный, Северный и др.).

Прежде чем остановиться на основных типологиях регионов приведем краткий обзор некоторых существующих подходов и базирующихся на них результатов типизации российских регионов.

Так в центре геополитических исследований института географии РАН, было разработано несколько классификации регионов [17, с 15]. На основе итоговой классификации, были выделены следующие кризисные территории: Тува, Калмыкия, Курганская область, Еврейская АО, Агинский Бурятский АО, Новосибирская, Астраханская, Оренбургская области, Горный Алтай, Ростовская, Читинская, Псковская, Ивановская области, Приморский край, Таймырский АО.

В советские времена по размещению производительных сил и экономическому сотрудничеству, на базе данных за 1995-1996 гг. были проведены расчеты по сравнительной оценке экономического и социального развития регионов [94, с 18], использовавший следующие показатели: общий уровень экономического развития, уровень и динамика развития важнейших отраслей материального производства, текущее финансовое положение регионов; уровень, динамика и дифференциация доходов населения, занятость населения и состояние рынка труда, инвестиционная активность в регионах, оценка состояния окружающей среды.

Более того, довольно серьезное и большое исследование, касающееся региональной типологизации, выполнено в одном из проектов ТАСИС [5, с 45], использовавшие следующие критерии: экономико-географическое положение, природно-климатические условия, природно-ресурсный потенциал и структура населения, уровень социально экономического развития регионов и пр.

Современное региональное пространство России оказалось развито на следующие типы (модели) [43 с, 69]:

- регионы «столичного» типа с диверсифицированной экономикой и растущие финансовым сектором;
- финансово сильные регионы с крупной промышленностью;
- богатые природными ресурсами республики, добившиеся экономической самостоятельности от федерального центра;
- кризисные (депрессивные) регионы со специализацией на легкой промышленности и машиностроении, в том числе на оборонном производстве;
- экономически слаборазвитые аграрные или периферийные районы, зависящие от федерального бюджета;
- отдаленные северные и восточные регионы.

Переход на иные принципы экономики прекратил работы по обоснованию плановых ТПК, а уже созданные были «распущены» по отдельным отраслевым сегментам владельцами приватизированных предприятий.

Итак, академик Гранберг А.Г. и его научной школой разработаны модельные методы планирования и прогнозирования, обоснованы и проводятся построения региональных межотраслевых балансов, разработана методология подготовки региональных программ и схем комплексного развития производительных сил. ТПК первого типа были обоснованы в работах Бандмана М.К. и его научной школы в Новосибирске. Российские ученые успешно трудятся в международном институте прикладного системного анализа, разрабатывая проекты регионального развития.

В сфере теоретических интересов российских ученых, представляющих региональную экономику, помимо традиционных направлений, связанных с пространственной организацией и размещением производительных сил, находятся новые концепции регионального развития и межрегиональных связей.

Академик Гранберг А.Г. в своей книге «Основы региональной экономики» пишет о наибольшем распространении четырех парадигм регионов: регионе – квазигосударстве, регионе – квазикорпорации, регионе – рынке и регионе социуме. Современное развитие моделей региональных исследований осуществляется по двум главным направлениям: расширение и углубление содержания (предметы) исследования и усиление методологии исследования. В соответствии с общей структурой теории региональной экономики рассмотрим четыре современных направления развития теоретических исследований: новые парадигмы и концепции региона; размещение деятельности; пространственная организация экономики; межрегиональные взаимодействия [29, с 81].

2.2. Базовые условия и факторы различий в моделях институционализации регионов Венесуэлы

С 1969 г. в планах и программах регионального развития страны, высокое значение имела «регионализация» государства. Всегда считалось, что применение политики регионализации было основным для экономического развития Венесуэлы, как происходило во многих странах. Неэффективная региональная политика привела национальное Правительство к тому, чтобы соединить несколько штатов в большие административные блоки, и к формированию планов регионального развития соответствие с новым национальным и мировым тенденции развития.

Административные регионы были образованы для более эффективного использования ресурсного и природного потенциала федеральных штатов, и для обеспечения устойчивого развития экономики регионов.

Организация социально-политических территории (федеральных единиц) в рамках административных

единицах – не новая практика. Почти вся история Венесуэльского государства связана с изменениями ее территориального и административного устройства (сначала Капитании, потом Провинции, Штаты и т.д.).

Как уже было отмечено ранее, в колониальной эпохе появились большие административно-политические единицы, созданные, скорее всего, по военно-политическим причинам, чем по причинам экономического порядка. Уже в XVII веке существовала Провинция Маргарита (1525 г.), Провинция Каракас (1528 г.), Провинция Тринидад (1529 г.), Провинция Новая Андалусия (1568 г.), Провинция Гвяна (1568 г.), Провинция Маракайбо (1576г.). При правительстве президента Антонио Гусман Бланко было создано (1874 г.) 8 больших штатов с особым социально-экономическим значением, которые позже (1881 г.) были расширены до 9:

-Штат Востока: (в настоящее время - территория Штатов Анзоатеги, Сукре и Монагас);

-Штат Гузман Бланко: (в настоящее время - территория Штатов Миранда, Арагуя, Гуарико, и Нуева Еспарта);

-Штат Карабобо: (в настоящее время - территория Штатов Карабобо, Яракуй и муниципалитет Ниргуя);

-Штат Юго-запада: (в настоящее время - территория Штатов Кохедес, Португеса, Баринас);

-Штат Северо-Запада: (в настоящее время - территория Штатов Лара и Яракуй, исключая муниципалитет Ниргуя);

-Штат Анды: (в настоящее время - территория Штатов Тачира, Мерида и Трухильо);

-Штат Боливар: (в настоящее время - территория Штатов Боливар и Апуре);

-Штат Зулия и Штат Фалкон.

Таким образом, как мы уже отметили ранее, основы экономической стратификации пространства Венесуэлы впервые были заложены в 1969 г. в плане Кордиплана, разработанного «Международным институтом исследования и формирования гармоничного развития» и имеющего большое научное значение. В нем выделялось восемь крупных административных регионов. Такое деление преследовало, прежде всего, экономико-территориальные и административные цели и использовалось для планирования регионального развития. Задача экономико-территориального деления того периода - деление территории на административно-экономические регионы, «...тесно увязанные между собой в экономическом отношении, обеспечивающие наиболее целесообразное размещение производительных сил с учетом стратегических требований и интересов экономического развития страны» [135, с 12]. В основу районирования были положены экономические, географические и территориальные критерии: экономико-географическое положение регионов, природно-климатические условия, природно-ресурсный потенциал, демографические состояние и структура населения, экономический потенциал регионов и некоторые другие.

В январе 1980 г., согласно указу президента Венесуэлы [103, с 2], были образованы 10 экономических регионов. Однако, в настоящее время, они укрупнены в 6 экономических районов, которые были преобразованы в соответствии с новой территориальной и региональной экономической стратегией: Центральный регион, Центрально-Западный регион, Западный регион, регион Льянос, регион Гвяны и Восточный регион.

Каждый экономический регион включает штаты и муниципалитеты по принципу смежности. Надо полагать, что существующая концепция стратификации территориального пространства имеет особое значение для развития регионов и для реализации интересов страны. С нашей точки зрения, экономические регионы Венесуэлы разделяются на два уровня: внутренний и внешний, в соответствии с разным географическим положением.

Внешние регионы подразделяются на международный уровень, двусторонний и многосторонний уровень. (таб. 2.2.1).

Таблица 2.2.1

Классификация экономических регионов Венесуэлы

Вид региона	Уровень		
Знешние	Международные: регионы, имеющие отношения с глобальном экономическим пространство	Двусторонний: регионы, имеющие отношения с приграничным регионы.	Многосторонний: регионы, имеющие отношения одновременно с экономические системы отдельных государств и с экономическими ассоциациями или экономическими организациями (МЕРКОСУР, КАРИКОМ, SELA, НАФТА и др.)
Знутренне	Национальный: экономический систем государства в целом	Региональный: экономические регионы и федеральные единищ	Местный: муниципалитеты

Внутренние регионы классифицируются на национальный, региональный и местный уровни.

Внешние регионы играют особенную роль в системе экономики страны, поскольку они могут функционировать как центры развития и как регионы локомотивы, стимулируя развитие внутренних регионов, поэтому мы считаем, что государство должно обратить особое внимание на эти регионов.

В соответствии с новым стратегическим планированием страны организованы еще несколько экономических зон [124, С 67-100]:

1) Фасады интеграции: регионы, взаимодействующие с другими регионами на разных уровнях: внутреннем, национальном и мировом уровне. В этом смысле в региональной геоэкономической характеристике Венесуэлы существует 3 фасада интеграции: Андский фасад, Амазонский фасад и Карибский фасад, с целью стимулирования отношений этих регионов с другими регионами мира.

2) Оси «десконцентрации»: на основе географических, экономических, культурных условий сформировались 3 основные оси десконцентрации: западная ось, восточная ось, ось Ориноко-Апуре, для того, чтобы использовать более эффективные ресурсы этих регионов и стимулировать межрегиональные и региональные отношения.

3) Новые формы регионализации - зона специального развития поддерживает укрепление разнообразного производства страны и стимулирование специализации экономик регионов в соответствии с их потенциалом.

Особое значение имеют зоны специального развития, размещенные внутри региона. Министерство планирования и развития и Управление регионального развития Венесуэлы вместе с другими государственными учреждениями сформировали 9 специальных зон развития: Барловенто, Юг Арагуа-север Гуарико, Юг озера Маракайбо, Марипа-ла Тигрера-Гуаратаро, Пуенте Паез-Пуэрто Нутриас, Месса де Хуанипа, Юг Кохедес-Португеса, Федеральные владения и Гуахира Венесуэлы [124, с 68-100].

Есть еще одна территориальная структура, имеющая особый статус – свободная экономическая зона (СЭЗ). Подобно СЭЗ, размещенным в России, на их территории не существуют таможенные правила, обязательные для основной территории страны, т.е. в национальном таможенном пространстве свободные экономические зоны являются исключением. СЭЗ создаются с целью привлечения иностранных инвестиций, увеличения и диверсификации экспорта, развития импортозамещающих производств.

Кроме этого, в Венесуэле Таможенный закон устанавливает три типа территориальных специальных форм: свободный порт, зона-франко и свободная зона [111, с 10-24]. В рамках этого, в Венесуэле су-

существует следующие особые экономические зоны: свободный порт штата Нуэва-Еспарта; свободный порт Санта-Елена-де-Уаирен; культурная, Научная и Технологическая свободная зона штата Мерида; свободная зона для развития туристического инвестирования полуострова Парагуана. В этом смысле, территориально-экономическая локализация регионов имеет особое значение не только для экономического развития страны, но и для дальнейшей интеграции межрегиональных процессов в глобальном масштабе.

Последние исследования типологизаций регионов и регионального пространства Венесуэлы были использованы не только в академических и научных сферах как теоретические материалы типологии, но и на практике в решении политико-экономических проблем регионального развития.

Результатом этих исследований оказались следующие типы регионов:

- по выполняемым функциям: регионы-города столичного типа;
- по уровню урбанизации: индустриальные, индустриально-аграрные, аграрные;
- центральные и периферические регионы;
- богатые природные регионы с экономической и финансовой зависимостью от центра;
- энергетические регионы, бедные или депрессивные регионы;
- промышленные регионы;
- особые регионы;
- туристические регионы;
- аграрные регионы;
- сервисные регионы.

Очевидно, что в мире существует многообразие типов регионов. Согласно исследованиям экономиста Джона Тейлора, «экономическая динамика регионов имеет большое значение как показатель экономического развития, а также можно отметить, что регионы могут переходить от одного уровня развития к другому, но это зависит от регионального темпа развития, региональной стратегической политики развития, потенциальности регионов, финансирования, инвестиций и некоторых других факторов» [128, с 151-153].

Несмотря на сложности использования разных показателей в развитии регионов нужно отметить, что существуют разные методологические формы регионального анализа, которые отражают объективные факторы: в региональном уровне (SELA – Экономическая Латиноамериканская Система и др.), национальном уровне (ОСЕИ – центральный офис информации Венесуэлы) и международном уровне (ООН, МОМ и т.д.) В этих организациях используются больше всего социально-экономические и демографические показатели, поскольку они отражают гамму характеристик социального и экономического развития, которые позволяют давать системную (комплексную) характеристику экономическим средствам. Но исследователи и ученые не исключают использование других показателей в некоторых ситуациях.

На наш взгляд, очень сложно говорить о том, что можно соединить методологии исследования типологизации регионов или о том, что показатели могут полностью отражать ситуацию регионов. Но можно говорить о более или менее стандартных показателях типологизации регионов, использующихся во многих странах мира. Например, измерение развития человека или индекс развития чело-

веческого потенциала, социальные индикаторы, социально-политические показатели и др.

Типология регионов по комплексу показателей экологических условий представлена в работе Министерства окружающей среды Венесуэлы в 2000 году, где были использованы аналитические методы, чтобы характеризовать уровень экологической ситуации разных регионов, экологические проблемы и их влияние на темп развития как внутри региона, так и в стране в целом.

Другие важные исследования можно рассматривать в исследованиях CENDESA [101, с 25-59] при Центральном университете Венесуэлы; в комиссии экономических исследований факультета ЦУВ; в комиссии исследований ЦУВ и в Академии Экономических Наук Венесуэлы, взаимодействующих с региональными и международными организациями, университетами, институтами исследований и др. В области региональных исследований они используются для анализа макро- и микроэкономических показателей, внешнеэкономических показателей, социальных, экономических, и политических условий государства и т.д.

Классификация последних результатов исследований региональной области может быть использована:

- для региональных инвестиций;
- для продолжения исследований других ученых;
- для решения вопросов регионального уровня;
- для инвестиций других регионов разных стран;
- для оценки потенциалов регионов.

В «центре изучения развития Венесуэлы» разработаны оценки инвестиционного и предпринимательского климата регионов с большим природным и индустриальным потенциалом. В этой работе участилось использование факторов инвестиционного и предпринимательского климата с большим количеством статистических критериев, и добавились макроэкономические и микроэкономические показатели, а также внутренние и внешние ситуации страны. Из этих исследований можно выделить следующее:

- потенциальный риск инвестиций;
- экспорт- и импорториентированные регионы;
- состояние предпринимательского рынка;
- направление инвестиций регионов;
- условия инвестиций.

Отметим, что данное исследование предполагает решение различных региональных задач. Типология динамики механизмов государственной политики и кризисных регионов разработана «факультетом экономики Андского университета». В ней используются следующие показатели: политические, экономические, социальные, финансовые, уровня жизни. В основном результаты были использованы в Министерстве планирования и развития Венесуэлы для укрепления программы государственной региональной политики развития регионов. Еще одна работа этого Андского университета является исследование динамики типологии регионов по уровню бюджетного обеспечения федерального центра

регионами, разработанное в «институте социальных и экономических исследований» Венесуэлы. Результаты этого анализа показали диспропорцию между бюджетным обеспечением и ресурсами регионов.

С понятием процесса институционализации регионов Венесуэлы тесно связано еще одно важное для вас понятие – административно-территориальное деление Венесуэлы и ее экономические регионы.

С нашей точки зрения, административно-политические регионы – это блоки, одна или несколько федеральных единиц, в которых существуют социальные, экономические, общественные, традиционные связи, человеческие и натуральные природные ресурсы для поисков уравновешенного развития регионов.

В Венесуэле административно-политическим делением были установлены следующие формы: 1 город федерального значения – Каракас; 23 федеральные единицы (штаты), в том числе: Варгас, Анзоатеги, Апуре, Арагуя, Баринас, Боливар, Карабобо, Кохедес, Дельта Амакуро, Фалкон, Гуарико, Лара, Мерида, Миранда, Монагас, Новая Еспарта, Португеса, Сукре, Тачира, Трухильо, Яракуи и Зулия; 337 муниципалитетов, 12 федеральных владений (приложение 1). Следует подчеркнуть, что теоретически и практически Венесуэла – симметричная федерация, т.е. федеральные единицы, имеют одинаковый правовой статус и обладают абсолютно равными правами (таб. 2.2.2).

Административное деление Венесуэлы

Субъекты	Характеристики	Статус
1 город федерального значения	-экономический и политический автономия в рамках законодательства страны	-имеет правовой статус; -имеет бюджет.
23 штата	-экономический и политический автономия в рамках законодательство страны	-имеет правовой статус; -имеет бюджет
337 муниципалитетов	-экономический и политический автономия в рамках законодательство страны	-имеет правовой статус; -имеет бюджет.
12 федеральных владений на Карибском море	-не имеют не какая автономия в рамках законодательство страны	-имеет правовой статус, но не обладают равными правами с федеральными единицами; - не имеет бюджет и не получает финансовые ресурсы из центра.

Локальные экономики Венесуэлы представляют собой территориально-обособленные интегрированные институционально-хозяйственные образования, возникшие на базе совместного использования территориальных ресурсов, факторов производства, территориально-отраслевой инфраструктуры, регионов. В этом смысле, надо учитывать структуры и функционирования экономических регионов Венесуэлы.

Настоящая территориально-экономическая региональная структура Венесуэлы, признанная как регионализация, организована согласно указу президента Венесуэлы [104, с 20]. Были образованы 10 экономических регионов, в которых использовались следующие показатели: общий уровень экономического развития, финансовое положение регионов, доходы, занятость населения и др., для того, чтобы оценивать экономическое и социальное развитие регионов, систематизировать факторы, влияющие на региональное развитие и создавать более эффективные условия для экономического регионального развития.

В настоящее время, существует 6 крупных экономических регионов (приложение 2), которые были преобразованы в соответствии с новой территориальной и региональной экономической стратегией. Каждый экономический регион включает штаты и муниципалитеты, по принципу смежности. (таб.2.2.3).

Состав экономических регионов Венесуэлы

Экономические регионы	Федеральные единицы (штаты)	Количество муниципалитетов
Центральный Регион	Арагуа, Карабобо, Миранда и Варгас	53 Муниципалитета
Центрально – западный регион	Кохедес, Фальком, Лара, Португеса, Яракуи	71 Муниципалитет
Западный регион	Мерида, Тачира, Трухильо, Зулия	93 Муниципалитета
Регион Льянос	Агуре, Баринас, Гуарико	34 Муниципалитета
Регион Гвяна	Амазонас и Боливар	18 Муниципалитетов
Восточный Регион	Анзоатеги, Дельта Амакуро, Монагас, Новая Еспарта и Сукре	64 Муниципалитета

Понимание изменившегося политико-географического и экономико-географического положения регионов Венесуэлы, по мнению международного Ечевееррияса Мануэла [106, с 85-86], важно не только для более эффективного решения социально-экономических проблем развития, но и для развития национальной экономики и экономики регионов соседних стран.

Мы считаем, что новая концепция стратификации территориального пространства имеет особое значение для организации регионального экономического развития регионов и регионального управления экономикой страны. Государство создает условия, чтобы укрепить роль регионов Венесуэлы и получить эффективные самостоятельно развивающиеся регионы.

Институциональной основой формирования и функционирования регионов является в первую очередь конституция Венесуэлы «...конституция – верховная норма и основание юридического экономического, политическая, социальная и культурная распоряжения...» [102, с 22].

Как мы уже отметили территория Венесуэлы включает территории штатов, федеральный округ, федеральные владения и др. И хотя государство провозглашается децентрализованным и федеративным, конституция фактически подтверждает сложившуюся ранее довольно централизованную модель взаимоотношений центра и штатов. Штаты признаются всего лишь автономными образованиями, равными в политическом и экономическом отношении, обладающими правами юридического лица и обязанными поддерживать независимость, суверенитет и национальную целостность венесуэльского государства, обеспечивать соблюдение Конституции и национальных законов.

Для обеспечения национального единственного экономического пространства Конституция запрещает определенные виды деятельности регионов. В экономических районах, штатам и муниципалитетам запрещается, в частности, создавать таможи и устанавливать налоги на ввоз и вывоз товаров; налагать запреты на потребление товаров, произведенных за пределами их территории.

Государственная экономическая политика проводится на общенациональном и региональном уровнях. В общем смысле, регионы представляют собой автономные и равноправные единицы в экономическом отношении, обладающие полной правосубъектностью, в обязанности, которых входит поддержание национальной независимости, суверенитета и целостности, а также соблюдение ими самими и обеспечение соблюдения Конституции и

законодательства Венесуэлы.

К исключительной компетенции штатов относится [102, с 15]:

1) управление своим имуществом, вложение средств и управление ими, включая трансферты, дотации и ассигнования, выделяемые органами общенациональной власти, а также отчисления в виде части общенациональных налогов;

2) установление, сбор, контроль и управление налогами уровня штата, в соответствии с положениями законодательства страны и штата;

3) регулирование статуса и использования нерудных полезных ископаемых, не находящихся в ведении общенациональной власти, соляными копиями и естественными плантациями устриц, управление невозделанными землями, находящимися под их юрисдикцией, в соответствии с положениями закона;

4) создание, регулирование и организация общественных служб штата;

5) строительство, содержание в надлежащем состоянии наземных путей сообщения штата и управление ими;

6) содержание в надлежащем состоянии и использование общереспубликанских шоссе дорог и автострад, портов и аэропортов, используемых в коммерческих целях, и управление ими, согласуя свои действия с Президентом Республики;

7) все другие вопросы, не относящиеся по настоящей Конституции к компетенции общенациональных и муниципальных органов.

В каждом из штатов создается Совет по планированию и согласованию государственной политики по различным вопросам – это является ключевые институт для консультирование, и исполнение задачи в области региональной политики .

Кроме функции штатов, законодательство определяет источник их доходами [69, с 14]:

1) поступления от их собственности и от управления их имуществом;

2) сборы за использование имущества, пользование услугами, штрафы и поступления от исполнения судебных решений, а также поступления, определенные законом;

3) поступления от налогов с продаж;

4) средства, поступающие в качестве конституционного дохода. Конституционный доход представляет собой часть, составляющую до 20% от расчетных годовых текущих поступлений в государственную казну, распределяемую между штатами и федеральным округом. следующим образом: 30% величины указанной доли делится поровну, а 70% - между названными субъектами пропорционально численности населения каждого из них. В течение финансового года штаты должны направлять в качестве инвестиций как минимум 50% от суммы конституционного дохода. В течение каждого финансового года муниципалитетам каждого штата должно быть выделено не менее 20% конституционного дохода и остальных текущих поступлений соответствующего штата. В случае изменения величины поступлений в государственную казну, вследствие чего будут внесены изменения в бюджет страны, производится пропорциональный пересмотр размера конституционного дохода. Законом предусматриваются принципы, нормы и порядок, обеспечивающие надлежащее и эффективное использование средств, получаемых штатами в качестве конституционного дохода и его долей, направляемых в муниципалитеты;

5) остальные сборы и специальные налоги, право на установление, которых штатам предоставлено общенациональным законодательством в целях укрепления финансового положения штатов. Законы, определяющие учреждение или передачу полномочий по сбору налогов штатам могут компенсировать названные отчисления с изменениями статей доходов в целях обеспечения принципа равноправия между территориями. Размер (в процентах) расчетного текущего национального дохода, предназначенного штатам в качестве конституционного дохода, не должен быть ниже 15% от расчетного текущего дохода, для чего необходимо учитывать степень финансовой обеспеченности государственной казны Республики, без ограничения возможностей администрации штатов надлежащим образом финансировать службы, находящиеся в их компетенции.

6) средства, поступающие из Фонда межтерриториальной компенсации, и всевозможные трансферты, дотации или специальные ассигнования, а также пропорциональная часть общереспубликанских налогов, поступающая в штаты по соответствующему законодательству.

В законодательном порядке создаются открытые и гибкие механизмы, при помощи которых штаты и муниципалитеты должны осуществлять децентрализацию различных служб, находящихся в их ведении, и передавать их населенным пунктам и объединениям жителей, получив при этом предварительную гарантию, что они в состоянии оказывать такие услуги. В таком порядке осуществляется:

1) передача услуг по здравоохранению, образованию, жилью, спорту, культуре, социальным программам, окружающей среде, обслуживанию промышленных зон, обслуживанию и сохранению городских районов, охране жилья, строительству объектов и оказанию коммунальных услуг. Для этого они могут заключать договоры, основанные на принципах взаимозависимости, координирования, сотрудничества и совместной ответственности;

2) участие общин и отдельных граждан через объединения по месту жительства и через неправительственные организации в выдвижении предложений по капиталовложениям перед органами власти штатов и муниципалитетов, на которые возложена разработка соответствующих планов капиталовложений, а также в строительстве, в оценке и контроле за строительством различных объектов, осуществлением социальных программ и предоставлением коммунальных услуг на территории, на которую распространяется их юрисдикция;

3) участие в хозяйственных процессах в целях развития таких форм общественного хозяйства как кооперативы, сберегательные кассы, кассы взаимопомощи и другие формы объединений;

4) участие трудящихся и общин в управлении государственными предприятиями через механизмы самоуправления и совместного управления;

5) создание организаций, кооперативов и муниципальных предприятий сферы обслуживания как источник занятости и социального благополучия населения, оказание им поддержки путем проведения соответствующей политики в населенных пунктах, где данные предприятия осуществляют свою деятельность;

6) создание новых субъектов децентрализации на уровне parroquias, населенных пунктов, микрорайонов и объединений жителей в целях обеспечения принципов взаимной ответственности в государственном управлении на уровне муниципалитетов и штатов в целях развития процессов самоуправления и совместного управления в сфере предоставления коммунальных услуг и контроля этой деятельности в штатах и муниципалитетах;

7) участие общин в мероприятиях по установлению сотрудничества с исправительными учреждениями по установлению связей между ними и населением.

Также Конституция предусматривает создание Федерального Совета по управлению – орган, на который возложено планирование и согласование политики и действий в целях развития процесса децентрализации и передачи полномочий Общенациональной власти штатам и муниципалитетам. Его председателем является Вице-президент по исполнительной власти, членами являются министры, губернаторы, по одному мэру от штата и представители организаций, как указано в законе. Федеральный Совет по управлению имеет секретариат, в который входят вице-президент, два министра, три губернатора и три мэра. Федеральному Совету по управлению подчиняется Фонд межтерриториальной компенсации, предназначенный для финансирования государственных капиталовложений, направленных на равномерное развитие регионов, на кооперацию и на дополнение политики и инициатив развития различных государственных предприятий и для поддержки строительства и основных услуг в регионах и общинах с относительно невысоким уровнем развития. Федеральный Совет по управлению с учетом диспропорций между регионами ежегодно обсуждает и утверждает выделение средств, направляемых в Фонд межтерриториальной компенсации, и определяет районы приоритетных капиталовложений, куда будут направлены эти средства.

Государственная национальная политика и ее новая концепция положена в основу программы национального, регионального и местного развития.

Закрепляя экономическую целостность Венесуэлы, ее конституция и законы гарантируют единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, свободу экономической деятельности и т.д.

Государство по причинам национальной безопасности охраняет нефтяную деятельность и другие подобные промышленности, хозяйства, службы или имущество публичного национального интереса стратегического характера. По причинам экономического и политического суверенитета и национальной стратегии, государство сохраняет совокупность акций PDVSA (нефтяная компания Венесуэлы) или имущества созданного для управления нефтяной промышленностью.

Совершенно очевидно, что в Венесуэле федерация является объединением нескольких штатов в одно государство, где они становятся федеральные единицы. В свою очередь они состоят из административно-территориальных единиц. Так, федеральные единицы имеют в определенной степени политическую, экономическую и хозяйственную самостоятельность, для развития их экономической и социальной системы.

В связи с этим центр обеспечивает общность экономического и политического пространства единством системы управления, денежной, бюджетной, налоговой политики. Регион вправе применять свою стратегию реформ в рамках единого правового поля с соблюдением общегосударственных интересов и без нанесения прямого ущерба другим регионам. Так, можно сказать, что на региональном уровне решаются многие вопросы. Основы регионального управления базируются на принципах обеспечения государственной целостности страны. Для Венесуэлы региональная политика имеет приоритетное значение, т.е. от ее эффективности зависит единство, целостность, стабильность государства и развитие экономики страны в целом, и развитие ее регионов. Главными задачами государственной и региональной политики являются создание благоприятных макроэкономических условиях для саморазвития каждого региона, предпосылок для наиболее полного использования природно-сырьевого и производственного потенциала, преодоление существенных различий по факторам роста, уровню жизни.

С наши точки зрения, можно характеризовать следующее модели регионализация (таб. 2.2.4):

Таблица 2.2.4

Модели регионализации Венесуэлы

	1 модель	2 модель	3 модель
Критерии разделения регионов	-по военным, экономическим, географическим принципам	-по военным, экономическим, географическим принципам	-по экономическим, политическим, социальным, географическим, административным, управленческим принципам.
Основа реализации проектов	-попытка установление программы развития страны	-реализация программы регионального развития -укрепление статус регионов в национальной экономической системе	-реализация и укрепление программы национального и регионального развития страны -укрепление национального государственного устройства страны -укрепление региональная экономическая политика -укрепление планы экономического,
			социального, культурного, политического, военного, экологического сотрудничество развития регионов страны с соседними странами. -пользование теории «полосов роста» и центральных мест»
Условия	-состав населения страны Доколониальный и колониальный период	-появление Венесуэла как независимый государств (постколониальный период) и поэтому было реформирование экономические политические и административные модели в стране	-укрепление государственности страны -апробация новая конституция соответствий с новые реальности страны и мира
Факторы	-зависимости от испания -военно-политическая и экономическая ситуация – война за независимости	-влияния географических и экономических школ США в управленческий аппарат венесуэлы -изменение экономической политики и политические режиме в многих странах Латинской Америки.	-изменения административные и управленческие парадигмы в Венесуэле -изменение политико-правовые ситуации страны -появление новых форм сотрудничества регионов

Исходя из этого, можно определить что, регионы Венесуэлы влияли различных внешних и внутренних факторов. Сначала территориальная экономическая система организовали по географических и природных условиях. Затем, начинает процесс колонизация и территория была организована более всего по военным принципом, однако это привело к разрушения и падения экономической системы колония. После того были реорганизованный регионов и начал первый процесс специализация этих регионов. Этот процесс регионализация был эффективный с экономическим точкам зрения, поскольку правительство могло организовать и реализовать проекты экономического развития регионов и тогда они начали, имеет самостоятельные экономики, хотя это было в очень малинки степени.

Все больше число регионов (Венесуэлы и РФ) с увеличивающейся активностью и возрастающим качеством самостоятельно иницируют, разрабатывают, принимают и реализуют собственные региональные программы решения своих проблем и своего долгосрочного развития. Однако, сегодня необходимо переход от сверхцентрализованной системы с доминированием интересов, ресурсов и действий федерального уровня власти к новой, децентрализованной системе, в которой более заметную и активную роль мог бы играть регионов, а в конечном счете получить и преобладающее значение самостоятельный поиск регионами путей своего социально-экономи-

ческого развития, естественно в пределах и с соблюдением необходимых и достаточных общегосударственных установок и ограничений.

На наше взгляда, повышение уровня самостоятельности региона требует совершенствования всех видов взаимоотношения с национальным центром, и необходимости постоянной корректировки цели и задач региональной политики.

2.3. Специфические детерминанты структуризации региональной экономики Венесуэлы: отраслевые приоритеты

Наличие природных ресурсов, их количество и сочетание определяют природно-ресурсный экономический потенциал территории и являются главным условием размещения производительных сил на данной территории. Венесуэла имеет мощный и разнообразный природно-ресурсный потенциал, способный обеспечить необходимые объемы собственного потребления и экспорта. В стране открыто и разведано около 5 тысяч. месторождений полезных ископаемых. Она находится на одном из первых мест в латинской Америке по запасам большинства природных ресурсов, в том числе по запасам природного газа (приложение 3), каменного угля, железных руд, ряда цветных и редких металлов, апатитов, торфа, а также занимает важное место по запасам водных и лесных ресурсов. Экономика Венесуэлы представляет собой сложный хозяйственный механизм, сформировавшийся на основе территориального разделения труда и интеграционных процессов. Валовой внутренний продукт (ВВП) Венесуэлы – совокупность произведенных в стране товаров и услуг – составил в 2007 г. по данным центрального банка Венесуэлы приблизительно 40238508 млрд. долл (таб. 2.3.1) [99].

Таблица 2.3.1

Основные экономические показатели Венесуэлы

Показатели	Годы				
	2003	2004	2005	2006	2007
ВВП (млн. боливаров)	35.652.678	42.172.343	46.523.649	51.337.579	40.238.508
Дифференциация ВВП в %	-	18,3	10,3	10,3	10,6
Импорт (млн. долл.)	-10.483	-17.021	-24008	-32.498	-30.661
Экспорт (млн. долл.)	27.230	39.668	55.716	65.210	49.557
Общие нефтяные доходы (%)	64	66	85	90	80
Общие не нефтяные доходы (%)	36	24	15	10	20
Государственные нефтяные доходы страны от экспорта	58	55	60	59	60
Государственные не нефтяные доходы страны от экспорта	42	45	40	49	40
Минимальный денежный доход населения (в \$)	180	200	280	320	350
Общая численность безработица в %	40.4	30.4	25.1	25.4	24.6
Инфляция	13.4	12.3	31.2	27.1	14.8

Источник: Estadísticas del Banco Central de Venezuela. Marzo, 2008.

Столь резкое преобразование страны объясняется одной причиной – высоким уровнем нефтедобычи. В современной Венесуэле, нефть обеспечивала более 80% доходов страны от экспорта и 60% государственных доходов, составляя почти 25 % ВВП; [99] именно нефтью объясняется большой объем иностранных инвестиций. Налоги и различные отчисления, выплачиваемые предприятиям нефтяной промышленности, позволили развернуть обширную программу общественных работ и предоставить кредиты многим частным предпринимателям. Валютные поступления от экспорта нефти позволяют закупать за рубежом не только потребительские товары, но и товары производственного назначения в достаточном объеме, что способствует быстрому росту производства. После 2000 г. правительство взяло курс на более сбалансированное экономическое развитие. Увеличились затраты на образование, поощрялись капиталовложения в обрабатывающую промышленность, часть средств была направлена на развитие внутренних областей страны.

С 2000 по 2007 гг. цены на нефть на мировом рынке значительно выросли (приложение 4), а доходы Венесуэлы от экспорта нефти выросли приблизительно на 125% в год. Это привело, к правительству могло использовать достаточно средства для осуществления «национальных экономических планов», включавших развитие сельского хозяйства, энергетики и новых отраслей тяжелой промышленности, особенно металлургической; строительство промышленных предприятий предполагалось в восточной части Венесуэлы – в Сьюдад-Гуаяне и других городах, а также для финансирования проектов регионального развития.

В начале 2007 г. Венесуэла занимала восьмое место среди ведущих производителей и такое же среди стран-экспортеров сырой нефти (таб. 2.3.2) и шестое среди стран с крупнейшими запасами нефти (таб. 2.3.3).

Около трех четвертей добытой в стране сырой нефти приходится на нефтеносный район Маракайбо. Другие крупные месторождения, дающие около пятой части нефтедобычи, расположены в восточных штатах Монагас и Ансоатеги.

Таблица 2.3.2

Крупнейшие в мире нефтедобытчики

Страна	Добыча, млн. тонн	Доля мирового рынка (%)
Саудовская Аравия	470	12,7
Россия	419	11,3
США	348	9,4
Иран	194	5,2
Мексика	189	5,1
Китай	165	4,4
Норвегия	151	4,1
Венесуэла	149	4
Канада	138	3,7
ОАЭ	120	3,2
Общая доля мирового рынка	1370	36,9
Мировая добыча	3710	100

Источник: Международное экспертное агентство, 2007

Итак, в 2007 г. разведанные ресурсы сырой нефти в Венесуэле оценивались в 10,5 млрд. т., однако значительная часть этой нефти принадлежит к тяжелым сортам и представляет трудности для переработки.. Венесуэла располагает также огромными ресурсами тяжелой нефти в виде 65-километровой полосы битуминозных песков, тянущейся вдоль северного борта долины реки Ориноко на расстояние 625 км.

Располагая огромными запасами нефти, Венесуэла, кроме того, является крупнейшим производителем железной руды латинской Америке (за пять лет добыча составила около 16.8 млн.т.). Основные залежи руды сосредоточены в штате Боливар, расположенном в центральной части страны при слиянии рек Ориноко и Карони. Также имеет значительные запасах бокситов, находящихся в горах на западе штата Боливар, к югу от города Ла-Урбана и на территории венесуэльской Гуаяны на востоке штата Боливар. Освоение этих месторождений должно сделать Венесуэлу одним из крупнейших производителей алюминия в мире. Основные месторождения каменного угля, запасы которых оцениваются в миллиард. тонн, расположены к северо-западу от Маракайбо. Из других полезных ископаемых следует отметить разработки золота и алмазов в районе венесуэльской Гуаяны.

Таблица 2.3.3

Страны с крупнейшими запасами нефти

Страна	Запасы, млрд. тонн
Саудовская Аравия	36,1
Иран	18
Ирак	15,5
Кувейт	13,3
ОАЭ	13
Венесуэла	11,2
Россия	9,5
Азербайджан	6,0
Ливия	4,7
Нигерия	4,6
США	4,2
Китай	3,2
Члены ОПЕК	120,4
Страны не входящие в ОПЕК	24,4

Источник: BP Statistical Review. 2007

Наиболее плодородные сельскохозяйственные земли Венесуэлы расположены вокруг озера Валенсия, в межгорных долинах Анд и на юге бассейна озера Маракайбо. Обширные области степей и саванн в центральной части страны долгое время использовались преимущественно для скотоводства, однако после постройки крупных оросительных сооружений здесь стали выращивать рис, кукурузу и другие культуры. Основными экспортными культурами Венесуэлы являются кофе и какао. Кукуруза, рис и бобы выращиваются исключительно для внутреннего потребления.

Основными отраслями обрабатывающей промышленности были нефтеочистительная и сахарная, а также сборка автомобилей из импортных частей и производство текстиля, цемента, автомобильных шин и камер, сигарет, пива, мыла, фармацевтических товаров и стеклянных изделий.

Развитие тяжелой промышленности в стране осуществляется в основном по инициативе правительства. Крупнейшим проектом явилось развитие базовых отраслей металлургии в районе венесуэльской Гуаяны (Сьюдад-Гуаяна), на реках Ориноко и Карони. Минеральные богатства района – значительные залежи железной руды и бокситов, а также богатые гидроэнергетические ресурсы и выход к морю (по реке Ориноко могут подниматься морские суда) позволили правительственной корпорации и частным иностранным фирмам построить здесь предприятия по производству стали и алюминия. Кроме того, правительство принимает также меры по развитию нефтехимической промышленности; крупный нефтехимический комплекс построен в городе Морон, к северу от Валенсии, еще один – на восточном берегу озера Маракайбо.

Перевозки внутри страны осуществляются в основном по автодорогам. В 2007 г. протяженность автомобильных дорог составляла 93 тыс. км. Почти 90% всех перевозок пассажиров и груза осуществляется автомобильным транспортом. Единственная в стране железная дорога протяженностью 336 км соединяет Баркисимето и Пуэрто-Кабельо. Однако правительство планирует довести к 2010 г. протяженность железных дорог до 1900 км, начав с постройки линии между Пуэрто-Кабельо и Каракасом. Воздушные перевозки осуществляют 6 внутренних авиалиний, ведущее место среди которых занимают компании «Авенса» и «Аэропосталь» [118].

В последнем отчете «Центрального банка Венесуэлы» подчеркивается, что в 2007 потребности Венесуэлы в энергии на 89% удовлетворялись за счет нефти и природного газа и на 9% – за счет водно-электроэнергии [111]. Суммарная мощность электростанций составляла почти 18,8 млн. кВт, из которых 43% приходилось на тепловые электростанции и 57% на ГЭС. Венесуэла располагает огромными водно-энергетическими ресурсами, в особенности в Андах и Гуаяне, Крупнейшей в стране является ГЭС Гурии на р. Карони.

Основным торговым партнером Венесуэлы являются США, которые обеспечивали 43% импортируемых товаров и закупали 50 % экспортируемых. Как правило, доход от экспорта Венесуэлы значительно превосходит затраты на импорт. И за последние 5 лет суммарный доход от экспорта составил приблизительно к 233381 млрд. долл.

После двух лет умеренного роста в 2000 и в 2001 годах, в 2002 году в экономике Венесуэлы наблюдался спад. Он был спровоцирован как потерей делового доверия, так и девальвацией боливара, который упал почти на 50% с тех пор, как стал конвертируемым в феврале 2002 года. С учетом состояния Венесуэльской экономики, за 2002 год падение внутреннего валового продукта (ВВП) составит 6.7% до 96 миллиардов долларов, однако, за последние годы ВВП выросло значительно.

Неоправданные расходы правительства резко увеличили финансовый дефицит, который страна пытается преодолеть, чтобы оздоровить свою экономику. Федеральный бюджет Венесуэлы, принятый в начале 2007 года,

22 По данным Министерство финансов, и Министерство Экономического Развития Венесуэлы. Статистики 2006 г.

23 По данным «Министерство природных ресурсов Венесуэлы» доклад о использование ресурсов в Венесуэле и ее регионов 2005 гг.

Данный Национальный институт Статистика Венесуэлы. Отчет 2006

предполагал сокращение расходов на 22% по сравнению с расходами 2006 года и был сформирован исходя из средней стоимости Венесуэльской нефти в 23 долл. за баррель (при цене, предложенной ОПЕК в размере; 18.50 за баррель), Однако уже с значительным повышением цена на нефть, государственный бюджет был более менее сбалансирован и начали очень сильно финансирование национальных и региональных проектов, что привело к повышению ВВП страны. Как мы уже отметили, экономика Венесуэлы практически полностью определяется ценами на нефть. Доходы от продажи более 75% всех экспортных доходов, около половины всех доходов государства и около трети ВВП. В докризисные годы рост мировых цен на нефть был весьма выгоден Венесуэле и давал ей некоторую передышку в период жесткой реструктуризации бюджета (рис 2.3.1).

реструктуризации бюджета (рис 2.3.1).

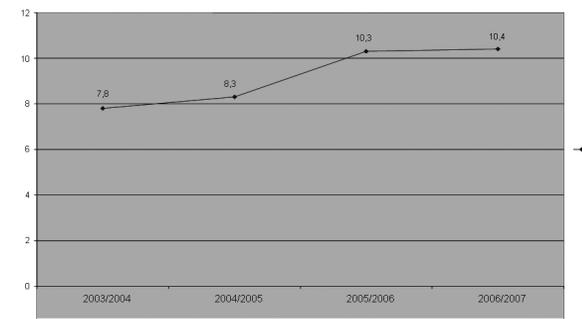

Рис. 2.3.1 ВВП Венесуэлы в % 2003 – 2007

Исходя из этого, правительство Венесуэлы объявило, что Каракас воспользуется ресурсами МФС, созданного для обеспечения стабильности в стране в периоды кризисных ситуаций в экономике, в размере 1 миллиарда долларов валютной выручки, чтобы залатать финансовую брешь, но при этом многие обозреватели предполагают, что Венесуэла наращивала объемы добычи нефти вплоть до политических волнений начавшихся в декабре. Однако, если правительство Венесуэлы отрицает, что в квоты ОПЕК были нарушены, репортажи в прессе свидетельствуют о том, что Венесуэла могла превысить квоту на 400000 баррелей в день. Нефть, добываемая в Венесуэле, более тяжелая и содержит больше кислот, чем американская эталонная WTI (West Texas Intermediate), и поэтому обычно продается на 4 долларов дешевле.

Венесуэла является основным поставщиком сырья на нефтеперерабатывающие заводы Карибского региона. На два крупнейших завода – Ховенса на Сан-Круа и Исла на Кюрасао – ежегодно отгружается 495 тыс. и 320 тыс. баррелей соответственно. Часть полученных на этих заводах нефтепродуктов в количестве 200 тысяч. – 300 тысяч. б/день экспортируется в США [99].

Для экономики Венесуэлы до настоящего времени, характерен ресурсоемкий тип развития с низкой долей необходимого прибавочного продукта. Промышленность страны – важная составная часть единого хозяйственного комплекса Венесуэлы. На ее долю приходится $\frac{1}{4}$ ВВП. Ведущая роль промышленности в экономике Венесуэлы определяется, прежде всего, с тем, что, снабжая все отрасли народного хозяйства орудиями труда и новыми материалами, она служит наиболее активным фактором научно-технического прогресса и расширенного воспроизводства в целом.

Промышленность Венесуэлы имеет диверсифицированную и многоотраслевую структуру, отражающую изменения в развитии производительных сил за реформы подледные годы, совершенствовании территориального разделения общественного труда, современное состояние промышленности характеризуется высоким уровнем специализации. В результате углубления общественного разделения труда возникло множество

отраслей, подотраслей, и видов производств, образующих в своей совокупности отраслевую структуру промышленности. Отраслевая структура промышленности Венесуэлы определяется многими общественными и экономическими факторами, основными из которых являются: уровень развития производства, общественно-исторические условия, производственные навыки населения, природные ресурсы и пр. Подробно структура промышленного производства приводится в таблице. 2.3.4.

Отметим, что степени развития индустрии зависят технический уровень производства, структура хозяйства, территориальная организации экономики. Следовательно, промышленный спад в Венесуэле носит структурный характер и ведет к дальнейшему утяжелению промышленного комплекса. Промышленность в своем развитии прошла огромный путь. В настоящее время она насчитывает свыше 134 подотраслей. В действующей классификации промышленности выделены 11 комплексных отраслей (табл. 2.3.4).

Таблица 2.3.4

Структура промышленного производства Венесуэлы в 2002-2006 гг., %

Отрасли	Годы				
	2003	2004	2005	2006	2007
Промышленность в том числе	100	100	100	100	100
Электроэнергетика	8,7	8,8	8,9	12,1	12,9
Топливная	23,1	23,5	24,8	20,1	20
Черная металлургия	10,2	10,3	10,5	9,5	9,3
Цветная металлургия	11,0	11,1	11,2	11,2	11,2
Машиностроения и металлообработка	16,4	16,3	16,1	21,2	22,4
Химическая и нефтехимическая	7,9	7,9	7,8	6,2	6,2
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	4,0	4,1	3,8	4,2	4,3
Производства строительных материалов	2,7	2,6	2,5	3,1	3,1
Легкая	2,9	2,9	2,7	1,5	1,5
Пищевая	10,7	10,7	10,6	13,6	13,7
Прочие	2,3	2,3	2,1	1,2	1,2

Источник: Alejo Carrasquel. Tendencias y pronósticos de la economía de Venezuela. V.: Panapo, 2007. – С. 25.

В 2002-2007 гг. отмечается положительная динамика в отраслевой структуре промышленности (рис 2.3.4). Так, удельный вес машиностроения и металлообработки увеличился до 22,4%, а электроэнергетики до 12,9%, некоторые положительные изменения отмечаются также в лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной, промышленности строительных материалов, однако доля топливной – сократилось до 20%, черной металлургии – 9,3%. К критической отметке подошла легкая промышленность – 1,5% (табл. 2.3.4).

Научно-технический прогресс оказал особенно большое влияние на отраслевую структуру машиностроения, где получили развитие такие отрасли как электроэнергетическая, приборостроительная, с подотраслями.

Разработанная Правительством Венесуэлы программа антикризисных мер, которая предусматривала изменение режима налогообложения, государственные субсидии, процедуру банкротства, помощь банковской системе, социальные гарантии для населения, смягчила негативные тенденции дальнейшего спада экономики Венесуэлы.

За 2003 -2007 годы объем промышленного производства увеличился более в 5 раз и составил 9494 млн. боливаров против 2607 млн. боливаров в 2003 г. программа социально-экономического развития способствует изменению структурных соотношений в реальном секторе экономики, что предусматривает:

- совершенствование организационной и управленческой структур, на разных уровень;
- развитие инфраструктуры, в том числе таких важнейших отраслей промышленности, как транспорт и связь;
- изменение структуры промышленного производства за счет увеличения доли продукции с высокой

степенью обработки;

-улучшение технологической структуры материального производства путем обновления устаревших технологий и основных фондов;

Главной целью промышленной политики является повышение эффективности и конкурентоспособности промышленности на внешнем и внутреннем рынках, которое неразрывно связано с подъемом экономики.

В 2006 году, финансовые ресурсы центральный регион поступающие из Фонда межтерриториальной компенсации, специальный ассигнования и из конституционного дохода, сконцентрировал более 28% из расчетных годовых текущих поступления в государственную казну, восточный, западный и центрально западный регионы получили из федерации только 57%, а Регион Гьяна и льяносы менее 15%. И здесь мы должны обратит внимания на то что в южных регионов, поступающих самые низкий размеров финансовые ресурсы имеют: 90% водные ресурсы страны, 95% гидроэлектрические потенциал, 80% лесной ресурсы, 50% сельскохозяйственные территории (сельскохозяйственные угодья), а также находятся самые большие запасы полезно ископаемых ресурсов, металлические и неметаллические, большие запасы золото, нефти и газа. Однако, одновременно населения эти регионы являются самые бедные и регионы самые неразвитые в страны (приложении 5 и 6).

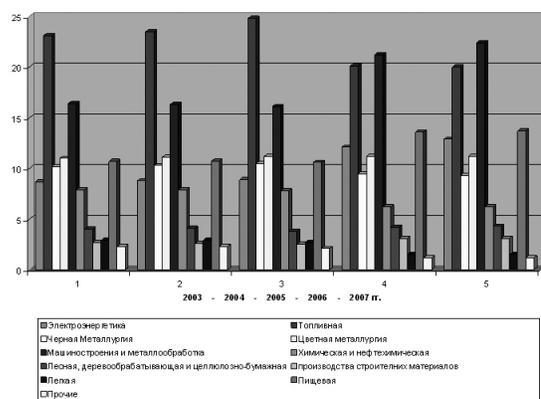

Рис. 2.3.2 Структура промышленного производства, % 2002-2007 гг.

Венесуэла обладает огромными ресурсами и емким внутренним рынком. Освоение территории происходило асимметрично, существует значительный разрыв между ресурсной базой на западе, востоке, юге стране и основной развития в центральной части страны, представлены разнообразные природные и культурные ландшафты, велики контрасты между центром и периферией на всех уровнях.

Основными факторами, влияющими на специализацию территории Венесуэлы являются: природные условия и ресурсный потенциал, особенности географического положения, фактор трудовых ресурсов, т.е., экономические регионы, специализируются под воздействием различных сочетаний природных, экономических и социальных условий.

Итак, центральное место в экономике современной Венесуэлы занимают добыча и экспорт природных ресурсов, и особенно в большей степень рост ВВП коррелирует с ростом добычи нефти. Однако это не исключает возможности принципиально иного экономического развития отдельных регионов, т.е. их устойчивого развития таких территории позволит оценить перспективы реализации концепции устойчивого развития для страны в целом.

Итак, главной отраслью экономики Венесуэлы является промышленность: в ней формируется приблизительно 26% всей добавленной стоимости. Второй по значимости отраслью экономики является торговля, посредническая деятельность и общественное питание. В этой отрасли формируется около 23 % ВВП. Вклад

каждой из прочих отраслей в формирование ВВП не превышает 10% (рис 2.3.3). Сложившаяся структура добавленной стоимости в российской экономике имеет ярко выраженный сырьевой характер. Отрасли, которые прямо или косвенно связаны с природопользованием, являются «локомотивами» национального экономического роста. По данным Национального статистического института Венесуэлы [110], в 2005г. на долю основных отраслей природопользования пришлось более 18,5% всей добавленной стоимости, в том числе 13,3% - на долю экспортно-ориентированных отраслей. Эти данные подвергнуты сомнению в докладе министерство финансы Венесуэлы о состоянии экономики Венесуэлы за 2005-2006гг., где подчеркивается, что природные ресурсы дают более 80% объема экспорта, а доходы от экспорта нефти и газа почти равны 20% ВВП.

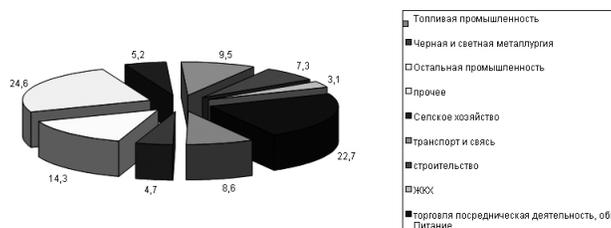

Рис. 2.3.3. Отраслевая структура добавленной стоимости в Венесуэле 2005-2006 гг.

Таким образом, основной роста большинство макроэкономических показателей является интенсивная эксплуатация природных ресурсов в процессе промышленного производства. По оценкам Перес К., удельный вес фактора природных ресурсов составляет около 75% в годовом приросте доходов государственного сектора страны, а в развитых странах от 70 до 90% прироста ВВП приходится на долю фактора научно технического прогресса [136, с 56-58]. Как мы уже отметили ранее, на территории Венесуэлы выделяют 6 экономических районов, и каждая имеет свою специфику, и занимают определенное место в межрайонном разделении труда. Оценка перспектив социально-экономического развития регионов Венесуэлы является предметом исследований ряда экономических и социальных институтов исследований Венесуэлы, а также научно-исследовательских коллективов. Далее представлены экономических характеристиках регионов Венесуэлы (табл. 2.3.5).Преимущества экономико-географическое положение Центральный регион заключены в удобстве привлечения ресурсов по мере надобности из всех регионов, в возможности включения в межрайонные и международные экономические связи и выполнения многообразных обязанностей лидера по отношению ко всей территории страны.

Таблица 2.3.5

Характеристики регионов Венесуэлы				
Регионы	Площадь в %	Население в %	Производства	Другие характеристики
Центральный	2,4	35,0	-Банковские и финансовые услуги -Коммерческой деятельности -Легкая и пищевая промышленности -машиностроения и металлообрабатывающая промышленности	-имеет 25% туристический потенциал страны; -20% берега страны.
Центрально-западный	8,9	16,3	-Сельскохозяйственное производство; -Лесная промышленность, -переработка нефти и газа.	-имеет национальные парки, натуральные монументы, лесные зоны и туристические зон.
Западный	8,9	23	-агроиндустрия, машиностроительная и металлообрабатывающая промышленности; -туризм	-туристический потенциал
Восточный	13,75	12,8	-нефтяная промышленность	-Туристический потенциал, агропромышленный потенциал
Регион Льянос	19028	6,95	-сельскохозяйственное производство	-Экологический и туристический потенциал
Регион Гьяна	45,6	5,76	-тяжелая промышленность: добыча железа, алюминия, золота;	-60% территории региона – зоны под специальным режимом

25 Данные Национального Статистического Института Венесуэлы. Источник в Интернете: <http://www/inc.go.ve>

Центральный регион является политическим, экономическим и хозяйственным центром страны. На его территории находится столица Венесуэлы – г. Каракас. Среди всех регионов, Центральному принадлежит ведущая роль. Также этот регион характеризуется высококвалифицированным демографическим потенциалом, культурным потенциалом населения, мощной научной, развитой транспортной инфраструктурой.

Это регион занимает 2,4% площади Венесуэлы, а проживает здесь 35,0% населения страны, что обеспечивает району первое место по численности жителей в стране.

Центральный регион – самый высокоразвитый регион Венесуэлы. Современная промышленность этого региона представлена многоотраслевой структурой. Ведущие отрасли – это сфера услуг, в том числе банковские и финансовые услуги – 53%, отрасли обрабатывающей промышленности – 55%, на торговлю и коммерческую деятельности, за ней следуют транспорт и связь – 32%. Промышленность региона также специализируется на выпуске сложной и нематериалоемкой продукции, требующей квалифицированного труда и научных разработок.

Каждый штат этого региона имеет свою специализацию: машиностроительная и металлообрабатывающая промышленности, пищевая промышленность занимают Штаты Арагуа и Карабобо (62%); легкая (текстильные) промышленности и пищевая промышленность занимает Федеральный округ (66%); машиностроительная и металлообрабатывающая промышленности, пищевая промышленность, текстильная и лесная промышленности сосредоточены в Штате Миранда (71%).

Это регион занимает 20% побережья и 25% туристической инфраструктуры страны сосредоточены в нем, что очень важно для развития национального туризма. Геоэкономическое расположение и наличие столицы этого региона определяют очень высокий объем грузооборота и пассажироперевозок, в том числе 81% портовое движение и торговля страны, 42% национальные воздушные полеты, и 93% международные воздушные полеты, 91% воздушная торговля.

Как мы уже отметили ранее, Центральный регион имеет самое большое количество предприятий и организации. Большинство работает в торговле и общественном питании, в промышленности и строительстве, а последнее время растет число предприятий и организации в отраслях информационно-вычислительного обслуживания и операции с недвижимым имуществом.

Центральный регион является ведущим центром подготовки интеллектуальных кадров для всех сфер экономики. Имеет 47.460 га. + 514, га. сельскохозяйственной территории, 20% берега страны: залив – Пальма Сола, Патанемо в штат Карабобо, Ката, Чороны и Туриамо в штата арагуа, пляж Камури Чико, Наигуата в штете Варгас; Чуспа, Парапаро Рио Чико в Штате Миранда. 25% национальный туристический потенциал страны.

Также, имеет много зоны под специального режима: 6 национальные парки, 7 зоны охраняющие государства, 2 зоны охрана окружающие среды, 2 критические зоны, 4 национальные монументы, 4 столичных парк, 1 запас леса.

Центрально-западный регион занимает 81.700 кв. км, т.е., 8,9% площади Венесуэлы, а проживает здесь 16,3% население страны. Это индустриальный и сельскохозяйственный регион с развитым комплексом обрабатывающей промышленности и ориентируется на привозное сырье и топливо. Самые важные промышленные зоны – промышленные зоны Баркисимето; зона франка Парагуана; а также заводы по переработки нефти Амуай и Кардон в Штате Фалькон.

Имеет более 17% сельскохозяйственные территории страны, 45,0% национальная производства кофе, 70% производства сахарного тростника, 94,1% производства кунжута, 47,7 кукуруза, 63,0% риса. Рыболовства, скотоводства также занимают очень важно место в экономике региона. Лесной запасы – более 164.000 га., в Штаты Кохедес, Лара и Португеса очень развито лесная и деревообрабатывающая промышленность, в этим штаты используются более 23.000 га. местное сырье для про-

изводстве бумаги. Развитие лесной промышленности связано с более глубокой переработкой древесного сырья, полным использованием отходов, расширением использования лиственной древесины и проведением лесовосстановительных работ. Также имеет высокие запасы полезные ископаемые, уголь, титан, антимоний, цинк; большие запасы нефти и газа.

В этом регионе, не только перерабатывается нефть и газ, но и распределяется в другие регионы страны и в мире. В 658 км побережье, 1163 га. – национальные парки (Яканбу, Терепайма, Моррокоц, Меданос де Коро), натуральные памятники охраняемые государством (гора Санта Анна, Лома де Леон), лестные зоны (Ниргуя-Ароа, Баул-корралито), островок экологически безопасности (Куаре, Чиригуаре), 14 туристические зоны в полуострове Парагуана, Фалкон, Лара и Яракуи.

Это регион присоединяет восточный, западный, и центральный регион страны. Имеет 285 км железной дороги, 3 международных и 6 национальных аэропорты, 5 региональных морские и речные порты.

Западный регион занимает 90.030 кв. км (без озера Маракайбо), т.е., 8,9% площади Венесуэлы, а проживает здесь 23% населения страны.

Промышленные отрасли – агроиндустрия, машиностроительная и металлообрабатывающая промышленности, легкая промышленности, ремесленные промышленности, сфера деятельности в андских штатов – малого предпринимательства (90% промышленная сеть), Однако, каждый из этих штатов имеют свою специализацию: горнорудная промышленности – в Трухильо, Тачира – легкая (текстильная) промышленности, Мерида – химические и пищевые промышленности, в штат Зуля – машиностроительная и металлообрабатывающая промышленности, нефтегазовая промышленности.

Штат Зуля принесет 80% ПРВ и 90% капитализация региона, и имеет 8 индустриальные парки (зоны) – 22% страны, и одним из самых больших запасы уголь (83% страны). В Маракайбо находится 52% производства нефти и газа страны.

В агропромышленный комплекс – имеется 4.5 мил. га. сельскохозяйственные территории, т.е., 15,25% страны. Масличные культуры 44%, пальмовые листья 55,9%, фрукты 64,2%, Коко 6,9%. Западный регион производит 81% картофеля, и 36,7 молоко и мяса страны.

В туристической отрасли имеется большой возможности развития, поскольку имеется 1253 км побережье (185 км морские, 728 км озерный, 340 км речные берега), а еще разнообразие натуральные ландшафты в Андах штатов и много зон по специальным режимам.

Восточный регион занимает 125,350 кв. км. т.е. 13,75 площади Венесуэлы, а проживает здесь 12,8% населения страны.

Эта зона имеет очень большой сельскохозяйственный потенциал, водные ресурсы, 77% рыбная промышленности страны, регион богат различным полезными ископаемыми. В его недрах находятся огромные запасы нефти и газа, важнейших из них – тяжелая нефть в зоне Ориноко, который производит 34% всего объема промышленной продукции страны для международной торговли. Главная река – Ориноко. У реки много притоков, многие из них судоходны. Реки региона служат как транспортные артерии для водоснабжения. Гидроэнергетический потенциал рек велик.

Ведущая промышленность отрасли – агроиндустрия, переработка нефти и газа, машиностроительные производства, металлообработка. В этом регионе находится 11 парков оборудования, т.е. 30% страны, 36 зон под специальным режимом, имеет более 6 национальных и международных аэропортов и 9 порты.

Регион Льянос занимает 176.686 кв. км. т.е. 19,28% площади Венесуэлы, а проживает здесь 6,95% населения страны.

Это регион относится к основным сельскохозяйственным регионам страны. Более 70% территории региона составляет сельскохозяйственные угодья, в том числе – почти. Поэтому рост сельскохозяйственного производства здесь основывается на сельскохозяйственных угодьях. Он производит 41,26% риса, 49,30% сорго, 42,30% фасоль, кукуруза 44,66% , 30% скотоводства и 50% рыболовства производства страны. Имеет очень высокие водные ресурсы для ирригации, 16 бассейн использующие для сельскохозяйства, гидроэлектричества, рыбоводства и туризма. Он имеет 31 зоны под специальным режимом.

Регион Гьяна занимает 418.145 кв. км. т.е. 45,6% площади Венесуэлы, а проживает здесь 5,76% население страны. В штат Боливар 3% населения – индейцев, а в штат Амазонас 43%. В этом регионе находится река Ориноко – самая длинная река Венесуэлы.

Гьяна имеет вся национальная производства железа, алюминий, золота, и другие полезные ископаемые. Имеет самое большой гидроэлектрические комплекс страны – примерно 71% электричества страны.

Имеет очень высокий потенциал для экотуризм, поскольку более 60% территории региона – зоны под специальным режимом как зоны покрытый лесом Сан Франсиско де ла Парагуя, Чивапуре-Кучиверо, Ел Чоко, Канайма, Сарисариньяма – в штате Боливар; ла Неблина, Япакама и Дуида в Штате Амазонас. Также имеет 75% гидрографический потенциал страны, 90% лесные (Иматака, ел каура, ла Парагуя в штате Боливар; Сипапо в Штате Амазонас) и полезные ископаемые запасы страны.

Как мы уже отметили, в соответствии с новым стратегическим планированием страны отраслевые приоритеты развития локально-экономических систем страны можно рассматривать следующую региональную структуру:

1) Фасады интеграции: регионы, взаимодействующие с другими регионами на разных уровнях: внутреннем, национальном, региональном и мировом уровнях. В этом смысле в региональной геоэкономической характеристике и геополитической стратегии Венесуэлы существует 3 фасада интеграции, «с целью стимулирования отношений этих регионов с другими регионами мира», [124, с 57-58] «... поскольку государство предоставляет привилегии региональных процессов интеграции с латиноамериканским, Карибским и Андским странами» [124, с 60-61]: Андский фасад, Амазонский фасад, Карибский фасад (рис. 2.3.3).

2) Оси десконцентрации: подчеркнем, что современный период регионального развития Венесуэлы значительно отличается от предыдущих периодов развития общества в части образования и функционирования территориально-локальных экономических систем. Изменение условий мировой экономики подтолкнуло латиноамериканские государства к образованию различных интеграционных экономических блоков и союзов, представляющих собой межгосударственные локальные образования: КАРИКОМ, МЕРКОСУР, СЕЛА, Андский пакт, Амазонский пакт, Г-3 и некоторые другие

Рис 2.3.3. Схема экономических зон соответствия стратегическому глобальному планированию страны

На основе географических, экономических, культурных условий сформировались 3 основные оси десконцентрации (рис 2.3.4): западная ось, восточная ось, ось Ориноко-Апуре, для того чтобы использовать более эффективные ресурсы этих регионов и стимулировать межрегиональные и региональные отношения.

А) Западная ось: известно, что эта зона имеет стратегическое месторасположение для развития районов, поскольку является открытой зоной в Карибском регионе, а также имеет высокие возможности связи и коммуникации с Колумбией и с атлантическим океаном через ось Ориноко-Апуре.

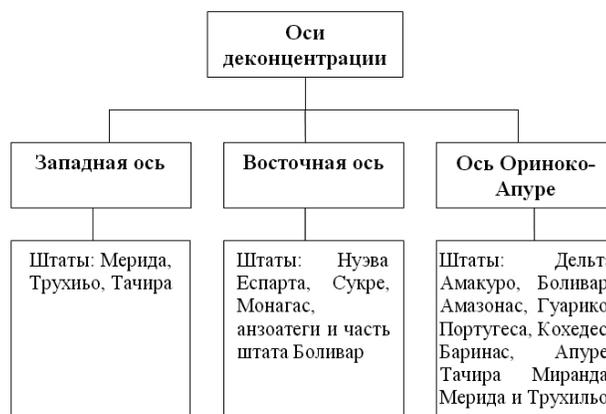

Рис 2.3.4. Схема осей деконцентрации

Эта ось простирается от Маракайбо до Гуасдуалито и пересекается с восточным регионом, имеет площадь 92900 км² (10,46% национальной территории), население примерно 5,348,440 жит. (23% состав национального населения). Эта ось включает следующие штаты: Мерида, Тачира, Трухильо и Зулия со всеми муниципалитетами. Эти географические территории имеют преимущества на региональном, национальном и даже на международном уровне, поскольку имеют большое количество сырьевых, водных, гидроэлектрических, металлических и неметаллических ресурсов. Более того, Маракайбо имеет много месторождений нефти и газа, большой индустриальный комплекс с большим промышленным потенциалом, внутригосударственный и международный аэропорт, нефтяной порт и огромные сельскохозяйственные пространства, а также большие минеральные запасы. В штате Тачира находятся международные коридоры (автомобильные дороги), которые имеют особое значение для торговли с Колумбией. В этом штате также находятся важные запасы фосфата, меди, угля и т.д., имеется большой туристический потенциал, зоны особого режима (национальные парки). Географическое положение этих регионов дает возможность налаживать активную торговлю и инвестиционную деятельность с Колумбией и другими андскими странами.

Б) Восточная ось: простирается от острова Маргарита Гюана до Санта Елена де гуаилен на границе Венесуэлы и Бразилии, имеет площадь 193,300 кв. км (21% национальной территории), включает в себя штаты Новая Эспарта, Сукре, Монагас, Анзоатеги и часть штата Боливар, характеризуется сельскохозяйственным, лесным, рыбным, гидро- и гидроэлектрическим потенциалом, имеет запасы газа и нефти, а также имеет большие минеральные ресурсы (80% национальный запас страны), главные запасы железа и туристический потенциал.

В) Ось Ориноко-Апуре: реки Ориноко и Апуре являются самым большим речным комплексом развития торговли и транспортной сети страны. Площадь составляет 300,000 кв. км (30% национальной территории и 13% населения страны). Эта ось начинается в городе Сан Кристобал и заканчивается в городе Тукупита, включает штаты: Дельта Амакуро, Боливар, Амазонас, Гуарико, Португеса, Кохедес, Баринас, Апуре, Тачира, Миранда, Мерида и Трухильо. В этом регионе находятся большие запасы минеральных ресурсов и самый большой запас тяжелой нефти в мире, 25 миллионов гектаров леса (83% страны), 90% гидроресурсов (имеет большой потенциал пресной воды), 95% гидроэлектрических, 50% сельскохозяйственных земель и рыбный потенциал страны (примерно 40000 тонн в год), металлические минералы (58 млн. тонн угля, 1000 млн. тонн фосфата), а также имеется выход в Атлантический океан, на север Бразилии и в страны Анд.

3) Новые формы регионализации - зона специального развития, (рис. 2.3.4): поддерживает укреп-

ление разнообразного производства страны и стимулирование специализации экономики регионов в соответствии с его потенциалом. Особое значение имеют зоны специального развития, размещенные внутри региона.

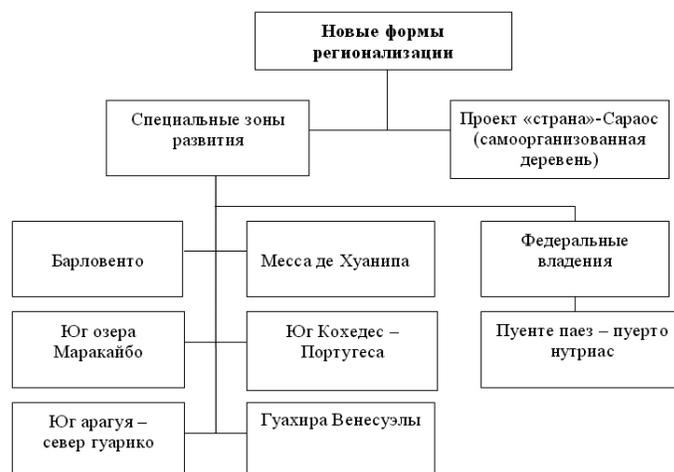

Рисунок 2.3.6 Схема новые территориальной структуры Венесуэлы

На наш взгляд, для формирования этих специальных зон были использованы следующие критерии:

- общая граница (смежность территорий);
- потенциальные ресурсы;
- низкая экономическая динамика;
- низкая плотность населения.

Итак, особое значение имеют зоны специального развития, размещенные внутри региона. Министерство планирования и развития Венесуэлы вместе с другими государственными учреждениями сформировали 9 специальных зон развития [124, с 195]:

1-Барловенто (в штате Миранда): критерии формирования этого региона:

- смежность территорий;
- сельскохозяйственный и туристический потенциал;
- низкая плотность населения;
- низкая экономическая динамика и высокий уровень безработицы;
- недостаточность благополучий: образования, транспорта, электричества, воды.

2-Юг Арагуа - Север Гуарико (в штатах Арагуа и Гуарико): критерии формирования этого региона:

- высокий уровень безработицы;
- низкая плотность населения;

- гидроресурсный потенциал;
- минеральные (ископаемые) ресурсы;
- малая индустрия;
- низкий уровень производства.

3-Юг озера Маракайбо (в штатах Мерида, Тачира и Зулия): критерии формирования:

- смежность территорий;
- стратегическое положение района;
- агропромышленный потенциал;
- связь с Андским и Карибским фасадом.

4-Марипа - ла Тигрера - Гуаратаро (в штате Боливар): критерии формирования этого региона:

- необходимость укрепления сельскохозяйственного комплекса;
- низкая плотность населения;
- исполнение Плана развития оси Ориноко-Апуре;
- индекс бедности населения.

5-Пуенте паез - пуэрто нутриас (В штатах Баринас и Португеса): критерии формирования:

- районы в составе оси Ориноко-Апуре;
- стратификация пространства;
- гидроресурсный потенциал;
- туристический, сельскохозяйственный и инвестиционный потенциал.

6-Месса де хуанипа (в штате Анзоатеги): критерии формирования этого региона:

- связь с осью Ориноко-Апуре;
- связь с регионом порта Бауль;
- зоны с высоким сельскохозяйственным, скотоводческим, рудовым и агроиндустриальным потенциалом;
- большой гидроресурсный потенциал;
- туристический потенциал развития агротуризма и экотуризма;
- низкая плотность населения.

7-Юг Кохедес - Португеса (в штатах Кохедес и Португеса): критерии формирования этого региона:

-зоны с малой плотностью населения;

-слабая экономика;

-высокой уровень бедности.

8-Федеральные владения: критерии формирования этого региона:

В соответствии с конституцией Венесуэлы, федеральные владения – морские острова вне состава территории штата: Архипелаг Лос монхес, остров Ла тортуга, остров Лос фраилес, остров Патос, архипелаг Лос рокес, остров Ла бланкилья, острова Лос эрманос, остров Ла орчила, архипелаг Лас авес, остров Авес.

Федеральные владения не имеют личного управления или руководства как другие территориальные деления (штаты – губернатор и муниципалитеты – мэр), поэтому не имеют представления об органе планирования, координации, контроля и исполнения программы развития и не получают экономических бюджетных финансов из фонда инвестиций развития или других федеральных фондов развития штатов и муниципалитетов. Федеральные владения – 311 островов и островков Карибского моря.

9-Гуахира Венесуэлы (штат Зулия): критерии формирования этого региона:

- приграничные зоны с Колумбией, где проживают индейские племена Гуаю и Аньу.

-сельскохозяйственный, агропромышленный, минеральный, туристический и производственный потенциал.

-выход в Карибской бассейн.

Отметим, что также существуют другие формы локально-экономических территориальных систем. Изучение типологизации регионов и территориальной локализации экономики в последнее время очень динамично, поэтому предлагается создание новых экономических территориально-локализованных форм:

1-Регионы «особой функциональной ориентации» под режим особого управления: в соответствии с работой «Института регионального исследования Венесуэлы» этими регионами являются территории повышенного риска катастроф (они имеют особый правовой режим и ограничения хозяйственной деятельности), охраняемые природно-экологические территории, натуральные памятники природы, национальные природные заповедники, зоны наводнений, национальные натуральные парки, национальные природные заказники и др.

2-Научно–технические территории: в основе функционирования научно-технических территорий лежит принцип деятельности промышленных парков, представляющих собой зоны промышленной застройки с полным набором необходимых служб и системами транспортного, информационного, телекоммуникационного обслуживания. Научно-технические парки включают в себя сеть научно-исследовательских фирм, организаций, лабораторий, промышленных объектов, расположенных на компактной территории, что обеспечивает их реальное взаимодействие и практически исключает непроизводительные затраты времени.

Индейские территории – территории, где проживают индейские племена, с особым организационно-правовым режимом, также имеющие значение в территориально-локализованной системе.

Еще есть одна территориальная структура, имеющая особый статус – свободная экономическая зона (СЭЗ). На ее территориях не существуют таможенные правила, обязательные для основной территории страны, т.е. в национальном таможенном пространстве свободные экономические зоны являются

исключением. СЭЗ создаются с целью привлечения иностранных инвестиций, увеличения и диверсификации экспорта, развития импортозамещающих производств.

Мировой опыт показывает, что установление, укрепление и развитие особых правовых, организационных, экономических режимов в некоторых отдельных регионах является очень важным способом региональной политики в качестве интеграционного экономического механизма и привлечения иностранных технологий.

СЭЗ подразделяют следующим образом: Свободные зоны, зоны свободной торговли, экспортно-производственные зоны, таможенные зоны, научно-промышленные парки, свободные порты, производственные зоны (экспортные и импортные), зоны обслуживания, зоны коридоры (транспортные и промышленные узлы), зоны свободного транзита, торгово-производственные зоны, зоны замещения импорта (внутренний рынок страны) и экспортные зоны (внешние рынки).

Кроме этого, в Венесуэле Таможенный закон устанавливает три типа территориальных специальных форм: свободный порт, зона – франко (открытая зона) и свободная зона [111 с. 25].

В категории свободного порта можно говорить о двух территориальных пространствах, которые пользуются фискальным специальным режимом: свободный порт штата Новая Еспарта, который включает территориальную юрисдикцию островов Маргарита и Коче, и свободный порт Санта Елены де Уаирен, помещенный в столице муниципалитета Гран Савана штата Боливар.

С нашей точки зрения, экономическое функционирование и развитие современных регионов, обеспечение их устойчивого и динамичного развития требуют научного осмысления их роли и места в национальной экономике страны. Структурные диспропорции развития регионов, низкая экономическая эффективность требует необходимость теоретического и практического осмысления сложившейся ситуации с позиции сочетания макроэкономического и регионального аспектов трансформации экономических процессов, поиска новых решений, с учетом функциональной специализации каждого из региональных образований на основе общих закономерностей развития экономики.

«Теоретические принципы производственной специализации межрегиональной торговли формально (понятийно-терминологически) были впервые выделены в рамках теории международных экономических отношений. Основные выводы “международных” теорий А. Смита, Д. Риккардо и Э. Хекшера, Б. Олина получены в системе постулатов межрегиональных отношений, несмотря на то, что их авторы в своих поясняющих ситуациях упоминают об Англии, Шотландии, Португалии и приводят другие “международные” примеры» [28, с 56].

Родригес Мануэль подтверждает, что каждый регион должен специализироваться в соответствии со своим экономическим потенциалом и осуществлять комплексный подход к развитию всех отраслей экономики для обеспечения нормальных условий производства региона и обладания экономическим преимуществом [28, с 25].

Итак мы можем сказать следующие выводы: что, оптимальное, наиболее эффективное и пропорциональное развитие отдельных отраслей хозяйства региона при его данной производственной специализации означает комплексность развития региональной экономики, направленной на увеличение вклада региона в экономику страны и обеспечение наиболее эффективного удовлетворения потребностей населения региона.

В настоящее время совокупность отраслей хозяйственного комплекса региона, характеризующаяся определенными пропорциями и взаимосвязями, представляет собой отраслевую структуру региона.

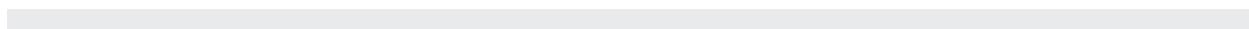
Приоритетность развития отраслей в регионе определяется путем обоснования региональной спе-

26 Ley Organica de aduanas. Опубликовано в национальном печатном органе Венесуэлы в 1998. с 25.

специализации и комплектности развития хозяйства, последовательного отбора в регионах взаимозаменяющих производств. В каждом регионе следует предусматривать прежде всего развитие отраслей «наиболее экономичной специализации», для которых являются благоприятными большинство факторов, а также отраслей «повсеместного размещения».

Отраслевая структура экономики регионов Венесуэлы и динамика ее изменения позволяют оценить тесноту межотраслевых связей, возможности региона в удовлетворении внутренних потребностей, место региона в территориальном разделении труда.

Отрасли специализации играют ведущую роль в экономике региона, поскольку составляют основу регионального хозяйственного комплекса. Такая территориальная организация экономики регионов позволяет в первую очередь более эффективно использовать благоприятные природные и экономические условия.

ГЛАВА 3.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ И ВЕНЕСУЭЛЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

так, можно сказать, что регионы с относительно высоким уровнем развития – это регионы с развитыми сырьевым экспортными отраслями, а также города федерального значения, обладающие значительной частью финансового потенциала России.

Очевидно, что итоги среднегодовых темпов роста ВВП РФ 2004 – 2007 гг. составили 107,1%, промышленного производства – 106,2%, сельскохозяйственного – 104,1%. За этот же период показатели роста реальных денежных доходов населения составили 111,0% розничного товарооборота – 110,8, инвестиции в основной капитал – 109,4%.

Аналогичные соотношения продолжают сохраняться и в текущем, 2008 г.: при росте ВВП, превысившем 106%, рост промышленного производства по сравнению с первым полугодием 2007 г. составил 105,4%, сельскохозяйственного – 101,4%, в то время как реальные денежные доходы населения увеличились на 11,1%, розничный товарооборот – на 11,3, инвестиции в основной капитал – на 9,4%.

Сложившиеся тенденции развития экономики РФ обусловили уменьшение дифференциации темпов экономического роста при сопоставлении их в разрезе крупных регионов, в частности федеральных округов. Наиболее высокими темпами за 2003-2007 период прирост ВВП в Северо-Западном (107,3%), Южном (107,1%), Уральском (107%) и Центральном (106,9) федеральных округах. В сибирском федеральном округе темпы роста ВВП практически совпал со среднероссийским (106,6%), а замыкающими по динамике этого макропоказателя оказались Приволжский и Дальневосточный федеральные округа (по 105,6%).

На сравнительные показатели развития региональных экономик существенное влияние оказывает территориальное распределение доходов всех субъектов экономической деятельности, т.е. территориальная структура валового регионального продукта.

Итак, частичный поворот в пользу товаропроизводителей произошел вследствие больших различий в темпах роста общего уровня цен и цен производителей (основных цен). Одна из характерных особенностей межрегиональные различия в темпах экономического роста состоит в том, что почти не были связаны с различиями в темпах увеличения инвестиции в основной капитал. Так, из всех округов с повышенными темпами роста ВВП лишь Северо-Западный отличается заметно превышающими среднероссийские темпами роста инвестиций (за период 2003-2007 гг. 115,5% против 109,3% в целом по стране). Напротив, один из аутсайдеров по среднегодовым темпам роста ВВП – Дальневосточный федеральный округ имел за этот же период самые высокие среднегодовые темпы роста инвестиций – 116,9%. Повышенным темпами роста этого показателя отличается и Сибирский федеральный округ – 111,8%. Во всех остальных округах темпы роста инвестиций были ниже среднероссийских, в том числе и в Южном округе – регионы с относительно высокими темпами роста ВВП.

Другая важная особенность в изменении территориальной структуры инвестиций – очень быстрое снижение доли Уральского федерального округа. Среднегодовые темпы роста инвестиций в этом регионе составили за 2005 – 2006 гг. всего 104%, а 2006 – 2007 гг. даже были отрицательными. В результате в 2007 г. впервые доля округа в суммарных инвестициях России оказалась меньше его доли в суммарном ВВП (таблица 3.1.1), упомянутый выше ценовой фактор привел в этом округе к увеличению разрыва между результатами производства и затратами.

Таблица 3.1.1

Территориальная структура инвестиций в основной капитал
в РФ в 2003-2007 гг., %

Федеральный округ	Годы				
	2003	2004	2005	2006	2007
Центральный	24,73	24,79	25,76	26,64	26,31
Северо-Западный	11,30	12,10	13,04	12,79	13,66
Южный	10,54	11,1	9,70	9,31	9,07
Приволжский	16,71	16,20	16,04	16,61	16,85
Уральский	21,75	21,60	20,40	18,91	17,36
Сибирский	8,52	8,64	8,86	9,18	9,87
Дальневосточный	6,46	6,25	6,21	6,57	6,87

Источник: Journal anual de la facultad de estudios economicos de la Universidad Sorbona de Paris, Enero de 2008, pag. 56-98

Исходя из этого, межрегиональная дифференциация темпов роста промышленного производства была намного более выразительной. Очень высоким среднегодовым темпами развивались промышленность Центрального и Северо-Западного федеральных округов (111,3% и 109,8% соответственно), повышенными темпами росло промышленное производство в Южном, Уральском, и Сибирском округах (соответственно 108,2%, 106,7% и 105,4%, пониженными – в Приволжском (104,8%) и особенно в Дальневосточном (102,2%). Средний по России темп роста составлял 105,1%.

На территориальную структуру промышленного производства (таблица 3.1.2) оказали существенное влияние как различия в индексах роста физического объема, так и ценовой фактор, причем они иногда действовали в одном направлении, приводя к росту или снижению доли соответствующего федерального округа в суммарном промышленном производстве (с одной стороны, это Приволжский и Дальневосточный округа, а с другой – Уральский).

Территориальная структура промышленного производства РФ
в 2003-2007 гг., %

Федеральный округ	Годы				
	2003	2004	2005	2006	2007
Центральный	22,73	22,40	22,39	21,41	23,89
Северо-Западный	11,85	12,01	12,30	12,30	11,16
Южный	6,11	6,15	6,21	5,87	6,31
Приволжский	23,00	22,98	22,66	22,74	20,11
Уральский	19,29	19,31	19,47	21,15	22,42
Сибирский	11,85	12,01	12,12	12,32	12,81
Дальневосточный	5,18	4,99	4,85	4,21	3,29

Источник: Journal anual de la facultad de estudios economicos de la Universidad Sorbona de Paris, Enero de 2008, pag. 56-98

Территориальная структура сельскохозяйственного производства (табл. 3.1.3) более консервативна, как и на изменение структуры промышленного производства, на ее оказываются влияние не только различия и индекса роста физического объема выпуска, но и ценовой фактор – межрегиональная дифференциация индексов роста цен. К наиболее заметным изменениям следует отнести, прежде всего, существенное увеличение доли Южного федерального округа, обусловленное очень высокими среднегодовыми темпами роста выпуска (107,3% за период 2002-2005 гг.). Из других регионов повышение темпы роста имел лишь Уральский федеральный округ (103,6%), в остальных округах темпы роста были ниже средних по стране (Центральный -101,7%, Приволжский – 102,8%, Сибирский – 101,3%, Дальневосточный – 102,6%, Северо-Западный – 99,6%). Целевой фактор на территориальную структуру сельского хозяйства существенно не повлиял. Лишь в дальневосточном округе он сумел противодействовать влиянию пониженных индексов роста физического объема.

Итак, в 2007 г. у всех остальных регионов, кроме Уральского федерального округа, доля в суммарных денежных доходах оказалась выше, чем в 2003г. Наиболее устойчивой закономерностью было почти монотонное повышение доли Южного округа, но он по-прежнему остается регионом с самыми низкими душевыми показателями денежных доходов (в 1,5 раза ниже среднероссийских).

Таблица 3.1.3

Территориальная структура сельскохозяйственного производства РФ
в 2003-2007 гг., %

Федеральный округ	Годы				
	2003	2004	2005	2006	2007
Центральный	22,69	22,70	22,77	21,73	21,78
Северо-Западный	6,30	6,16	5,94	5,74	5,80
Южный	19,51	19,80	19,93	21,88	21,33
Приволжский	26,09	26,01	25,79	25,70	25,58
Уральский	6,45	6,45	6,59	6,33	7,30
Сибирский	15,43	15,54	15,54	14,96	14,26
Дальневосточный	3,54	3,40	3,44	3,67	3,95

Источник: Journal anual de la facultad de estudios economicos de la Universidad Sorbona de Paris, Enero de 2008, pag. 56-98

На территориальную структуру денежных доходов (таблица 3.1.4) очень сильное влияние оказывает «столичный» фактор, являющийся главной причиной высоких показателей Центрального федерального округа, где проживает 26,17% населения России. В результате в подавляющем большинстве субъектов Федерации (в том числе во всех остальных регионах Центрального округа) как номинальные, так и особенно, реальные душевые денежные доходы оказываются ниже среднероссийских.

Вместе с тем, следует, отметить определенные позитивные сдвиги в распределении денежных доходов, обеспечивающие, хотя и очень медленное, но уменьшение межрегиональной дифференциации

душевых показателей. В большинстве федеральных округов душевые денежные доходы росли повышенными темпами. Северо-Западный, Приволжский, Сибирский и Дальневосточный округа увеличили свои доли в суммарных денежных доходах, несмотря на то, что за последние годы их доли в общем населении страны уменьшились. Здесь отмечаем, что еще один из важнейших показателей межрегиональной дифференциации уровня жизни является территориальная структура розничного товарооборота.

Таблица 3.1.4

Территориальная структура денежных доходов населения РФ
в 2003-2007 гг., %

Федеральный округ	Годы				
	2003	2004	2005	2006	2007
Центральный	36,26	36,70	36,76	37,21	36,55
Северо-Западный	9,86	10,01	10,11	10,21	10,35
Южный	9,74	9,70	9,70	9,83	10,18
Приволжский	16,62	16,30	16,36	16,17	16,74
Уральский	10,41	10,20	10,16	9,96	10,01
Сибирский	11,90	11,50	11,70	11,47	11,55
Дальневосточный	5,17	5,19	5,19	5,11	5,06

Источник: Journal anual de la facultad de estudios economicos de la Universidad Sorbona de Paris, Enero de 2008, pag. 56-98

Данные, приведенные в таблице 3.1.5 также свидетельствуют об уменьшении межрегиональных различий в уровнях потребления населения, а также об уменьшении межрегиональной дифференциации в степени насыщенности региональных рынков (доли покупок за пределами территории постоянного проживания в общих покупках товаров), – такой вывод является следствием сопоставления территориальных структур товарооборота и денежных доходов.

Изменение территориальной структуры розничного товарооборота и гораздо большей степени связано с динамикой физических объемов. За период 2003 – 2007 гг. в суммарном товарообороте возросла доля регионов с повышенными среднегодовыми индексами физического объема (Южный федеральный округ – 113%) и уменьшилась доля регионов с пониженными среднегодовыми индексами (Центральный – 108,3%, Северо-Западный – 110,3, Дальневосточный – 110,7%). В среднем по России среднегодовой индекс роста товарооборота за 2003 – 2007 гг. составил 110,7%. Таким образом, влияние ценового фактора – межрегиональных различий в темпах роста потребительских цен на изменение территориальной структуры было минимальным.

Территориальная структура розничного товарооборота РФ в 2003-2007 гг., %

Федеральный округ	Годы				
	2003	2004	2005	2006	2007
Центральный	40,39	40,01	39,19	38,63	37,37
Северо-Западный	9,27	9,10	9,08	8,99	8,87
Южный	10,40	10,70	10,74	11,05	11,49
Приволжский	16,47	16,50	16,68	16,81	17,08
Уральский	7,93	8,50	8,42	8,71	9,36
Сибирский	11,41	11,51	11,68	11,67	11,75
Дальневосточный	4,12	4,20	4,22	4,14	4,09

Источник: Journal anual de la facultad de estudios economicos de la Universidad Sorbona de Paris, Enero de 2008, pag. 56-98

Российскими и зарубежными специалистами различных научных институтов регионального назначения разработано достаточно большое количество типологизации регионов. Основная типология измеряется по трем показателям – уровень социально-экономического развития, динамичность развития и природно-географические условия. В современной России, на основе наблюдаемых типологических признаков выделяются три главных типа проблемных регионов, по отношению к которым целесообразно применять особые методы регулирования: слаборазвитые, депрессивные и кризисные регионы [122, с 56]. Однако, целесообразно различать два основных подхода к типологизации проблемных регионов [75, с 12].

К первым подходам относится оценка регионов по степени остроты важнейших проблем на основе системы индикаторов. К кризисным регионам относят территории, подвергшиеся разрушительному воздействию природных катастроф, широкомасштабных общественно-политических проблем. Исследование СОПСа по оценке ситуации субъектов РФ выделили примерно 15 кризисных регионов. В настоящее время на территории РФ существует четыре кризисных пояса: Центральный, Южный, Уральский, Восточный.

Второй подход ориентирован на политику целенаправленного оздоровления регионов. С точки зрения региональной экономической политики главным типами проблемных регионов являются слаборазвитые, депрессивные, приграничные, территории Севера и свободные экономические зоны (СЭЗ).

К слаборазвитым регионам относятся регионы, имеющие традиционно низкий уровень жизни по сравнению с основной массой регионов страны. Значительная часть регионов данной группы находится в состоянии длительного стояния; для них характерны низкая интенсивность хозяйственной деятельности, малодиверсифицированная отраслевая структура промышленности, слабый научно-технический потенциал, малоразвитая социальная сфера. В ряде регионов, относимых к этой группе, социально-экономическая ситуация обостряется политическими, этническими, экологическими проблемами.

Для выделения отсталых регионов применяется ряд количественных критериев. В частности, при анализе дифференциации субъектов РФ по величине ВРП на душу населения выделяется группа из 10-11 регионов, в которых величина ВРП на душу населения составляет менее 50% от среднероссийской величины. По величине внешнего дохода на душу населения выделяются группа из 8 регионов с уровнем дохода менее 50% от среднероссийского. Однако, большинство отсталых регионов имеют объективные условия для ускорения развития на основе использования своих конкретных преимуществ. Так, например, республики северного Кавказа занимают выгодные геоэкономические положения для развития связей регионов России с Закавказьем и Ближним Востоком и транзитивных сообщений между Каспийской и Черным морями.

По нашему мнению, чтобы поднимать депрессивные регионы РФ требуются значительные отрасли деятельности, улучшения транспортной доступности, развития курортно-рекреационных зон и центров, собственной энергетики. Государство может оказывать поддержку экономическим слабым регионам в форме финансирования производственной инфраструктуры, стимулирования притока частных инвестиций, введения некоторых и кредитных льгот и преференций, селективного дотирования предприятий, обеспечивающих минимальную занятость, и т.д. [28, с 327-330].

Депрессивными территориями как объектами государственной поддержки могут считаться такие территориальные образования, в которых по экономическим, политическим, социальным, экологическим и иным основаниям перестали действовать условия и стимулы развития. Эти территории могут рассчитывать на саморазрушение депрессивной ситуации и требуют для этого специальной организуемой поддержки извне, со стороны государства.

Продолжительность и глубина региональной депрессии определяется в значительной мере составом отраслей производства, кризис в которых стал основной причиной распространения депрессии на всю экономику региона. По этому признаку депрессивные регионы делятся на старопромышленные, аграрно-промышленные, добывающие. В настоящее время, большая часть депрессивных регионов является старопромышленным. Эти регионы наиболее сильно пострадали от разрыва прежних экономических связей, сокращения государственных заказов на продукцию высокотехнологичных отраслей и общего инвестиционного спроса, изменения соотношения цен в пользу сырьевых отраслей, значительного увеличения импорта, вытесняющего отечественную продукцию [29, с 15].

Большинство старопромышленных депрессивных регионов находится в Северо-Западном, Центральном, Волго-Вятском, Поволжском, Уральском экономических районах и в южном поясе Сибири и Дальнего Востока. Депрессивность более четко выражается на локальном уровне, но и некоторые целые субъекты РФ, обладают ярко выраженными качествами депрессивных регионов.

Перспективы выхода регионов из состояния депрессии обусловлены изменениями макроэкономической ситуации и проводимой социально-экономической политикой на федеральном и региональном уровнях.

Многие проблемы преодоления депрессии могут и должны решаться на уровне региона и предприятия. Это осуществление диверсификации, конверсии, модернизации производства, стимулирование развития малого бизнеса, улучшение местного инвестиционного климата, поиски новых рынков сбыта и т.д.

По мнению Гранберга А.Г. приграничные регионы играют важную роль в обеспечении безопасности и международном сотрудничестве, так как Россия занимает первое место по протяженности государственных границ, так и по числу приграничных стран. Целесообразно рассматриваем три уровня приграничья [28, с 331-332]:

-макроуровень – все субъекты РФ имеющей прямой выход к государственным границам. Приграничные зоны подразделяются на старые и новые приграничные зоны. Они находятся на разных этапах формирования и имеют существенно разные соотношения своих основных пограничных функций;

-мезоуровень – это административные районы в составе субъектов Федерации, часть внешних границ которых совпадает с государственной границей. Сюда же включаются города на территории этих районов;

-микроуровень – это приграничная полоса, включающая населенные пункты, непосредственно выходящие на государственную границу.

Российское приграничье делится на семь зон, в том числе две старые и пять новых: норвежско-финляндское, балтийское, белорусское, северо-кавказское, казахстанское, восточно-сибирское, дальневосточное.

Асимметрия, присутствующая в конституционных положениях о федеративной организации России, отразила ее сложный состав и прошлое страны. Парадоксальность территориального устройства РФ состоит также в том, что российские субъекты федерации в ряде случаев территориально пересекаются или один находится на территории другого.

До недавних пор приоритет в развитии регионов отдавался экономической составляющей. Это соответствовало до поры общемировым тенденциям регионального развития эпохи индустриализации, в первую очередь на транспортно-инфраструктурное развитие, технологические и инженерно-строительные проекты [100, с 15].

В развитых странах Запада эпоха индустриализации закончилась еще в 70-ые годы XX в. (в России аналогичные процессы стали происходить позднее – политика регионального развития до конца 1990-х гг. была политикой выравнивания уровня индустриализации регионов) и проявились черты нового социально-экономического и технологического уклада, это привело к тому, что традиционная государственная региональная политика в виде ускоренной индустриализации фактически исчерпала себя и стала неэффективной. Это проявилось в первую очередь в понимании того, что региональные ресурсы для индустриального развития исчерпаемы и зачастую невозможны, это касается как трудовых, так и природных ресурсов; что фундамен-

тальной ценностью является предоставление всем гражданам государства определенной совокупности социальных благ – повышение качества жизни.

Социально-экономическое развитие регионов существенно зависит от государственного регионального управления. Оно предполагает регулирование экономического и социального развития регионов с помощью активной региональной политики. Основными его целями являются: укрепление единства и целостности государства; преодоление существенных различий между регионами по факторам развития, уровню жизни, максимальное использование потенциала межрегионального обмена, создание предпосылок для саморазвития регионов, функционирования без дотаций.

Формами непосредственного участия государства в регулировании развития регионов являются федеральные региональные программы, финансируемые на долевых началах из федерального бюджета.

Основной принцип обновленных программ развития состоит в том, что программы формируются «изнутри» регионов и базируются на ресурсном потенциале и «инвестиционном портфеле», обеспечивающим их реализацию. Однако социально-экономическое развитие регионов не может осуществляться на основе единых правил. Особенно это относится к регионам, находящимся в экстремальных условиях, например, районам Севера и крайнего Севера.

Современное экономическое пространство России, разнородное не столько по уровню экономического развития, сколько по уровню жизни, включает множество больших и малых территорий с различными аномалиями.

Одной из стержневых общемировых проблем социально-экономического развития в эпоху глобализации становятся все более возрастающие масштабы межрегиональной экономической дифференциации, увеличивающийся разрыв в уровне развития и благосостояния населения между ограниченным числом наиболее богатых и постоянно растущей группы беднейших стран и регионов. Исключительно высокая степень сложившейся дифференциации и продолжающийся в настоящий период рост межрегиональных различий в экономике и социальной сфере Российской Федерации обуславливают актуальность задач государственной политики, направленных на преодоление данных негативных тенденций и последовательное снижение в стране уровня территориальной асимметрии. Как свидетельствует зарубежный опыт, прежде всего государств Западной Европы, добиться устойчивого экономического развития страны и обеспечения в полном объеме общегосударственных социальных гарантий всему населению невозможно без эффективно функционирующей системы государственной поддержки регионов, отстающих в экономическом развитии. Такая поддержка должна не только обеспечивать в определенной степени необходимое выравнивание бюджетных расходов территорий на решение текущих задач их социально-экономического развития, но и создавать соответствующие предпосылки, активизировать внутренние резервы и стимулы устойчивого экономического роста.

Учитывая характер и остроту данной проблемы в РФ, ее взаимосвязь с другими проблемами системного характера, относящихся к сфере макроэкономической или структурной политики, а также растущее влияние на нее процессов глобализации, формирование эффективно действующего механизма государственного регулирования межрегиональной экономической дифференциации выступает одним из важнейших условий обеспечения достойных конкурентных позиций России в глобальной системе мировой экономики. На основе анализа современного характера межрегиональной экономической дифференциации в России и ее проявления в специфических типах проблемных регионов выявить глубинные причины и механизмы ее воспроизводства и воздействия на территориальное развитие, и с учетом этого разработать конкретные предложения по методологии государственного регулирования межрегиональной дифференциации, по реальному сокращению сложившегося разрыва в уровне развития и социально-экономическом положении регионов.

3.2. Планирование регионального развития Венесуэлы: политика и экономические модели

Территориальное планирование в Венесуэле отсутствовало в течение многих лет, т.е. интересы государства и макроэкономическое развитие были приоритетом для правительства, что привело к концентрации финансовых и трудовых ресурсов, производственной деятельности в полюсе «центр-север-береговая». Это привело к тяжелым общественным, экономическим проблемам, проблеме неравномерного развития экономики регионов, в том числе и ухудшению состояния экономики остальных провинций Венесуэлы.

События из прошлого «национального плана регионального развития» основываются на предложении, содержащемся в программе правительства в 1998 г., в экономической программе перехода 1999-2000 гг. и в экономической национальной программе 2000 г. [126, с 34]. Исходя из анализа этих планов, можно сказать, что современный процесс регионального планирования Венесуэлы ориентируется на рассмотрение экономико-территориальной стратификации как фундаментального элемента регионального развития.

Основание стратегии планирования государственно-региональной политики регионального развития включает следующие направления государственной политики: экономическое и социальное равновесие, институционально-политическое равновесие, территориальное равновесие и международное равновесие.

С нашей точки зрения, необходимо обратить внимание на географические, экономические, социальные, финансовые и культурные характеристики каждого региона, чтобы эффективнее реализовать национальные и региональные планы Венесуэлы, получить уравновешенное распределение производственной активности и добиться новых инвестиций в регионы.

В основе экономической интеграции лежит взаимная заинтересованность субъектов рынка. Неверно представление, что регионы стремятся к автаркии, выживанию в одиночку, и только центр и некоторые сознательные регионы заботятся о сохранении экономической целостности страны. На самом деле, в нормальной экономической среде ни одному региону обособленность не выгодна, каждый из них заинтересован в широком рынке. Синдром обособления возникает только при макроэкономических и политических аномалиях, но это не касается венесуэльского государства. Следует лишь уточнить, что для некоторых регионов более эффективными могут оказаться экономические связи не с другими венесуэльскими регионами, а с партнерами из соседних стран.

Поскольку основными субъектами межрегиональных экономических отношений стали предприятия, функции региональных администраций все более ограничиваются созданием благоприятных условий для межрегиональных экономических связей. В связи с тем, что экономическое районирование является одной из важных основ территориальной организации хозяйства страны, мы считаем, что оно должно проводиться на основе научной методологии и содействовать совершенствованию территориального разделения труда, эффективности национального рынка.

Как мы уже отметили, в настоящее время территория Венесуэлы разделена на 6 крупных экономических регионов. Каждый экономический регион включает определенные федеративные единицы по принципу смежности. Регионы данного типа являются объектами статистического наблюдения, экономического анализа и прогнозирования, частичного государственного регулирования, в основном в форме координации.

На наш взгляд, роль экономических регионов в системе народного хозяйства несколько усилилась благодаря реформированию органов регионального развития (ОРР), объединяющих интересы входящих в них регионов в экономических отношениях с федеральным центром.

Высший орган планирования страны – Министерство планирования и развития Венесуэлы, на федеральном уровне существует Федеральный Совет по управлению, фонд межтерриториальной компенсации, фонд регионального развития и др. На региональном уровне существуют другие органы, которые проектируют, наблюдают и функционируют как консультирующие органы общего развития региона. К их числу относятся Совет по планированию и согласованию государственной политики по различным вопросам (в каждом штате) и местный совет государственного планирования (в муниципалитетах). Динамика развития регионов и административных единиц осуществляется путем составления диаграмм и директив специальными органами – органами регионального развития (ОРР):

- Corpocentro (Корпосентро) – для развития Центрального региона;
- Corpovargas (Корповаргас) и Fudeco (Фудеко) – для развития центрально-западного региона;
- Corpollanos (Корпольянос) – для развития региона Льянос;
- Corpozulia (Корпозулия) и Corpoandes (Корпоандес) – для развития западных регионов;
- CVG (СВГ) – для развития региона Гвианы.

Как уже было отмечено ранее, в процессе формирования национального плана регионального развития Министерство планирования и развития Венесуэлы увеличило функции органов регионального развития, чтобы более эффективно координировать требования различных регионов, штатов и муниципалитетов с требованиями федерального центра. Функциями этих органов являются: статистические наблюдения, экономический анализ и прогнозирование экономической ситуации регионов, планирование регионального развития, стимулирование регионального развития, продвижение обмена между различными региональными, национальными и международными субъектами, научные исследования регионов, подготовка и техническая помощь, образование и подготовка человеческих ресурсов, координирование политики достижения общих целей различных организаций, штатов и муниципалитетов.

С нашей точки зрения, Венесуэла должна развивать сотрудничество и кооперацию между регионами в решении общенациональных и региональных проблем через формы и механизм региональной экономической политики на основе принципов стимулирования регионов «локомотивов роста» и принципа усиления экономического потенциала проблемных регионов.

Процессы регионализации экономики, являвшиеся одной из форм ее трансформации, получили дополнительный импульс в результате преобразований экономической сферы Венесуэлы. Преодоление присущего плановой экономике отраслевого принципа управления страной открыло массу возможностей для полноправного развития территориально-локализованных форм организации регионов.

Исходя из этого, мы предлагаем:

- рациональное использование многообразных природных и экономических потенциалов регионов;
- модернизацию производства и инфраструктуры страны;
- развитие местной производственной и социальной инфраструктуры;
- стабилизацию социально-экономического положения бедные регионы;

- развитие межрегиональных и районных инфраструктур;
- стимулирование развития территорий и центров, располагающих крупным экономическим потенциалом, позволяющим превратить их в полюса роста экономики федеральных единиц Венесуэлы;
- содействие расширению приграничной торговли для более полного обеспечения потребности внутреннего рынка;
- создание благоприятного инвестиционного климата в регионах для привлечения в них иностранного капитала, направленных на строительство новых промышленных предприятий и объектов социальной сферы.
- соблюдение прав собственности и свобода предпринимательской деятельности в рамках закона;
- развитие финансово-кредитной системы, региональных бирж и других объектов рыночной инфраструктуры;
- предоставление льготные кредитование и субсидирование предприятие в проблемных регионах;
- создание условий для формирования особых экономических зон, технополисов, и технопарков в регионах, имеющих высокий научный и кадровый потенциал
- содействие активизации международных экономических связей регионов Венесуэлы;
- стимулирование развития процессов межрегиональной экономической интеграции;
- обеспечение экономической самостоятельности регионов;
- принятие ряд механизмы для повышения уровня жизни населения;
- принятия ряд законов и нормативные документы, создающие основу региональной политики;
- мобилизация материальных и финансовых ресурсов на лидирующих отраслях регионов, способных стать мощным импульсом развития экономики социальной сферы всего региона;
- равномерное и эффективнее распределение финансовые средства в регионах.

Исходя из этого, мы можем сказать, что государство должно не только создать оптимальных условий достижения определенного уровня состояния общества и государства в соответствии с намеченными перспективами их развития, но и ряд действий направленные на сбалансирование условий для повышения эффективности использования совокупных региональных ресурсов и возможностей.

Очевидно, что территориальный принцип устройства Венесуэлы и России сформировали институциональный и правовой каркас общественных преобразований во всех сферах жизни страны, в том числе и для регионализации ее экономического пространства. Обретение штатами и муниципалитетами статуса единиц федерации в Венесуэлы и субъекты федерации в РФ обусловило институциональную правовую базу трансформации экономики как и Венесуэлы так и в России в контексте их административно-территориального деления.

Выделение региональных образований в виде федеральных единиц, экономических регионов, политических и социальных регионов и пр., связано с тем, что управление всеми сферами общественной жизни из единого центра неэффективно, так как при этом теряются оперативность управления, значительные финансовые ресурсы и др.

В настоящее время существует необходимость совершенствования механизма, который позволил бы органам разных уровней проводить самостоятельную социально-экономическую политику. Поэтому, очень важно в первую очередь выяснить специфическую роль экономического механизма в укреплении интеграционных начал социально-экономического развития страны, с целью достижения социально-экономической интеграции функционирования регионов страны.

И так, в контексте проблем глобализации в вопросах региональной политики важное место отводится не только территориально-политическому устройству, но и территориально-экономической локализации пространства, где важную роль в экономической, социальной, и политической жизни на региональном, национальном и международном уровнях играют экономических регионов. Исходя из этого, с научной точки зрения, регион можно определить как самостоятельно-функциональную единицу макроэкономической структуры народного хозяйства, выступающую в качестве формы организации и функционирования социоприроднохозяйственной системы мезоуровня, целенаправленно осуществляющей процесс самопроизводства на основе использования принципа сравнительных преимуществ с учетом локально-территориальных факторов и ресурсов при консенсусе экономических интересов и социальных целей федерального центра и территориально-поселенческой общности населения и согласовании индикаторов эволюционной динамики со стратегическими ориентирами развития страны [132, с 25].

Итак, можно сказать, что экономический механизм региональных отношений включает государственное регулирование, организационно-хозяйственные институты и формы, а также систему стимулирования. Главным здесь является достижение баланса центральных и региональных социально-экономических интересов. Это предполагает решение двух главных проблем: во-первых, разграничение властных полномочий в социально-экономической области между центром и регионами; во-вторых, обеспечение регионов достаточным количеством финансовых ресурсов.

Мы считаем, что функции центрального уровня состоят в создании наиболее благоприятных общих условий для функционирования макроэкономического процесса воспроизводства комплексов федеральных единиц и регионов в целом. В свою очередь, обособление процесса воспроизводства федеральных единиц, формирующего горизонтальные связи межрегионального и внутрирегионального обмена, направлено на удостоверение широкого спектра материальных потребностей населения каждого региона. Рыночные механизмы соединяют в единое целое функционирование относительно обособленных региональных процессов производства федеральных единицы.

По мнению экономист Менеидес Р. для эффективного регионального развития регионов Венесуэлы, деление экономическое пространства Венесуэлы должны выполнят следующее ряда требований [115, с 25-26]:

- перенос ряда направлений реформы в основном на региональном;
- активизации экономической и социальной деятельности на региональном уровне;
- разработка специальных программ проведения реформ в регионах с особо отличающимися условиями.

Вместе с тем реформирование экономики регионов Венесуэлы включает специальные мероприятия по пространственной интеграции экономики страны. К ним можно отнести [97, с 31]:

- совершенствование правового механизма взаимодействий и взаимоотношений между центральным и региональным уровнем;
- стабилизацию финансовых, систем;
- содействие развитию венесуэльского территориального разделения труда и единого рыночного

экономического пространства.

Сегодня правительство разрабатывает новую региональную политику государства, где территория Венесуэлы разделена на экономико-географические регионы, в структуре которых выделены федеральные единицы, муниципальные образования, местные самоуправленческие образования и общины (таб. 3.2.1). Эта политика предусматривает определение целей деятельности государства, и обоснование задач регионального развития, то есть разработку региональной стратегии. Она отражена в «Плане экономического и социального развития Венесуэлы 2007-2013 г.». Однако, региональная политика Венесуэлы должна быть направлена на формирование совокупности национально-политических и социально-экономических отношений и реализацию на их основе особо сбалансированных государственных и региональных интересов на принципах социально-экономической самостоятельности регионов, а также становления более эффективных механизмов функционирования локальных территорий.

Таблица 3.2.1

Разделения территории Венесуэлы

Административное деление	-один город федерального значения -23 штата, -337 муниципалитетов; -12 федеральных владений на Карибском море. -общины
Экономико-географические регионы	-центральная горная цепь; -восточная горная цепь; -система Коро; -озера Маракайбо; -Анды; -Льянос; -дельтанная система; -юг Ориноко; -острова
Экономические регионы	-центральный регион; -центрально-западный регион; -западный регион; -регион Льянос; -регион Гвяна; -восточный регион.
Экономические зоны	-фасады интеграции: Андский фасад, Амазонский фасад, Карибский фасад; -оси децентрации: западная ось, восточная ось, ось Ориноко-агуре; -зона специального развития: Барловенто, Юг Арагуа-север Гуарико, Юг озера Маракайбо, Марипа-ла Тигрера-Гуаратари, Пуенте Паез-Пуерто Нуриас, Месса де Хуанпа, Юг Кохедес-Португеса, Федеральные владения и Гуахиро Венесуэлы; -свободные экономические зоны: свободный порт, зона-франко, свободная зона; -проект «Страна»: система самоорганизованных деревень с поддержкой федерального центра

Кроме предыдущей схемы, мы предлагаем использовать следующую группировку регионов с целью исследования и исполнения государственных программ, и целевых планов (табл. 3.2.2):

Таблица 3.2.2

Территориально-региональная классификация Венесуэлы

Тип региона	Характеристики
По уровню и хозяйственного развития	-индустриальные, индустриально-аграрные, аграрные.
По уровню урбанизации	-высоко-урбанизированные, со средним уровнем урбанизации, с низким уровнем урбанизации или преодолением сельского населения.
По выполняемым функциям	-государственная столица, столицы штатов, городские центры.
По региональной динамике	
По географическому стратегическому положению	-приграничные, приморские, внутренние.
Специальные зоны	-зоны специального развития, - регионы локомотивов, регионы полюса роста
По природным условиям и ресурсы	-гео-экономическим регионы
По отраслевой специализации	Многоотраслевые и малоотраслевые.

С нашей точки зрения, политика территориального регионального развития должна базироваться

на комплексной оценке и эффективном использовании потенциала регионов, связанного с возможностями государства, «ориентированного на позитивную динамику параметров уровня и качества жизни населения, обеспеченную устойчивым сбалансированным воспроизводством экономической системы страны». Государственная региональная политика исходит из факта дискретности пространства неравнозначности регионов по факторам развития. На современном этапе, основной проблемой структуры народного хозяйства Венесуэлы является выделение региональных комплексов, которые могли бы в перспективе составить ядро новой региональной экономической системы. Воссоздать экономику страны на качественно новом организационно-экономическом региональном уровне возможно при наличии сбалансированных структур, как по вертикали, так и по горизонтали.

В настоящее время вопрос об оптимальном варианте реализации национальной региональной экономической политики является одним из наиболее остро обсуждаемых как в научной литературе, так и в рамках полемики между представителями различных министерств.

Исследования проблем формирования и развития локализация территориально экономических систем Венесуэлы объясняется необходимостью решения таких крупных межотраслевых и межрегиональных народнохозяйственных задач, как рациональное размещение производительных сил, обеспечение комплексного социально-экономического развития регионов страны, более эффективное использование региональных факторов производительности труда. Значение этих проблем существенно возрастает в настоящее время в связи с предоставлением регионов Венесуэлы значительной экономической самостоятельности, задачами улучшения из социально-экономического положения, проблемами развития взаимодействия регионов в едином народнохозяйственном комплексе страны.

Итак, исходя из Конституции Венесуэлы и плана регионального развития Венесуэлы за подледные годы, мы предлагаем определить следующую трехзвенную таксономию регионов Венесуэлы:

-крупные экономические регионы (макрорегионы) – в виде групп экономических регионов. По ним прогнозируются народнохозяйственные территориальные пропорции и определяются основные сдвиги и регионального развития и размещения производительных сил. В экономическом отношении они представляют собой крупные специализированные части народнохозяйственного комплекса страны с широким кругом профилирующих и других взаимосвязанных отраслей и производств и выражают наиболее полный территориально-производственный комплекс страны. В «Плане регионального развития страны 2000-2007 гг.» и в «Плане экономического и социального развития Венесуэлы 2007-2013 гг.» официально отражено 7 крупных экономических регионов. Кроме того, к настоящему времени образовало 6 органов регионального развития как новая форма экономического самоуправления и в масштабах крупных территорий, способствующая региональной экономической интеграции.

-среднемасштабные экономические и административные районы (регионы).

К ним относятся все штаты и муниципалитеты в составе Венесуэлы, города федерального значения, и территории федерального владения. Муниципалитеты можно рассматриваться как подрайонами регионов. В экономическом отношении регионы также является специализированными комплексами, но с более ограниченным составом отраслей и хозяйственными связям, чем макрорегионы. Именно к этому уровню иерархии экономических районов относится рассматриваемый региональный хозяйственный комплекс.

-низовые экономические и административные районы (микрорайоны) – муниципалитеты, местное самоуправление, города и пр. они представляют собой первичные территориальные звенья в таксономии экономического районирования. Состав, количество микрорайонов и локальных районов определенной территории имеют большое значения для эффективного регионального управления и являются одним из главных параметров системы управления. Важная особенность единиц административно-территориального устройства – наличие в них государственных (мезорегионы) и местных – муниципальных и сельских (микрорегионы) органов, осуществляющих функцию управления и регулирования экономическим, социальным, политическим и культурным развитием.

В современной Венесуэле, существует ряд механизмов региональной экономической политики, однако мы считаем, что целевой «план регионального развития Венесуэлы» является одним из основных механизмов национальной региональной экономической политики, обеспечивающий решение стратегических территориальных, экономических, социальных, экологических проблем. Согласно федеральному бюджету на 2008 г. общий объем финансирования региональных программ будет составлять 11,2% от объема дотации на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности по линии фонд регионального развития и фонд межтерриториальной компенсации, а общий объем финансирования программ развития проблемных или бедных регионов – 4,8% от объема дотаций на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности. Таким образом, приоритеты правительства Венесуэлы явно смещены в сторону текущих мер поддержки в ущерб реализации стратегических направлений региональной политики, обеспечиваемых «Целевой национальной программой регионального развития Венесуэлы 2000-2007 гг.» и «Плана социального и экономического развития Венесуэлы 2007-2013 гг.». Дальнейшие перспективы выполнения «Программы регионального развития Венесуэлы» во многом определяются выбором концепции национальной региональной экономической политики, который предстоит сделать правительству Венесуэлы. В настоящее время вопрос об оптимальном варианте реализации национальной региональной экономической политики является один из наиболее остро обсуждаемых как в научной литературе, так и в рамках полемики между представителями различных министерств.

В концепции национальной региональной экономической политики, разработанной в рамках реализаций «экономической программы 2000 г» и «План социального и экономического развития Венесуэлы 2000-2007 гг.», отстаивается точка зрения о том, что региональная политика должна быть ориентирована на поддержку преимущественно самых «слабых» регионов страны. При разработке данной концепции за основу был взят опыт региональной политики отдельных стран Европейского Союза (Франция, Испания), некоторых стран Карибского бассейна, США и Канады, которой был адаптирован в региональную структуры экономики Венесуэлы. (табл. 3.2.3).

Для зоны специального развития региона предусматривается значительно более широкий набор мер государственной поддержки, включающий ускоренное развитие транспортной, образовательной и инновационной инфраструктуры, получение особого правового статуса, формирование новой системы межбюджетных отношений, учитывающие особое положение этих регионов.

Таблица 3.2.3

Концепции региональной политики

Франция/Испания	США	Канада
-Планы национальной экономики вносят индикативный характер. -основные государственные средства выделяются на развитие коммуникаций, образования, городского хозяйства, на повышение эффективности занятости населения. -перераспределение бюджетных средств от регионов с более высоким уровнем доходов (регион-доноров) к более бедным (дотационным) территориям. -Подход к распространению государственной региональной политики: «теория полюсов роста»	-Региональная политика носит адресный характер и направлена на решение локальных региональных проблем, часто охватывающих территорию нескольких штатов. -На современном этапе региональная политика в США характеризуется усилением децентрализации в управлении экономикой и ограничением государственного вмешательства в предпринимательскую деятельность.	-Находить свое воплощение в концепции создания и развития северных городов как центров экономической активности всей прилегающей территории. -Как и в США, государство оказывает прямую финансовую помощь в реализации наиболее капиталоемких проектов на Севере – в дорожном строительстве, сооружении объектов энергетики и других коммуникаций, в создании горнопромышленных предприятий, осуществляет поддержку предпринимательства косвенным путем, выделяя денежные средства на научно-исследовательских, экологических и других программ

Итак, совершенно очевидно что, ускорение развития «зоны специального развития» будет достигаться не только за счет дополнительной финансовой и административной поддержки из центра, но и за счет оттока наиболее конкурентоспособных и квалифицированных трудовых ресурсов с прочих территорий. Однако, с нашей точки зрения, основными объектами программного регулирования национального уровня – крупные макрорегионы характеризующиеся относительной однородностью входящих в них территорий и способные повышать эффективность участия в межмакрорегиональном географическом разделении труда на основе опережающего развития отраслей товарной специализации. На наш взгляд, структуры планов регионального развития Венесуэлы и РФ базируются на следующих ключевых принципах (табл. 3.2.4):

Таблица 3.2.4

Принципы регионального развития Венесуэлы и РФ	
Принципы	Характеристики
Децентрализация	-Перемещение принятия решения от центральных органов управления к регионам, штатам и муниципалитетам.
Партнерства	-Межрегиональное сотрудничество. -Взаимоотношения регионов и центра
Субсидиарности	-Формирование механизмов перераспределения финансовых ресурсов в целях обеспечения минимальной бюджетной обеспеченности
Территориальное равенство	-Правовое равенство всех единиц федерации и экономических регионов Венесуэлы
Контролируемость	Наличие условий для постоянного отслеживания хода результативности и эффективности выполнения программных заданий
Ответственность	Установление прямой и полной ответственности за использование ресурсов, выполнение отдельных заданий и программы в целом
Законность	Реализация программ в соответствии с действующим законодательством.

В экономике России как и Венесуэлы, последние годы укрепляются те же тенденции регионального экономического развития, которые набирают силу в многих странах: т.е, развитие сферы услуг, формирование постиндустриального общества, увеличение интеллектуальной составляющей в результатах любого производства, тотальная информатизация современного общества, развитие сетевых форм организации. В условиях глобализации все более актуальным становится поиск новых путей и решающих факторов саморазвития регионов. Исходя из этого управление развитием регионов должны осуществляться с помощью широкого спектра конкретных действий, посредством которых региональных администраций, расширяет возможности для тех видов экономической активности, в которых заинтересованно локальное сообщество.

В Венесуэла сейчас идет процесс национализация стратегических секторов для экономики страны в целом и в том числе для ее регионов: например рисовая индустрия, стратегических банков находятся под смешанной собственности: государственный и частный, кукурузная индустрия, металлургический и нефтяные – с 1999. А путь регионального экономического развития России – свободная региональная экономика, стимулирование конкурентоспособности региона, приватизация большинства деятельности экономики и тд.

С нашей точки зрения, пространственные приоритеты, предусматриваемые в рамках реализации программ регионального развития Венесуэлы, должны подлежать корректировке по мере реализации стратегических целей территориального развития. На первом этапе следует сконцентрироваться на стимулировании развития наиболее перспективных отраслей и пространственных полюсов роста, способных обеспечить наибольший динамизм развития отстающих макрорегионов. Это позволит, во-первых, повысить темпы экономического роста отстающих макрорегионов в сравнении с лидирующими и сократить межрегиональное неравенство, во-вторых, сформировать в границах отстающих макрорегио-

нов динамичные центры роста, которые смогут передавать импульсы развития смежным территориям.

Итак, на следующем этапе, можно будет подготовить и реализовать инвестиционные проекты, ориентированные на обеспечение более сбалансированного развития отстающих регионов.

Предпосылками для национального и регионального планирования в государствах с рыночной системой хозяйствования является усиление роли и повышение ответственности государства за состояния, и развитие всех сфер экономики, безопасность, и качества жизни населения.

С нашей точки зрения, к основным задачам и функциям, которые призвано решать государственное планирование региональной экономики Венесуэлы относятся:

-обоснование и разработка региональной экономической политики и мер государственного и регионального регулирования экономики;

-обеспечение координации решений всех экономических агентов и локальных решений с позиции национальной экономики как единого целого;

-установление и поддержание равновесия и сбалансированности в экономике;

-обеспечение устойчивости развития национальной и региональной экономики.

Мы считаем, что принципами региональной экономической политик Венесуэлы на современном этапе также должно стать, прежде всего, – принцип «сфокусированного» развития, который приходит на смену политике выравнивания уровня регионального развития и предполагает специальную фокусировку финансовых, административно-управленческих, человеческих и других ресурсов в «опорных регионах» («полюсах», «локомотивах» роста), а также последующее распространение инновационной активности в другие регионы. Поэтому экономический рост, предпринимательская активность, инновационный процесс в «опорных регионах» отличаются наибольшей интенсивностью, оказывая влияние на другие территории, которые не входят в «полюса». Поляризованное развитие – принцип пространственного развития, которому страны, переживающие социально-экономический подъем, следуют в начальных фазах данного подъема, когда инновационная волна в стране только начинает формироваться и должна достичь своей масштабности хотя бы за счет концентрации в отдельных «полюсах роста» .

Страны, показывавшие в последние 20 лет устойчиво высокие темпы экономического роста, достигали их за счет роста межрегиональных отличий, то есть, как правило, за счет нескольких базовых регионов. По этой модели развивались Чили конца 1980-х и первой половины 1990-х гг., Южная Корея в 1960-80-е г, Китай в 1970-90-е г. Кроме того, в хозяйстве индустриально развитых стран также существуют свои «полюса роста». Так, во Франции доминирует Парижский район, в Италии - Ломбардия (ее центр - Милан), в Испании - агломерации Мадрида и Барселоны, в Японии - районы Канто (Токио), Кинки (Осака, Киото) и Токай (Нагоя). В США, Великобритании, Германии можно выделить несколько почти равных по значению ведущих районов, однако на фоне других территорий страны они также резко выделяются [101 с 45-57]. Таким образом, в каждом государстве в силу природных, исторических и экономических причин заметно выделяется один, реже несколько экономических центров. В Венесуэле с учетом масштаба ее территории для обеспечения ускоренного социально-экономического роста необходимо выделить и поддержать сеть «опорных регионов».

С точки зрения министерство экономического развития Венесуэлы, миссией политики регионального развития Венесуэлы являются содействие социально-экономическому развитию регионов, и федеральные единицы с целью:

²⁷ Доклад министерство экономического развития Венесуэлы 2006гг.

- повышения благосостояния и качества жизни населения на территории регионов Венесуэлы;
- обеспечения устойчивых темпов качественного экономического роста;
- усиления конкурентных позиций Венесуэлы и ее регионов в мире.

Именно за счет мобилизации активности регионов Венесуэлы и повышения эффективности использования их ресурсов возможно провести социально-экономические преобразования, с одной стороны, позволяющие значительно увеличить ВВП и ВРП, а с другой - провести комплекс мер по снижению уровня бедности.

Стратегическими целями региональной политики Венесуэлы на данном этапе развития страны являются:

1. Обеспечение глобальной конкурентоспособности Венесуэлы и ее регионов. Достижение цели направлено:

-на обеспечение эффективной интеграции регионов в мировой рынок, ускорение социально-экономического развития Венесуэлы за счет правильного (в соответствии с логикой действия рыночных сил) распределения производительных сил по территории, развития системы расселения и повышения связанности страны, что должно открыть доступ территорий и их населения к источникам социально-экономического роста;

-на развитие инфраструктурной базы социально-экономического роста в территориях;

-на формирование конкурентоспособных в глобальном масштабе территориальных производственных кластеров, в том числе в инновационно- емких секторах экономики;

-на обеспечение перехода к поляризованному развитию и создание нового пространственного каркаса страны из «опорных регионов».

2. Стимулирование процесса новой «регионализации» - консолидация ресурсов регионов Венесуэлы для ускоренного экономического роста и изменения структуры экономики. Данная цель направлена на:

-обеспечение сплоченности территорий и единства экономического пространства страны при сохранении самостоятельности региональных и местных властей в принятии решений в рамках своей компетенции;

-устранение препятствий для реализации инвестиционных проектов, развития малого бизнеса на региональном и местном уровне и т.д.

3. Развитие человеческого капитала, повышение пространственной и квалификационной мобильности населения:

-создание системы образовательных проектов, направленных на развитие кадрового потенциала территорий, обеспечение воспроизводства населения и стабилизации его численности, как в стране, так и на отдельных территориях;

-реализация миграционных программ, обеспечивающих формирование в регионах Венесуэлы эффективных балансов демографических и трудовых ресурсов.

4. Улучшение экологической ситуации в регионах Венесуэлы для сбалансированности экономического развития:

-стабилизация экологической ситуации в регионах Венесуэлы;

-коренное улучшение состояния окружающей среды за счет экологизации экономической деятельности в рамках институциональных и структурных преобразований, позволяющих обеспечить становление новой модели хозяйствования и широкое распространение экологически ориентированных методов управления;

-введение хозяйственной деятельности в пределах емкости экосистем на основе массового внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий, целенаправленных изменений структуры экономики регионов.

5. Повышение качества управления и использования общественных финансов на субнациональном уровне:

-содействие проведению социально-экономических реформ на региональном и местном уровне - создание стимулов для внедрения инструментов стратегического планирования, программно-целевого бюджетирования и бюджетирования, ориентированного на результат, новых механизмов административного регулирования и управления, взаимоотношений с органами местного самоуправления, развития механизмов частно-государственного партнерства;

-стимулирование региональных и местных стратегических инициатив, направленных на социально-экономическое развитие регионов, создание стимулов для реализации проектов по развитию социальной инфраструктуры и содействие региональным и местным властям в реализации таких проектов;

-стимулирование органов государственной власти федеративных единиц к ускоренному созданию условий для высоких темпов роста в базовых отраслях экономики и увеличению доходов региональных бюджетов.

С нашей точки зрения, решение задачи удвоения ВВП и ВРП как одна из приоритетов развития Венесуэлы, требует срочного перехода от политики выравнивания социально-экономического развития территорий к политике поляризованного развития, к определению и поддержке регионов - «локомотивов роста». Концентрация усилий в рамках отдельных регионов позволяет получить эффект масштаба и эффект агломерации, которые создают в «полюсах» («локомотивах») роста силы саморазвития, а правильный выбор данных полюсов в стране обеспечивает со временем подъем окружающих регионов. Принцип поляризованного развития эффективен только тогда, когда на территории страны появляется сеть полюсов роста разного уровня (международного - пока на эту роль претендуют только Каракас, Маракайбо, Боливар).

Основывается на исследованиях «CENDESa» [98, с 85-87] , можем сказать что, регион можно считать «локомотивом», если он удовлетворяет следующим условиям:

-в данном регионе наблюдается устойчивая тенденция к росту пассажира - и грузопотока;

-наличие в регионе научно-образовательного центра мирового или государственного (национального) значения;

-в данном регионе (городской агломерации) сформирована стратегическая инициатива, имеющая значение для всей страны;

-данный регион должен иметь высокий научно-технический, интеллектуальный, кадровый и социально-экономический потенциал,

-регион уже осуществляет весомый вклад в прирост ВВП страны;

-в данном регионе существует или может сложиться стратегическое партнерство власти, гражданского общества и бизнеса;

-в перспективе 15 лет данный регион может стать «девелопером» для соседних территорий.

Специфика геостратегического окружения Венесуэлы требует, чтобы при определении опорных регионов учитывались не только экономические и геоэкономические факторы, но и фактор национальной безопасности. Именно совокупность регионов - «локомотивов роста» - должна составить новую каркасную структуру пространственной организации Венесуэлы. Данная структура может быть образована не только федеральных единиц, но и городами и городскими агломерациями, связанными общностью хозяйственной и социальной жизни, имеющими общую систему транспортных коммуникаций.

С нашей точки зрения, новая каркасная структура пространственной организации страны должна:

-обеспечить наиболее эффективную с точки зрения капитализации страны интеграцию в глобальный рынок, сосредотачивая на своей территории центры управления потоками товаров, финансов, информации и людей, центры разработки и обращения инноваций;

-за счет формирования нескольких территориально закрепленных «локомотивов роста» способствовать ускоренному социально- экономическому развитию Венесуэлы, становясь источником нововведений для других регионов, размещая в них заказы для своих предприятий, передавая выполнение отдельных производственных функций на аутсорсинг;

-обеспечить инфраструктурную, производственно-технологическую и социально-культурную связанность страны, открывающую доступ территорий и их населения к источникам социально-экономического роста;

-реализовать в стране пилотные проекты социально-экономического развития.

Опорные регионы (локомотивы, центры роста) могут поддерживаться за счет:

-формирования узлов инфраструктур, в первую очередь транспортных, придания отдельным транспортным узлам и коридорам статуса национального значения, стыковки внутренних транспортных коммуникаций с международными транспортными коридорами, строительства системы коммуникаций, повышающих мобильность населения (скоростных железнодорожных и иных магистралей);

-поддержки пилотных экономических проектов и имеющих федеральное значение культурных инициатив данных регионов; размещения в опорных регионах социально-культурных учреждений, имеющих национальное значение (национальных университетов как центров университетских штатов, крупных культурных комплексов, развитие инфраструктуры инновационной экономики и пр.); построения системы профессионального образования с учетом интересов групп регионов;

-формирования системы межбюджетных отношений, учитывающих роль и функции опорных регионов в стране.

Еще, один из главных проблемах, возникающая в связи с выбором новой концепции государственной региональной политики, концентрируется в вопросе о соотношения централизации и децентрализации в обеспечение регионального развития. В настоящее время, на наш взгляд, в Венесуэле складывается ситуация, когда на фоне действий национальных властей, направленных на повышение уровня централизации в региональной политике, все более отчетливо проявляется потребность в глубокой децентрализации этой политики.

²⁶ Исследование Центра социального и экономического развития (СЕНДЕС), 2006 г.

С нашей точки зрения, кардинальное и отвечающее современным мировым веяниям изменение ситуации в территориальном развитии может быть связано только с преодолением в государственной региональной политике тенденции к чрезмерной централизации. Необходим переход от сверхцентрализованной системы с доминированием интересов, ресурсов, и действий национального уровня власти к новой, децентрализованной системе, в которой более заметную роль мог бы играть, а в конечном счете получить и преобладающее значение самостоятельный поиск регионами путей своего социально-экономического развития, естественно в пределах и с соблюдением и достаточных общегосударственных установок и ограничений.

Итак, уже в последние годы, все больше число регионов с увеличивающейся активностью и возрастающим качеством самостоятельно иницируют, разрабатывают, принимают и реализуют собственные региональные программы (стратегии, планы, концепции и т.п.) решения своих проблем и своего долгосрочного развития. Однако главным ограничителем региональной самостоятельности и в конечном итоге тормозом ускорения регионального развития является зависимости региона от ресурсов национального центра.

Бюджетно-налоговая децентрализация может развязать руки региону, пробудить их инициативу, активизировать поиск адаптированных к региональным условиям путей решения региональных проблем и тем самым дать регионам реальный шанс на экономическое оживление.

Стратегической целью регионального планирования и прогнозирования становится обеспечение динамичного экономического роста согласованного с требованиями экономической конкурентоспособности, сбалансированности и устойчивости развития национальной и региональной экономики, включая экономический и социальный аспекты.

На современном этапе общественного развития основное содержание государственного планирования Венесуэлы и РФ должно быть направлено на стратегический выбор главных направлений социально-экономического развития страны, для этого должны осуществляться не только на региональном, но на всех иерархических уровнях государства.

3.3. Новые формы и модели регионализации экономики России в условиях глобализации и инновационной динамики

В настоящее время под воздействием глубокого взаимопроникновения национальных и региональных экономик в предельно возможном территориальном охвате происходят изменения во всей системе международных отношений. Новой существенной чертой их становится глобализация.

При рассмотрении системно-коммуникационного аспекта региона как подсистемы глобальной экономики следует отметить объективный характер связей, их многообразие. Таким образом, регион, национальное хозяйство, при условии их внешней открытости, взаимодействуют через связи различного ранга (межрегиональные, региональные, локальные, международные) в рамках мировой экономики.

В условиях глобализации, любые межрегиональные связи неизбежно выходят на международный уровень, и это порождает целый ряд серьезных проблем, требующих скорейшего разрешения – как на региональном, так и на федеральном уровне.

Процесс глобализации является синонимом взаимопроникновения и слияния экономик отдельных стран под совместным давлением все более острой конкуренции и ускоряющегося технического прогресса. В результате глобализации мир представляет собой не простую совокупность стран, а мировое сообщество, некое саморазвивающееся целое. Итак, с развитием всеобщих связей, закладываются

основания для новой разновидности целостности – глобального хозяйства.

Глобализация резко увеличила степень открытости национальных экономических и социальных систем, интенсифицировав взаимный обмен информацией, людьми, капиталами, товарами и услугами, культурными и духовными ценностями. Экономическая глобализация ослабляет суверенитет национального государства и поощряет автономию регионов, соотносящих себя уже не только с хозяйственными национальными системами, но и с системой высшего ранга – мировым хозяйством. Эти процессы приводят к выходу регионов на важный уровень, наряду с национальными государствами в интернациональных процессах.

Механизмом, обеспечивающим единство региона и мирового хозяйства, является территориальное разделение труда. В результате улучшения международной транспортной инфраструктуры и создания телекоммуникационных наднациональных мостов сокращается так называемое экономическое расстояние между странами и регионами, которые стали как бы в несколько раз ближе друг к другу. Мир становится более компактным, т.е. глобализация превращает мировое хозяйства в единое целое.

Инновационные импульсы зарождаются в наиболее развитых частях мира в том числе и в РФ и затем распространяются по миру, именно в центры глобальных экономических (США, Канада, Япония и др.) сетей поступают доходы от нововведений. Это ведет к усилению диспропорции в мировой экономике и в экономике регионов много станах мира (центр и периферия) и нарастанию социальной поляризации. Вместе с тем, участие стран периферии и полупериферии, и государства с переходной экономикой, в глобальных процессах дает им определенный шанс развития через иностранные инвестиции и привлечение новых технологии. Однако эти факторы развития регионов распределяются по территории государств неравномерно, усиливая уже имеющиеся диспропорции, что определяет неравномерное включение национального экономического пространства (регионов) в мировой оборот товаров и финансов, в международный информационный и технологических обмен. Степень вовлечения региона в глобальные процессы определяется большей или меньшей его открытостью для трансграничного движения факторов производства. Таким образом, в условиях глобализации, при взаимодействии национальных и региональных экономик в глобальном геоэкономическом пространстве интенсифицируется взаимный обмен информацией, инновациями, людьми, капиталами, товарами и услугами, культурными и духовными ценностями.

Отметим, что развитие межрегионального сотрудничества России – один из путей к экономическому безопасному (в условиях глобализации) и стабильному региональному развитию, укреплению государственности. Закономерно и необходимо решать вопросы сотрудничества не только непосредственно между регионами РФ, но и в рамках ЕС, в рамках формирования и реализации программ социально-экономического регионов и региональной инвестиционной политики и в привлечении инвестиционных ресурсов, сопоставимы с возможностями и значением развития малого бизнеса.

Опыт реализации федеральных и региональных программ в России за последнее десятилетие неосознанно создал банк данных типовых механизмов решений региональных проблем, в том числе и эффективных. Унификацией таких институциональных организационных решений – один из надежных путей создания модельного инструментария реализации программ социально-экономического развития регионов.

Процессы глобализации и регионализации принято рассматривать, во-первых, как сопряженные, во-вторых, как политико-экономические мотивированные. В России, главные проблемы, с которым сталкиваются российские регионы в процессе их интеграции в международную систему отношений, на наш взгляд, представляются, темпы развития экономики регионов, выступают в качестве своего рода «локомотивов регионов глобализации». и стратификация российского экономического пространства на перспективы международной интеграции РФ. В-третьих, на горизонтальном уровне, то есть между самими ее регионами, существуют различные интересы в области международного сотрудничества и разные стратегии их реализации.

Геоэкономические приоритеты российских регионов входят в противоречие с геополитической ло-

гикой не только федерального центра, но и части зарубежных государств. Многие формы субнационального взаимодействия воспринимаются в Европе сквозь призму геополитических в своей основе представлений: либо как «школы интеграции», то есть как прелюдии к вхождению тех или иных стран в современные «транснациональные режимы» либо, наоборот, как альтернативы расширению этих «транснациональных режимов», если таковое будет признано не соответствующим стратегическим целям запада.

Пока совершенно очевидно, что международный потенциал нынешних российских регионов сильно различается. По отношению глобализации с регионов мы можем выделить три типа «интернационализованных регионов» [92, с 20-21]:

1. Регионы с большим экспортно-импортным потенциалом. На их территории находятся огромные финансовые и индустриальные центры, располагающие достаточным материальными ресурсами;

2. Регионы с большим количеством природных ресурсов. Они очень привлекательны для инвестиций иностранных капиталов.

3. Приграничные регионы. Особая категория субъектов РФ, для которых основной инвестиции международного сотрудничества носит территориально-географический характер. Их специфика состоит, во-первых, в том, что из-за особого отношения государства к своим внешним границам все эти регионы вплетены в сложнейшую комбинацию факторов, связанных с геополитической и геоэкономической безопасностью. При этом для экономики большинства приграничных территорий огромную роль играет транзит.

Фактически в России существуют 45 региональных субъектов международной транзитной деятельности. Однако формы ее осуществления не ограничиваются геоэкономическими или геофинансовыми рамками, а наталкиваются на межгосударственные отношения и конфликты.

В условиях глобализации большинство факторов внутрирегионального развития становятся предметами международного внимания, от которого в решающей степени зависит та или иная «дислокация» региона в системе мировых координат.

Глобализация мировой экономики наряду с дополнительными возможностями социально-экономического процесса и расширением человеческих контактов порождает и новые опасности, усиливает вероятность крупномасштабных финансово-экономических кризисов. Растет и риск зависимости экономической системы РФ от воздействия извне.

Глобализация, по мнению профессора Клауса Зерберга, предполагает «сужение возможности развиваться особым образом, уклоняться от движения торной дорогой, а следовательно, сокращение возможности для правительства или общества выбирать некий собственный путь» [32, с 65]. Если это так, то возникает вопрос об эффективности и целесообразности противостояния глобализации в экономической сфере. Вероятно, в интересах России – полноформатное и равноправное участие в разработке основных принципов функционирования мировой финансово-экономической системы в современных условиях. При этом следует учитывать, что глобализация обусловила во всем мире процесс унификации и встречную тенденцию росту местной идентичности территориальных субъектов и размыванию территориальной структуры государств, т.е. создала условия для усиления регионализация. Используя тенденции глобализации, Россия может получить доступ к технологиям и информации, улучшить свой положение в структуре мировой экономики, и использовать такая положения для развития регионов страны.

С одной стороны, глобализация «обрушилась» на Россию всей мощью накопленного потенциала, с другой – сама Россия подвергается ее воздействию в тот период, когда потенциал реагирования страны не велик. Профессор Пчелинцев О.С. отмечает, что подобная ситуация признается и западные партнерами и приводит мнение директора Амстердамского Транснационального института Ф Дав.: «в Россию капитализм пришел уже сразу в своей глобализированной и неолиберальной форме. Поэтому

основные группы интересов, определяющие развитие России формируется не национальной буржуазией, а транснациональными корпорациями, имеющими мало связи с российским или каким-либо другим периферийным обществом. В этом смысле Россия, вопреки своей географии, примкнула к странам «глобального юга» [65, с 4] .

Внутригосударственный регионализм в России имеет двойственную природу. С одной стороны, он существует в рамках действия базовых тенденции мирового развития, а с другой, связана с российской специфики. Исторически сложившаяся неоднородность социально-экономического пространства России оказывает значительное влияние на функционирование государства, структуру и эффективность экономики, стратегию и тактику институциональных преобразований и социально-экономическую политику.

Межрегиональная дифференциация усилилась при нарастании кризисных явлений в экономике и переходе к рыночным реформам. Это связано, во-первых, с включением механизма рыночной конкуренции, разделившего регионы по их конкурентным преимуществам и недостаткам; обнаружилась различная адаптация к рынку регионов с разной структурой экономики и разным менталитетом населения и власти. Во-вторых, значительно ослабла регулирующая роль государства, что выразилось в сокращении государственных инвестиций в региональное развитие, отмене большинства региональных экономических и социальных компенсаторов. В-третьих, сказалось фактическое неравенство различных субъектов Российской Федерации в экономических отношениях с центром. В течение последних трех лет межрегиональные различия существенно не изменяются, то есть процесс стабилизировался. Отсутствие же положительных изменений является свидетельством недостаточного учета проблем экономического и социального

развития различных групп регионов при формировании общегосударственной политики.

За подледные годы, регионы страны столкнутся с рядом новых явлений:

-необходимость продолжения экономического роста на новой качественной основе;

-усиливающаяся зависимость российских регионов от мирового хозяйства;

-переход к постиндустриальному и информационному обществу с особыми функциями различных регионов; изменения образа жизни и связанные с этим требования к развитию социальной сферы;

-ужесточение экологических требований в связи с переходом мирового сообщества на парадигму устойчивого развития.

Эти новые реалии будут создавать для экономического пространства Российской Федерации, как новые сложные проблемы, так и новые возможности.

Наряду с позитивными последствиями глобализация будет иметь и негативный эффект для развития регионов с моноотраслевой структурой экономики при неблагоприятной для них мировой конъюнктуре спроса на производимую продукцию. Противоядием этому процессу может быть развитие региональных экономик на основе диверсификации.

Процесс интеграции в мировое пространство необходимо использовать для усиления внутренней экономической интеграции. С этой точки зрения особое значение имеют проекты развития трансконтинентальных коммуникаций, проходящих через территорию России:

-модернизация Транссибирской железнодорожной магистрали как трансконтинентального контей-

²⁹ Пчелинцев О.С. Российский экономический рост в 1999 – 2000 гг. в региональном и глобальном контекстах. Проблемы прогнозирования // Вопросы экономики. 2001. № 4. С-4

нерного моста с параллельным завершением автомагистрали Дальний Восток – Западная Европа;

-сооружение второго Транссибирского железнодорожного хода – Северо-Сибирской магистрали, восточным участком которой станет БАМ, а на западе будут созданы выходы к портам Баренцева и Балтийского морей;

-развитие Северного морского пути – наиболее короткого маршрута между северными акваториями Атлантического и Тихого океанов, соединяющего Европу и Восточную Азию, Европу и Северную Америку;

-организация трансконтинентального (кросс-полярного) воздушного моста между Азией и Северной Америкой через Северный полюс;

-развитие трансконтинентальных телекоммуникационных систем.

К важнейшим трансконтинентальным проектам следует отнести также железнодорожные, автомобильные и водные коридоры между Западной Европой, европейскими регионами Российской Федерации и странами Ближнего Востока, ряд альтернативных проектов международных нефте- и газопроводов от Каспия, Казахстана и Туркменистана, проходящих через территорию России. Для регионов России роль трансконтинентальных и других международных магистралей не может ограничиться только ролью транзитного пути, а должна воздействовать на развитие экономики регионов, включая освоение новых природных ресурсов, размещение производств по переработке перемещаемых грузов, обеспечение строительства и функционирования транспортных путей.

Геостратегические интересы будут играть важную роль во многих направлениях эволюции экономического пространства России, особенно в развитии приграничных и приморских территорий, и исходя из этого соседство с промышленно развитыми и быстро развивающимися странами дает для контактных регионов определенные экономические преимущества, но и создает немало проблем, связанных с конкурентоспособностью местного производства, трансграничной миграцией, предотвращением контрабанды, защитой природных ресурсов и др.

В современном глобальном мире, реальной силой становятся информационные технологии, продукция с огромной культурно-информационной составляющей. Полная информатизация ускоряет интеграционные процессы, способствует обмену производственной, коммерческой, научно-технической информацией. Резко возрастает роль знаний и инноваций в экономическом развитии обеспечении устойчивой конкурентоспособности [139, с 16].

Очевидно, что процесс глобализации имеет экономические последствия для всех регионов и в небольшой степени влияют и меняют административно-хозяйственных границ регионов, которые включаются в сферу международного сотрудничества и конкуренции. Она приводит к возникновению новых самостоятельных форм пространственной организации страны, а также возникают новые центры управления, крупные города, крупные экономические районы, которые совершенно не совпадают с государственно-административными границами города и не находятся в юрисдикции органов государственной власти данного субъекта Федерации.

Таким образом, старых и новых регионов проявляется различным образом. С одной стороны, они могут совмещаться полностью или частично в рамках одной территории, и в тоже время существовать как параллельные относительно самостоятельные социальные пространства, а также появляются границы не только государственного управления, но и экономического пространства.

Трансформация социально-экономических отношений, происходящая сегодня в РФ в условиях глобализация, составляет критически подойти к стереотипам, лежащим в основе системы управления региональной экономикой. Итак, становление новой экономической системы, основанной на рыночных отношениях, на изменении каналов и форм поступления, необходимых для развития ресурсов, поставило перед регионами проблему самоопределения в общей системе воспроизводственных отношения.

Все более важным фактором в развитии регионов становится их участие в территориальном и международном разделении труда. В настоящее время в каждом регионе России практически нет ни одной отрасли, которые не имела бы прямых или косвенных связей с другими регионами и внешними рынками. Развиваются межрегиональные торгово-посреднические, финансовые, информационные, научно-технические связи, прямые связи по кооперационным поставкам продукции между предприятиями, создаются совместные предприятия, филиалы международных корпорации, банков, финансово-промышленных групп, растет число различных договорных сделок по объему товарами и услугами между регионами России и других государств.

Итак, процессы интеграции производственной, торгово-посреднической, финансово-кредитной, информационной деятельности закономерно приводят к тому, что практически все регионы вовлекаются в сферу экономических отношений, приобретающих характер многосторонних связей между различными государствами. При этом взаимозависимость регионов усиливается до такой степени, когда действия одного из них затрагивают интересы других регионов и региональных систем.

Ускорение научно-технического прогресса, проявляющееся в быстром распространении новых технологий в различных регионах мира, компьютеризация экономической деятельности меняют характер ведения бизнеса и межрегиональных отношений. Глобальная информатизация усиливает интеграционные процессы посредством обмена коммерческой, производственной, научно-технической информацией. Резко возрастает роль знаний и инновации в экономическом развитии регионов и обеспечении их устойчивой конкурентоспособности. В современных условиях возникает объективная потребность в создании полноценной системы управления на региональном уровне и разработке методов экономического регулирования процессов социально-экономического развития регионов. Поскольку в условиях глобализации и регионализации происходит формирование многоукладной экономики и создаются новые элементы рыночной системы, функционирующие одновременно с элементами старой системы, необходимы изучение проблем формирования системы управления в регионе во взаимодействии с различными хозяйствующими субъектами, анализ экономических предпосылок и закономерностей образования структуры этой системы.

Процессы глобализации и регионализации привели в последние годы к увеличению самостоятельности регионов, которые несут большую ответственность за результаты регионального экономического развития страны. В экономике России укрепляются те же тенденции современного экономического развития, которые набирают силу в развитых странах: развитие сферы услуг, формирование постиндустриального общества, увеличение интеллектуальной составляющей в результатах любого производства, тотальная информатизация современного общества, развитие сетевых форм организации, исчерпание традиционных источников социально-экономического роста.

Итак, подледные годы в РФ большая часть стоимость многих видов продукции создается не только на стадии материального производства, сколько на стадии маркетинга, сбыта и НИОРК; не сколько в рамках непосредственного производства, сколько в рамках планирования, транспортировки, продажи, и обслуживания. Источником новой добавленной стоимости становится не сколько непосредственное производства, сколько не материальное производства (дизайн, контроль качества, маркетинг и обслуживание). Исходя из этого, характерной чертой современного производства становится наличие компонента знаний в каждом продукте или услуге. Интеллектуальная работа, специальное знание и коммуникации становятся не только основными факторами создания добавленной стоимости, но и факторами конкурентоспособности и экономического развития организации и целых регионов.

В оценке влияние процесса глобализация в РФ, мы делаем акцент на том, что с учетом огромной протяженности территории РФ, исключительного разнообразия природно-климатических, ресурсных, демографических, этнических, структурных и природных особенностей регионов России, специфические федеративного государственного устройства нужна сильная государственная региональная политика как важнейшая составная часть общегосударственной политики страны. И главным здесь, на нашей взгляд, становится проблема выбора самой концепции и модели региональной политики для России.

Итак, по нашему мнению, в условиях глобализация, главными задачами стратегии регионального развития страны, должны стать:

- укрепление целостности экономического пространства на основе интенсификации межрегиональной кооперации и эффективного сотрудничества с сопредельными странами и их региональными группировками;

- обеспечение устойчивого экономического роста в регионах на основе использования их человеческого, природно-ресурсного, производственно-технического потенциалов, конкурентных преимуществ и возможностей межрегионального и международного сотрудничества;

- сближение регионов по уровню экономического и социального развития, главным образом путем стимулирования экономического потенциала отставших регионов.

Для осуществления стратегии регионального развития в принципе необходим временной горизонт, достаточный для модернизации и развития транспорта и энергетики, создания новых систем расселения, освоения природных ресурсов новых регионов, подготовки перехода всех регионов на модель устойчивого развития. Для этого потребуется не менее 15-20 лет, что превышает объявленный период Стратегии развития Российской Федерации, принятой Правительством (10 лет) [67, с 89]. Поэтому более долгосрочная проработка проблем территориального развития может стать базой для последующей пролонгации общей стратегии.

Временной горизонт стратегии должен вместить в себя три этапа:

- осуществление крупных программ, способных привести к качественным изменениям в сферах производства, транспорта, расселения, образования, здравоохранения, природопользования и экологии;

- выход, по крайней мере, большинства регионов на траекторию устойчивого развития.

Задачами первого этапа являются ускоренное преодоление последствий экономического кризиса в регионах, завершение в них основных институциональных преобразований, максимальное использование благоприятных факторов регионального развития. Специальной задачей стратегии является преодоление тенденций дивергенции и дезинтеграции экономического пространства, осуществление разворота в направлении конвергенция — интеграция. Уже на первом этапе разрыв между регионами по уровню развития может быть сокращен примерно в 1,5 раза путем подтягивания наиболее отсталых регионов. Тенденция усиления экономической связности российских регионов (новая волна интеграции) возобладает уже в ближайшее время, когда экономический рост охватит большую часть регионов. Необходимость укрепления экономической целостности страны сохранится как одна из главных целей стратегии на весь период ее осуществления.

В стратегии должен присутствовать национальный уровень, межрегиональный уровень (решение крупных межрегиональных проблем, например, взаимодействие северных и южных частей Сибири и Дальнего Востока, развитие региона «Большая Волга» и т.п.) и региональный уровень (компактные экономические районы, субрегионы крупных экономических районов, например, юг Дальнего Востока, а также субъекты РФ).

Главными направлениями стратегии на национальном уровне должно быть:

- развитие магистральных сетей транспорта и энергетики (в том числе создание межконтинентальных транспортных коридоров);

- более равномерное размещение топливно-сырьевых баз;

- адаптация производственных структур макрорегионов к требованиям устойчивого развития;

-формирование общероссийских систем расселения и регулирование миграционных потоков;

-развитие трансграничного экономического сотрудничества. Особое значение для интеграции экономического пространства России и ее интеграции в глобальную экономику имеют проекты транс-континенталь-ных коммуникаций.

В сфере правовых отношений необходимо завершить распределение полномочий между федеральным центром, субъектами РФ, местным само-управлением; осуществить гармонизацию федерального и регионального экономического законодательства (особенно по собственности на природные ресурсы); принять базисные законы о государственном регулировании тер-риториального развития.

В процессе реформирования бюджетно-налоговой системы необходимо добиваться уменьшения числа регионов-бенефициаров федерального бюджета (этому должно служить также укрупнение субъектов РФ) и переориентации межбюджетных трансфертов на стимулирование регионального развития. Це-лесообразно ускорить переход на налогообложение трансрегиональных кор-пораций по месту основного производства, увеличивать долю платежей за природные ресурсы в доходах федеральных и региональных бюджетов. Наряду с бюджетно-налоговой системой для реализации территориальной стратегии должны использоваться такие экономические механизмы, как межрегиональное регулирование ценообразования естественных монополий (в особенности тарифов на транспорт, электроэнергию, природный газ), инвестиционные преференции, размещение государственных заказов.

Вся система государственного регулирования должна подвергнуться ис-пытанию с точки зрения ее соответствия целям и задачам стратегии терри-ториального развития и государственной региональной политики.

Итак, регионы РФ более активно участвуют в мировой экономической пространстве, что позволяет рассматривать их в роли субъектов международных экономических отношений наряду с национальной экономикой, транснациональными корпорациями, компаниями и международными организациями и др.

С учетом этого проведенное исследование внешнеэкономического аспекта международного и межрегионального сотрудничества субъектов Российской Федерации в рамках концепции регионализация и особенностей региональной политики в России обосновывает необходимость поиска и более эффективного использования конкурентных преимуществ отдельных регионов. В этих рамках мы рассмотрим регионы РФ как многофункциональную и многоаспектную систему, связанную с другими регионами мира, с использованием одной из самых распространенных парадигм региональных исследований - концепции региона как квазикорпорации. В этом контексте регион рассматривался в качестве крупного субъекта собственности и экономической деятель-ности. С учетом этого регионы становятся участниками конкурентной борьбы на рынках товаров, услуг, капитала. Кроме этого, как экономический субъект регион расширяет внешнеэкономические связи и организует взаимодействие с другими регионами, странами, национальными и транснациональными корпорациями и компаниями разных стран. Наиболее активно в условиях глобализации развивается международная кооперация и межрегиональное промышленное сотрудничество трансграничных и приграничных регионов стран мира.

Принцип сотрудничества обязывает государства и регионы взаимодействовать друг с другом независимо от существующих между ними различий в целях поддержания мира и безопасности, содействия международной экономической стабильности и прогрессу, общему благосостоянию народов. Один из важных аспектов синергетики связан с идеей самоорганизации сложных систем, таких как регионы. В последнее время значение синергии возрастает по мере увеличения роли самоорганизующихся трансграничных сетевых сообществ, начинающих существенно влиять на характер развития мировых политических, экономических, социальных и иных процессов.

При осознании необходимости более равномерного развития регионов, обеспечиваемого во многом межрегиональными экономическими взаимодействиями, федеральные органы власти должны обеспечить им условия самоорганизации, способствующих достижению максимально высоких темпов экономического роста.

Проведенный в первой главе детальный анализ опыта Западной Европы в проведении региональной политики также свидетельствует о необходимости взвешенного подхода к децентрализации властных полномочий. На этом пути российским регионам следует принять меры по укреплению местного самоуправления. На базе этого опыта, для России необходим поиск своих форм и методов межрегионального сотрудничества, среди которых важное значение, будут иметь региональные программы повышения конкурентоспособности и инновационного развития, международные межрегиональные кластеры, совместное предпринимательство, приграничное сотрудничество и многое другое. Россия в последние годы активно должна использовать новые методы организации межрегионального сотрудничества, среди которых все большее значение приобретают международные межрегиональные кластеры.

Кластерный подход может повлечь за собой структурную перестройку национального хозяйства, включая региональные экономики. Место отраслей в современной экономике постепенно должны будут занимать кластеры, иначе нельзя будет обеспечить конкурентоспособность страны и ее регионов в глобальном рынке на долгосрочную перспективу, а интегрированные регионы должны тесниться сетевыми.

В основе организации внешнеэкономической деятельности в условиях глобализации лежит нахождение некоего баланса общенациональных и региональных интересов, а также коммерческих интересов субъектов хозяйствования, расположенных на территории конкретных регионов, и выстраивание с учетом этого баланса системы взаимодействия активных институтов внешнеэкономических связей, развивающихся на данной территории.

Анализ международного сотрудничества регионов России, одним из основных элементов экспортной промышленной политики региона должен стать выбор перспективных отраслей. Такой выбор строится на основе анализа сравнительных преимуществ региона и с учетом условий планируемых рынков сбыта промышленной продукции. Постепенное увеличение доходности от избранных направлений промышленной политики, расширение процесса реинвестирования в эти направления и действие эффекта мультипликатора инвестиций позволит достичь мощного эффекта развития региона. Одновременное сосуществование перспективных и отживших отраслей создает в регионе угрозу срыва реализации экспортной промышленной политики и проектов международной кооперации.

Правильное определение и стимулирование экспортной или импортной ориентации отраслей региональной экономики и организация межрегионального промышленного сотрудничества будет способствовать улучшению социально-экономического положения России в ближайшей перспективе. Одна из стратегий развития международного и межрегионального сотрудничества регионов России может быть определена в рамках региональной промышленной политики.

Формирование промышленной политики в России должно происходить первоначально на уровне регионов, что позволит определить перспективные направления концентрации региональных сырьевых, финансовых и, главное, интеллектуальных ресурсов и только на этой основе возможно формирование общенациональной промышленной политики, основным содержанием которой станет координация межрегиональных промышленных стратегий.

В среднесрочной перспективе регионам Российской Федерации следует использовать смешанную стратегию, включающую в себя экспортную ориентацию одних отраслей и импортную - других с максимальным увеличением импортозамещающих производств.

В современном обществе важнейшими факторами конкурентоспособности становятся именно те регионы, которые способны принять передовые технологии и предприятия, высококвалифицированные кадры. Речь идет о территориальных инновационно-промышленных кластерах. Это комплексы предприятий (промышленных компаний, исследовательских центров, научных учреждений), органов государственного управления, профсоюзов, созданные и функционирующие на базе территориальной концентрации специализированных поставщиков, основных производителей и потребителей, связанных технологической цепочкой.

реформ.

Важнейшими позитивными признаками формирования крупных территориально-хозяйственных комплексов являются:

- интегрированность связей между фирмами, предприятиями разных регионов и отраслей, а также научными организациями и органами власти; - консолидация социально-экономических интересов при их взаимодействии на основе эффективного перераспределения ресурсов на рыночных условиях;
- способность перенастройки стратегического управления участников этих форм при изменении факторов и условий внешней среды для реализации преимуществ межрегиональной экономической интеграции перехода к инновационному типу развития экономики;
- экономическая устойчивость внутренних и внешних связей в долгосрочной перспективе;
- коммерциализация результатов НИОКР посредством практического их внедрения в производственную деятельность различных хозяйственных систем в рамках региональных экономик для повышения эффективности освоения базисных инноваций.

Таким образом, по нашему мнению и как утверждает академик Грамберга, регион представляет собой территориальное пространство, в котором объективно должны совпадать четыре точки интеграции: регион-администрация, регион-корпорация, регион-рынок, регион-социум. Совокупность указанных интеграционных систем представляет пространственную организацию населения в единстве и целостности воспроизводственного процесса со своей экономической базой, региональными и межрегиональными потребностями и интересами.

Тенденции и возможности глобальной экономической интеграции регионов с территориальными образованиями сопредельных и несопредельных государств ведут, в частности, к повышению роли отдельных крупных межрегиональных объединений, превращению их в полюса роста страны, вовлечение их в ЕС, СНГ, АТР, АСЕАН и др. Обоснована объективная необходимость особых глобальных подходов к разграничению предметов ведения и полномочий субъектов Федерации, развивающих межрегиональное сотрудничество с другими странами. В качестве основных мер развития внешне-экономических связей выделены:

- углубление специализации экономики регионов на производстве продукции, имеющей экспортную значимость, развитие экспортно-ориентированных предприятий;
- интенсификация процесса хозяйственного освоения крупных территориальных объединений
- совершенствование территориального размещения производительных сил за счет формирования новых особых промышленных, внедренческих, рекреационных, портовых зон, технопарков и центров в условиях притока иностранного капитала, создание сфер совместного и иностранного производства;
- развитие инфраструктуры крупного межрегионального объединения, интегрированного в российскую и международную структуру.

Механизм экономической интеграции реализуется путем сращивания процессов воспроизводства каждого отдельного субъекта хозяйствования, научного сотрудничества, образования тесных хозяйственных, научно-производственных и торговых связей. Процесс регионализации мтира рассматривается (особенно в ее западноевропейском варианте) как трехуровневая модель. Во-первых, на корпоративном уровне, когда отдельные компании вступают в прямые хозяйственные связи, расширяют интеграционные процессы. Во-вторых, на межгосударственном уровне, когда целенаправленная деятельность государства (коллективная или односторонняя) способствует интеграционным процес-

сам переплетения труда и капитала в пределах той или иной группы стран, обеспечивает функционирование особых интеграционных инструментов. В-третьих, на национальном уровне страны-участницы добровольно передают ряд политико-экономических функций.

Процесс интеграции России в мировое хозяйство, ее утверждение как равноправного участника в системе международных экономических отношений, в разделении труда находится в самом начале. Структура ее экспорта носит преимущественно сырьевой характер. На начальной стадии находятся процессы легального вывоза капитала, организации совместных предприятий, свободных экономических зон, международные интеграционные процессы. Только около 1/4 российской экономики ориентировано на внешние рынки.

Россия должна осуществляться выработка механизма взаимодействия с промышленно развитыми, развивающимися странами, международными экономическими организациями, региональными торгово-экономическими блоками и группировками.

Регионализация становится важнейшей чертой территориальной трансформации России. На первом этапе она реализовалась в создание 89 субъектов Федерации. Причем правовое конституционное различие субъектов Федерации привело к уникальным проблемам асимметрии. Бывшие автономные округа и республики имели правовой статус значительно более высокий, чем области, в состав которых они входили. Сложилась следующая обстановка: во-первых, развал федеративных отношений складывался под влиянием активной суверенной политики субъектов Федерации. Он привел к потере авторитарного влияния центра на места. Во-вторых, непредсказуемо усиливалась неравномерность и несогласованность рыночных реформ по вертикали и горизонтали государственных и региональных структур управления. В результате невозможно планомерно осуществлять единую государственную политику реформ. В-третьих, возникла экономическая и социальная рассогласованность вертикали власти, территориальные претензии и национально-территориальные конфликты с федеральной властью. Результатом стало устойчивое нарастание межрегиональных и народнохозяйственных диспропорций. В-четвертых, в настоящее время логика ценностных ориентаций деформирована. Система интересов (частных, коллективных, региональных, государственных) пока не имеет интегрального критерия.

Опыт функционирования межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия мог бы значительно облегчить механизм экономической интеграции и хозяйственного управления субъектов Федерации. С его помощью можно эффективнее решать поставленные Правительством РФ задачи инноваций, инвестиций, инфраструктуры и институциональных преобразований, найти качественно новые организационные формы управления, разработать различные межрегиональные программы, которые способствуют решению ключевых проблем социально-экономического развития страны.

Накопленный опыт размещения производительных сил страны показал, что наиболее сильной стороной отечественной школы регионального социально-экономического развития является формирование территориальной организации производительных сил общества, позволяющего соединить достижения научно-технической революции с объективной возможностью реализовать эффект комплексности при создании крупного территориально-хозяйственного образования. Нужно организовать и дать ускорение этому процессу, хотя для выполнения этой задачи необходимы соответствующие организационные формы. Такие формы «работали» в советское время, когда государственные структуры – отраслевые министерства – осуществляли регулирующие и координирующие функции отраслевого управления.

Механизмы межрегиональной экономической интеграции могут быть реализованы, если решить следующие задачи:

- сформировать макроэкономический хозяйственный комплекс, который представляет собой социально-экономическую и инвестиционно-инновационную хозяйственную систему;
- вовлечь в механизм межрегиональной экономической интеграции хорошо зарекомендовавшие себя межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия, которые могут успешно реализовать

себя в составе макроэкономических комплексов. Причем, целесообразно механизм их функционирования объединить с нормативно-правовым и политическим механизмами, действующих в новом губернском строении;

- сформулировать концептуальные и стратегические позиции, прогнозные оценки желаемого и возможного состояния не только указанного взаимодействия, но и для макроэкономического комплекса социально-экономической среды – т.е. межрегионального социально - экономического комплекса в структуре страны в целом.

Следующие два десятилетия станут периодом начала экономического роста, поступательного развития именно на базе интеллектуального высокотехнологического блока производств. В новых территориальных образованиях к 2020 году развернется интенсивный экономический рост.

Сценарий инновационного развития, который ориентирован на модернизацию и высокие темпы роста экономики крупного хозяйственного комплекса, должен привести к тому, что он займет положение лидера в экономике страны.

Для воплощения данного сценария в реальность необходима стратегическая мобилизация важнейших ресурсов крупного хозяйственного комплекса, консолидация всех уровней государственной власти.

Опираясь на проведенные исследования, автор в работе констатирует, что конструкция административно-территориального деления страны на 25-28 губерний заслуживает более глубокого осмысления. В связи с необходимостью выстроить эффективную территориально-хозяйственную структуру национальной экономики, имеющихся в настоящее время семи федеральных округов недостаточно.

Очевидно, что для рационального использования ресурсов, создания наиболее полных условий развития экономики каждого региона в рамках единого хозяйственного комплекса необходимо ускорить формирование современных инновационно-ориентированных экономических систем. Для этого необходимо увеличить число крупных хозяйственных образований.

Перемены в обществе и ряд рассмотренных в работе механизмов способны реализовать сценарий инновационного развития макрорегиона. Для реализации инновационно-прорывного сценария развития крупных территориально-хозяйственных образований необходимо:

- разработать и утвердить на государственном уровне долгосрочную программу инновационного преобразования экономики территориально-хозяйственных образований. В программе должны быть определены цели, задачи, приоритеты, механизмы и последствия ее реализации;

- подготовить и утвердить систему межрегиональных программ и проектов, реализующих важнейшие приоритеты социально-экономической и инновационно-технологической политики.

Применительно к проблеме реализации инновационного сценария развития экономики территориально-хозяйственного комплекса необходимо создать систему долгосрочного непрерывного научного прогнозирования экономики комплекса. Элементами такой законодательно закреплённой и финансово обеспеченной системы должны стать:

- разработка и периодическое обновление долгосрочных прогнозов социально-экономического, инновационно-технологического, энерго-экологического развития хозяйственного комплекса и его внешних связей с учетом мировых тенденций;

- сопоставление долгосрочных прогнозов с прогнозами федерального уровня;

- формирование прогнозов развития по секторам и отраслям крупного региона.

ГЛАВА 4.

Современный регионализм: теоретическое содержание

4.1. Теоретическое содержание регионализма

Термины регионализм и региональная интеграция получили распространение после Второй мировой войны в работах по теории международных отношений для описания реалий мировой политики и политической системы в условиях противостояния двух крупных военно-политических блоков, возглавляемых США и СССР, в так называемую эпоху биполярного мира. В начале 50-х гг. XX века термин интеграция применялся для описания изменений в политической и экономической архитектуре послевоенной Европы. Кооперация в сфере экономики и политики рассматривалась не только как условие эффективного управления и разрешения конфликтов, возникающих в отношениях между государствами, избегая применения силовых средств, но и как основа формирования нового политического регионального сообщества или системы новых региональных отношений. На разработку теории европейской региональной интеграции оказало влияние использование этого термина в социологических исследованиях, в которых под интеграцией понимается одна из жизненно важных функций социальной системы, обеспечивающая интегрирование отдельных индивидов и групп в социальное целое или в социально-политическую общность.

Важную роль в разработке основ теории интеграции в рамках функционального подхода принадлежит работам К.Дойча, в частности, сформулированной им теории коммуникативной интеграции. К. Дойч видел основу интеграционных процессов в формировании и распространении «культуры безопасности» и создании «сообществ безопасности». К сообществам безопасности (security communities) он относил группы людей, которые интегрированы в некое сообщество на основе специально созданного объединения, нацеленного на мирное разрешение конфликтов, рассматривая войну как устаревшую форму разрешения конфликтов. Участники политического сообщества объединены не территорией или государством, а общей культурой, формальными и неформальными нормами, обычаями, нравами и ценностями. Интегрированная группа образует некое единство. Отличительной особенностью всех принадлежащих к такой группе является более высокий уровень доверия и взаимопонимания, которое дает участникам группы ощущение своей сопринадлежности к некоему единству. В работе «Политическое сообщество и Северо-Атлантический регион: международные организации в свете исторического опыта» К.Дойч предлагал проводить различия между двумя видами сообществ безопасности: амальгированными и плюралистическими. Амальгированные сообщества безопасности встречаются крайне редко. Они образуются в результате объединения двух или нескольких независимых государств в новое единое государство с общими органами управления. Примером может служить образование США путем объединения 13 штатов, освободившихся от колониальной зависимости и образовавших федеральное правительство. Однако опыт создания амальгированных сообществ безопасности не всегда успешен, в частности, неудавшийся союз между Швецией и Норвегией является тому подтверждением.

Исторически более эффективным оказался опыт создания плюралистических сообществ безопасности путем интеграции государств в международные объединения при сохранении государственного суверенитета. Объединение США и Канады в плюралистическое сообщество безопасности предполагает сохранение политической независимости, но исключает возможность политической конфронтации, несмотря на конфликты в прошлом. По мнению К.Дойча, плюралистические сообщества безопасности проще создавать и легче поддерживать их существование в сравнении с амальгированными.

Хотя функционализм часто и представляют как универсальное, политически нейтральное направление в исследованиях международной интеграции, на деле оно основывается на либеральных утилитарных политических ценностях. Поэтому его положительное влияние зачастую ограничено теми частями мира, население которых разделяет ценности общества благосостояния, на поддержку и распространение которых ориентирован функционализм. Проблемы возникают при вовлечении в интеграционный процесс правительств и стран, не разделяющих подобные ценности.

Реалисты (Е.Карр и Г.Дж.Моргентау) скептически относились к идеям возможности перехода от мирового порядка, основанного на силовом противоборстве и военно-политическом противостоянии между государствами, к порядку, основанному на правовом регулировании международных отноше-

ний, торговом и экономическом сотрудничестве. В своих исследованиях они отдали предпочтение политике, основанной на «балансе сил» – динамическом соотношении сил, зависящим от взаимодействия многих факторов.

В рамках неореалистского направления разработана теория гегемонистской стабильности. Ее основным аргументом является утверждение, что международные режимы устанавливаются и поддерживаются тогда, когда государство располагает преобладающими властными ресурсами, как США после Второй мировой войны. Если гегемонистская власть утрачена и властные ресурсы более или менее равномерно распределяются между государствами, международные режимы также падают и наступает период анархии и борьбы за гегемонию, пока наиболее сильному лидеру не удастся установить новый гегемонистский режим, который восстановит состояние баланса сил и стабильности.

В настоящее время в исследованиях по вопросам внешней политики и теории международных отношений регионализм и региональная интеграция рассматриваются как ключевые индикаторы международных изменений, последовавших после завершения эпохи «холодной войны» и вступления мира в постбиполярную, полицентричную стадию развития. Рост внимания исследователей к регионализации и региональной интеграции обусловлен возрастанием роли и активности таких региональных организаций как ЕС, АСЕАН, АПЕК и НАФТА, осуществляющих координацию процесса принятия решений на наднациональном уровне и международном регулировании проблем.

В новых исследовательских подходах регион рассматривается как активная и динамически развивающаяся единица. Он может как конструироваться, так и деконструироваться в идеальном – символическом и в пространственно–географическом отношении. Зачастую процессы интеграции и дезинтеграции дихотомичны и развиваются в регионе одновременно.

Рассматривая особенности регионального структурирования мирового пространства, геополитик Б.Хеттне выделяет следующие признаки, влияющие на характер интеграционных процессов, происходящих в регионе: во-первых, регион рассматривается как единая территориальная система и включает в себя по крайней мере несколько государств (политически оформленных единиц), объединенных друг с другом географическими отношениями и определенным уровнем взаимозависимости; во-вторых, возможность несовпадения региональных очертаний (административных и государственных границ): в состав региона может входить не все государство, а только его часть (восточная часть Швеции является частью Балтики, западная – тяготеет к Атлантике, а южная – к европейской континентальности); в-третьих, степень развитости региональных связей может не совпадать по экономическим, политическим и культурным параметрам (неравномерность степени развитости внутрирегиональных экономических, политических и культурных связей и кооперации); в-четвертых, степень региональной сплоченности может возрастать или ослабевать со временем, в зависимости от того, как определяют свои интересы субъекты, действующие в регионе. «Новый регионализм» как парадигма для исследования политических стратегий отражает изменения в подходах как к исследованию, так и изучению самих практик регионализации и региональной интеграции, происходящих в постбиполярном мире. Изменения прослеживаются по трем основным параметрам: по особенностям возникновения новых региональных объединений, по составу и характеру их участников и по стратегическим целям, которые преследуют участники этих объединений:

1. 1. По истокам или механизмам возникновения. Ранее при создании региональных институтов важным условием являлось сходство политических и экономических структур, в настоящее время необходимость объединения диктуется наличием общих проблем и готовностью правительств к ведению диалога для согласования позиций и выработки общих решений. Поскольку новая глобальная система характеризуется более интенсивными и плотными информационными потоками и коммуникативными связями, возрастает значимость новых «кросс-границных» и трансграничных проблем – миграция, терроризм, распространение наркотиков. Возрастает влияние этих внешних (невоенных проблем) проблем на внутреннюю ситуацию, делая безопасность страны более уязвимой и повышено чувствительной к внешнеполитическим проблемам. Ресурсы национальных государств оказываются явно недостаточными для предотвращения угроз в одностороннем порядке. Поэтому государства пред-

почитают участвовать в коллективной безопасности и устанавливать транснациональную координацию политики, с тем, чтобы объединить издержки по расходам.

2.2. По участникам. Региональные сообщества в эпоху «холодной войны» создавались «сверху» сверхдержавами, в настоящее время процесс формирования новых региональных сообществ приобрел спонтанный характер, инициативы исходят «снизу», они генерируются самими регионами, главными инициаторами выступают сами участвующие государства и негосударственные организации, локализованные в регионе.

3.3. Различия по целям. В условиях биполярного мира вопросы военной безопасности и экономического развития были институционально разделены. В рамках «старых» региональных объединений прослеживается специализация создаваемых региональных объединений, ориентированных в одном случае на военно-политическую безопасность, а в другом - на экономическое развитие. Новый регионализм представляет собой более всеобъемлющий, многогранный процесс, включая в сферу своей компетенции и вопросы, связанные с торгово-экономической интеграцией, и с охраной окружающей среды, социальной политикой, безопасностью, демократией. Региональная кооперация может быть начата правительствами, которые рассматривают переговоры о строительстве добрососедских отношений, экономические связи, передачу знаний и координацию политики как наиболее предпочтительные инструменты решения проблем, вызванных глобальными процессами.

Эксперт по проблемам безопасности Ф.Аттина в публикации «Евро-средиземноморское партнерство безопасности в сравнительной перспективе» в рамках своей концепции предлагает шкалу разграничения и упорядочения многообразия форм региональных систем безопасности в соответствии со степенью интегрированности участников и уровнем достигнутой институционализации.

Крайними точками предложенной шкалы выступает «нулевой» уровень, то есть полное отсутствие мер, обеспечивающих коллективную безопасность, и другой «экстремум» представляют развитые институциональные структуры кооперации, по определению К.Дойча – амальгированные сообщества безопасности.

Между этими «экстремумами» Ф.Аттина выделяет 5 промежуточных уровней:

- • система противостоящих альянсов;
- • система коллективной безопасности;
- • региональное партнерство по безопасности;
- • слабоинтегрированные плюралистические сообщества безопасности (loosely coupled pluralistic security community);
- • высокоинтегрированные плюралистические сообщества безопасности (tightly coupled pluralistic security community).

При Системе военно-политических альянсов сотрудничество основано на традиционном представлении о государственной безопасности как условии, при котором группа государств координирует функционирование своих вооруженных сил, используя угрозу применения силы как средства устрашения потенциальных агрессоров. Государства вступают в военный альянс, когда они сталкиваются с угрозами безопасности, которые не могут нейтрализовать самостоятельно. Часто создание военного альянса одной группой государств провоцирует государства, проводящие отличную политику в регионе, также создавать военные объединения, находящиеся в оппозиции первым. В результате, мировая система принимает вид системы противостоящих друг другу военно-политических объединений и совокупности неприсоединившихся государств. Зачастую принадлежность к военному альянсу не только не укрепляет безопасность государства – члена, но делает его более уязвимым, превращая

его в объект дискриминации и потенциальной агрессии уже в силу факта самой принадлежности к оппозиционной группировке. Аттина обращает внимание на то, что после Второй мировой войны на протяжении 40 лет европейская система безопасности представляла собой систему противостоящих альянсов.

Система коллективной безопасности (СКБ) (system of collective security) не предполагает создания постоянных вооруженных сил, и подписания соглашений об обязанности совместных действий для управления конфликтами. При этой системе правительства сохраняют национальный контроль над вооруженными силами и представляют свое согласие на их применение только в случае интервенции со стороны агрессора. Исследователи Гриффит и О'Каллаган подчеркивают, что «...формально под коллективной безопасностью понимается набор легально установленных механизмов, созданных для предотвращения или подавления агрессии в отношениях между государствами. Это достигается посредством демонстрации потенциальным или реальным агрессорам возможностей принятия мер для поддержания, а если необходимо, для принуждения к миру.

Подобные меры могут ранжироваться от дипломатического бойкота до введения санкций и даже осуществления военных действий. Суть заключается в коллективном наказании агрессора через использование превосходящей силы.». Региональное партнерство по обеспечению безопасности основывается на иной, в сравнении с альянсами, концепции безопасности - концепции кооперативной безопасности. Хельсинский процесс разрядки рассматривается как образец начала формирования этого направления. Он основан на мерах коллективной безопасности, оговоренных в региональных соглашениях, включающих перечень мер доверия, которые предполагают обмен информацией по вопросам военной политики и организационных структур, а также поддержание как военных, так и невоенных структур безопасности, которые включены в соглашения. Ф.Аттина предлагает рассматривать партнерства по безопасности как переходную форму к образованию сообществ безопасности на основе анализа особенностей формирования и деятельности ОБСЕ, ШОС, АСЕАН и ЕСП и выделяет основные типологические черты новой формы трансрегиональных объединений. В основу рассматриваемой им модели «регионального партнерства по безопасности» положен опыт создания и деятельности Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), структуры, впервые организационно и институционально оформившей отношения регионального партнерства. Региональные партнерства по безопасности (РПБ) обычно представляют собой международные организации, опирающиеся на сложные многосторонние структуры, использующие набор внешних мер и механизмов (например, нормативные акты, созданные на основе базовых и оперативных соглашений), которые обеспечивают урегулирование конфликтов или способствуют их предотвращению.

Партнерства по обеспечения безопасности в отдельных случаях могут объединять не только страны, ранее находившиеся в состоянии конфликта, но и страны, связанные большими потоками взаимных трансакций и коммуникаций, если они разделяют общие или совместимые культурные и институциональные ценности. Более того, даже в случае отсутствия общей культуры безопасности или институционального сходства и схожие лишь только по отдельным политическим и практическим мотивам страны региона могут быть готовы к совместным действиям, направленным на ослабление риска взаимной силовой конфронтации и к созданию условий, обеспечивающих поддержание регулярного взаимодействия в различных сферах - экономической, социальной, политической.

Предваряя рассмотрение регионализма как процесса, имеющего как международное, так и российское изменения, необходимо более подробно уточнить определение самого понятия «регион» и его трактовку с точки зрения общенаучной методологии вообще и экономической науки в частности. Для того чтобы совокупность государств, представляющая собой некую общность, стала «регионом», необходимо наличие всех или части следующих признаков:

- общность исторических судеб;
- наличие свойственных только этой группе особенностей культуры (материальной и духовной);

- географическое единство территории;
- сходный тип экономики;
- совместная работа в региональных международных организациях.

Как правило, именно этот подход присутствует и в зарубежной литературе. Эндрю Хюрелл указывает, что, во-первых, «регион - это естественный, органический принцип территориальной организации социальных, политических, экономических и культурных аспектов жизнедеятельности человеческих обществ. В этом контексте регионализм анализируется в таких категориях, как:

- социальная сплоченность этнических, расовых и языковых групп, проживающих совместно;
- экономическая взаимодополняемость тех хозяйственных и промышленных единиц, которые работают в рамках данной территории;
- совместимость общих ценностей, связанных с культурой, религией, историческими традициями; политическая солидарность. (Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies. 1995. October. Vol.21. P.333.)

Для региона в научном и экспертном сообществе, как правило, предлагаются следующие характеристики:

- комплексность социально-экономического и экологического развития;
- комплексность промышленного развития;
- характер развития производственной и социальной инфраструктуры, системы поселений;
- способность воспроизводить условия для гармоничного развития проживающего в регионе населения;
- способность производить такой объем товаров, который обеспечивал бы также возможность удовлетворения других регионов.

Такие характеристики явно носят внутренний характер, относятся к региону как части национального государства и экономике региона как части национальной экономики. В этом случае развитие страны органически связывается с решением ряда региональных социально-экономических проблем, в частности, с регулированием структуры экономики и с решением конкретных социальных задач с учетом природных, экономических и национальных особенностей развития отдельных регионов. Центральным ядром любого региона (даже если он подобен стране) является его производственная специализация, целевая ориентация на решение «технических задач». В группе определений, подчеркивающих экономическую или производственную специфику части территории, необходимо выделить несколько наиболее значимых.

В «Основных положениях региональной политики в Российской Федерации» под регионом понимается «часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединять территории нескольких субъектов Российской Федерации». (Основные положения региональной политики в Российской Федерации // Российская газета. 1996. 11 июня. С. 4.) Таким образом, эту группу определений можно считать общетеоретической. Здесь главный фактор определения региона - соответствие границ региона той или иной единице территориально-политического устройства. По мнению С.С. Шаталина, понятие «регион» характеризует определенный социально-экономический организм, структура которого

должна обеспечить повышение эффективности использования общественных фондов потребления, развития социальной и производственной инфраструктур. (Шаталин С.С. Функционирование экономики развитого социализма: Теория, методы и проблемы. М., 1982. С. 346.) При этом возможно, хотя и необязательно, отождествление региона с административной структурой. И.М. Айзинов и В.В. Пациорковский считают что, «регион - это административно-территориальная общность, которая характеризуется единством и относительно высоким уровнем развития производственной, транспортной и социальной инфраструктуры с хорошо налаженными, постоянными трудовыми и социально-культурными связями населения». (Айзинов И.М., Пациорковский В.В. Непроизводственная инфраструктура регионального центра // Социологические исследования. 1984. № 3. С. 78.)

Рассмотрим определения экономической сущности региона. П.Я. Бакланов предлагает учитывать при раскрытии понятия «регион» также фактор «региональной замкнутости», т.е. способность ресурсных и потребительских звеньев замыкаться (локализоваться) в пределах определенной территории. (Бакланов П.Я. Линейно-узловые системы промышленности (структурные особенности и возможности учета в планировании и управлении. Владивосток, 1983. С. 14.) В коллективной монографии под редакцией В.Я. Феодоритова и А.И. Попова отмечается: «Основными признаками региона как категории и объекта планирования являются экономико-географическое единство и целостность воспроизводственного процесса, базирующиеся на формировании межотраслевых структур с относительной замкнутостью производственного цикла». (Социально-экономическое прогнозирование развития региона // Под ред. В. Я. Феодоритова, А. И. Попова. Л., 1977. С. 13.) Приведенная формулировка очерчивает границы региона хозяйственными условиями наибольшей экономической целесообразности. Заметим, что во многих работах регионы «замыкаются» в границах административно-территориальных единиц. Именно для таких регионов формируются в существующих ныне органах управления плановые документы. Но в полной мере административно-территориальные единицы не удовлетворяют приведенным определениям региона, поскольку их границы часто не совпадают с границами хозяйственных структур.

Признано, что при определении понятия региона возможна и опора на международную специализацию региона, его участие в международном разделении труда. «Каждая страна в отдельности также представляет собой определенный регион с точки зрения мирового сообщества». (Сигов И.И. Регионоведение, как наука о территориальной организации общества // Регион: политика, экономика, социология. 1998. № 1. С.16.)

Таким образом, в региональной экономике термин «регион» употребляется довольно многозначно:

- «как синоним термина «район»;
- для обозначения сопоставляемых таксонов, принадлежащих к различным системам таксонирования или к различным порядкам одной и той же системы таксонирования;
- для обозначения любых территорий, по своим признакам не «подходящих» к принятой системе территориального членения и не позволяющих обозначить их другими терминами». (Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М., 1983. С.69.)

Подведем некоторые итоги. Понятие регион относится к универсальным категориям обществоведения. Интегративные возможности данного термина позволяют не только отнести его к ряду наук, но и связывать эти науки, трансформируя их компоненты в единую систему региональных исследований. При этом регион - ключевое понятие региональной экономики. Внимание к территориальному аспекту в случае с региональной экономикой - это основа методологического подхода.

В характеристиках процессов глобализации можно проследить наличие взаимосвязей между глобализацией и регионализмом. Поскольку государства современного мира различаются по масштабам и уровню социально-экономического развития, можно предположить, что результаты воздействия глобализации на отдельные страны и группы стран не одинаковы. Более того, в крупных странах тен-

денция глобализации вызывает неодинаковые последствия в различных регионах. Еще до глобализации интернационализации общественных отношений на планетарном уровне наблюдалась интернационализация общественных связей на региональном уровне, получившая название «регионализации». Регионализация выражается в сближении группы близко расположенных стран с возможным их объединением в отдельную группу. На уровне ЕС эта закономерность проявляется через деятельность территориальных, субнациональных акторов, «...которые надеются укрепить свою автономию или, по крайней мере, получить право на представительство и оказание политического влияния в европейских делах. В последние годы изменение в их пользу соответствующих правил было очевидно. Регионы (а затем и муниципальные образования) получили признание в качестве соответствующих политических единиц. Сначала их признание ограничивалось особой сферой политики, а именно структурной политикой ЕС. Но сегодня представительство территориальных коллективных лиц в отдельных государствах-членах стало общим принципом и получило институционализацию в Комитете регионов» (Колер-Кох Б. Эволюция и преобразование европейского управления // МЭиМО. 2001. № 7. С. 47.)

Отметим, что «структурная политика ЕС» - это как раз и есть движение финансовых потоков между регионами и отраслями стран Евросоюза. Окончание «холодной войны» придало большой импульс углублению интеграции мировой экономики, усилению ее наднациональных институтов. Процессы глобализации и регионализации фактически становятся, «во-первых, взаимно сопряженными и, во-вторых, политически мотивированными». (Entering the 21st Century. World Development Report 1999/2000, 22nd edition. The International Bank for Reconstruction & Development // The World Bank. Oxford University Press. 1999. P. 1-11.) На более ранних этапах этот процесс наблюдался преимущественно в федеративных государствах. В конце 90-х гг. децентрализация становится реальностью и для унитарных государств. Это выражается в повышении роли местных органов власти, которым передается все больше полномочий, как во внутригосударственных делах, так и в сфере международной деятельности. Властные полномочия формируются на новых уровнях и постепенно становятся весьма значимым фактором. Однако и традиционный уровень - государственный еще нигде не исчез (даже в системе принятия экономических решений в Европейском Союзе). Возникает вопрос, является ли регионализм «побочным продуктом» глобализации, связанным с объективной неоднородностью экономического пространства как в межстрановом измерении, так и в контексте государств или это самостоятельное явление? Историк и политолог Ф. Фукуяма пишет: «Экономические силы ранее породили национализм, заменяя класс национальными барьерами, создавая централизованное в языковом плане сообщество. Те же самые экономические силы ведут к устранению национальных барьеров путем сотворения интегрированного мирового рынка». (Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York. 1997. P. 275.) Эта позиция разделяется и рядом российских экспертов, рассматривающих регионализацию как своего рода глобализацию в ограниченных масштабах. (Долгов С.И. Глобализация экономики. Новое слово или новое явление. М., 1998. С. 13.) Представляется, что однозначного ответа на вопрос о соотношении и взаимовлиянии процессов глобализации и регионализации нет. Во-первых, и глобализация, и регионализация имеют как экономическое, так и политическое измерения. Унификация экономического пространства является содержанием не только глобализации, но не противоречит и современной регионализации. «Во-первых, в то время как старый локализм был «подчиненным», новый является результатом свободной воли и осознанного выбора; старый был «естественным и необходимым», новый - добровольный и международный. Во-вторых, старый локализм стремился минимизировать контакты с внешней средой, держать свои границы прочно закрытыми, новый же стремится к установлению взаимоотношений с остальным миром».13 (Zdravko Mlinar. Local Response to Global Change // The Annals of the American Academy of Political and Social Science: Local Governance Around the World // Spec. ed. by H. Teune. Sage. 1995. Vol. 540. P. 148.) При этом сохраняется дифференциация.

Постепенное преодоление барьеров между государствами в политической, экономической, социальной и даже валютной сферах приводит к сравнительному ослаблению структуры государства как способа организации политического пространства. Происходит коренное изменение понятий «суверенитет» и «территориальность». В результате усиливаются позиции регионов относительно государств, возросшее стремление занять достойное место уже не в рамках одной страны, а более

широкой общности. Теоретический анализ регионализма как явления и процесса стал частью научного исследования процессов глобализации. Среди таких работ необходимо отметить труд Раймондо Страссолдо «Глобализм и локализм». (Strassoldo R. *Globalism and Localism: Theoretical Reflections and Some Evidence // Globalization and Territorial Identities // Ed. by Z. Mlinar. Aldershot. 1992.*)

О возросшей самостоятельности регионов говорит, например, тенденция учреждения своих представителей непосредственно в Брюсселе, что предоставляет возможность их выхода сразу на наднациональный уровень, минуя государственный. С одной стороны, имеются прецеденты юридического закрепления свободы действий микрорегионов в отношениях с их заграничными партнерами. С другой стороны, организационно-управленческие подходы, кристаллизующиеся на уровне крупных корпораций, как бы воспроизводятся на уровне мирового хозяйства. При этом мирохозяйственные центры перестают четко ассоциироваться с передовыми странами, теряют прежние территориально-страновые очертания и предстают главным образом как тесное международное сплетение деловых кварталов крупных городов, где сосредоточена деятельность ведущих транснациональных корпораций, финансовых центров и политических столиц ведущих держав. 15 (15 Коллонтай В. Эволюция западных концепций глобализации (статья вторая) МЭиМО. 2002. № 2. С. 37.)

Итак, после окончания «холодной войны» сложились предпосылки появления качественно нового типа общности - трансграничного региона, причем он мог одновременно включать в себя в качестве акторов как государства, так и отдельные земли государств, что подчеркивает гетерогенность трансграничного региона в плане составных частей. При этом важнейшим компонентом трансграничного региона выступают сети многочисленных каналов и связей между этими акторами. Допускаются связи как между однотипными акторами, так и между акторами разных уровней (субрегион - государство). Необходимо понимать, что говоря о субрегиональных связях, каналах и сетях, следует видеть связь как между этими субрегионами в целом, так и между отдельными фирмами, образовательными учреждениями, неправительственными организациями, т. е. теми, кто наполняет субрегиональное сотрудничество конкретным содержанием.

Существование подобных трансграничных регионов с нечеткими и часто изменяющимися границами в условиях биполярного мира было затруднено, так как государства являлись единственными участниками международных отношений, и регионы (особенно на начальном этапе) основывались на межгосударственном (межправительственном) взаимодействии.

Современные регионы включают в себя две плоскости сотрудничества: межгосударственную и межрегиональную, причем региональная интеграция наилучшим образом достигается как раз на субрегиональном уровне. Это происходит в том случае, если эти субрегионы действительно являются акторами международного экономического сотрудничества (т. е. обладают возможностью независимо от своих государств устанавливать трансграничные контакты). Естественно, что при этом регион опирается на те или иные конкурентные преимущества. Роль же государств в этом процессе заключается в создании условий, поощрении установления таких связей, наделении микрорегионов большей автономией в международной сфере.

Необходимо отметить еще одну важную сторону сущности трансграничного региона: такой регион не есть территория естественно сложившаяся и изначально оформленная (таким свойством обладают внутригосударственные регионы). Обычно «естественность» того или иного трансграничного региона доказывается либо сходными географическими или культурными параметрами, которые «естественно» отделяют этот регион от соседних территорий, либо трансграничный регион первоначально появляется как политический проект или идея, но в дальнейшем он «оформляется» экономическими связями. Иными словами, трансграничный регион может быть первоначально искусственным образованием. В дальнейшем он принимает те очертания, какие ему предписывают, начинает развиваться по схеме, составленной трансграничными сообществами. Однако, зарождаясь искусственно как политический проект, постепенно трансграничный регион приобретает реальные экономические очертания.

Построение региона возможно на базе взаимного экономического интереса как стартовой точке, т.е. той области, сотрудничество в которой казалось наиболее естественным и актуальным для всех сторон, участие которых было выгодно авторам проекта. Вполне понятно, почему стартовой площадкой трансграничного сотрудничества становится экономика. Действительно, трудно было найти более подходящий и приемлемый для всех катализатор сотрудничества, свидетельствующий о необходимости трансграничного региона.

Другим доказательством постепенного конструирования реального региона является возникновение наднациональных и региональных экономических и политических институтов. Региональные международные экономические институты представляют собой форум для регулярных встреч и выработки совместных решений. Таким образом, конструирование международного региона есть основной источник экономической взаимозависимости в регионе. Для этого необходимы региональные институты экономического управления, причем выживаемость региона, уровень его хозяйственной интеграции находятся в прямой зависимости от степени прочности этих институтов. Важным является также вопрос, какого уровня институты необходимы? По мнению автора, две плоскости сотрудничества трансграничных регионов предполагают необходимость существования «как минимум» двух региональных институтов: на государственном и субрегиональном уровне. Кроме того, существование этих институтов имеет смысл только в том случае, если они объединяют реальных акторов международной экономической системы.

Регион можно считать реально существующим, если он формирует организационную основу для экономики. В самом общем виде можно предположить, что экономический регионализм представляет собой совокупность процессов воспроизводства, базирующихся на специфике территориальной структуры экономики, культурных форм, природных и трудовых ресурсов. Становление целостных механизмов и структур воспроизводства в процессе развития порождает регионы различного уровня сложности, которые могут локализоваться на тех или иных участках территории, прикрепляться к ним и опираться на определенные комплексы природных ресурсов. Наличие трансграничного региона, равно как и его границы, определяются характером программ экономического взаимодействия и реальной хозяйственной практикой.

Регионализм как тенденция мирового развития имеет две ипостаси. Изначально следует учитывать некоторые различия, специфику регионализма в России, проявляющиеся в условиях переходной экономики и территориальных масштабов нашей страны. С одной стороны, далеко не все признаки регионализма проявляются в России, с другой стороны, наша страна объективно влияет на регионализм, вкладывая в это понятие особый смысл.

Сегодня регион, с одной стороны, фактически признанный элемент системы международных экономических отношений, которая складывается в крупных политико-географических зонах. Подобное понимание региона политологами в современной научной литературе становится все более употребимым. (Силин Е. Россия в Евroatлантическом регионе // Власть. 1998. № 12; Малыгин А. Средиземноморское измерение европейской безопасности // Власть. 1999. № 7; Сергунин А. А. Регионализация России: роль международных факторов // Полис. 1999. № 3.) Однако определение региона как «обширного территориально го массива, большого района, охватывающего в России несколько областей и т.п., в других странах соответствующие (территориальные и т.п.) единицы» (Халилов В.Ф. Власть // Кратологический словарь. М., 1997. С. 328.) для нас соответствует методологическому критерию необходимости, но не обладает исчерпывающей достаточностью.

Регион может включать и группу стран. Регион выделяется по сходным экономическим, социально-политическим и иным особенностям. Л.Г. Олех также дает определение региона, которое невозможно операцио нализировать в системе экономической науки: : «Регион - это самодоста точный социальный организм, находящийся в единстве со своей средой, обладающий физико-географическими, культурно-цивилизационными, экономическими, культурно-историческими, политико-административными и правовыми свойствами и свойствами и выступающий механизмом демократи ческой федерации». (Олех Л.Г. Регионализм и федерализм. Новосибирск, 1998. С. 124.)

Политологические аспекты понятия «регион» подчеркивает и известный исследователь региональной политики в ЕС А. Ландбассо, который пишет: «Если первый этап развития регионалистики характеризовался феноменологией, а второй - рационализмом и плюрализмом, то нынешний ... в своей основе идеократический, плюс к этому - он пронизан антропоцентризмом и одновременным отходом от так называемых общенациональных идей и доктрин... властно-правовой контекст, в который вписан данный регион, настолько важен, что может перевешивать даже материальные детерминанты». (Ландбассо А. К вопросу о теории регионального развития // Федерализм. 1998. № 1. С. 42.) С политологической точки зрения регионализм может быть определен как тенденция развития социума, предполагающая ослабление власти централизованного государства и усиление властных полномочий юридически оформленных (или не оформленных) территориальных общностей различного типа. Регионализм можно трактовать как совокупность процессов реформы власти по линии «центр - периферия». По определению В.В. Алексеева, «регионализм - это политико-экономическое движение за самостоятельность территориальных сообществ в области социально-экономических и этнокультурных прав». (Алексеев В.В. Регион-этнос-культура // Россия в XX веке. Проблемы межнациональных отношений. М., 1999. С. 90.) Представляется, что в данном случае автор использует узкодисциплинарное понимание понятия и применяет его для универсальной научной категории.

Политологические определения региона дают нам достаточно важное понимание того факта, что в основе регионообразования лежат не только объективные экономические факторы, но и субъективные, политические. Однако экономическая сущность региона нуждается в теоретическом анализе.

Регион не является только географической категорией, т.е. нельзя отождествлять понятия «регион» и «территория». Территориальная составляющая существенна для любого региона, поскольку она является базисом как его формирования, так и его существования. Любой регион представляет собой территорию, но одного территориального компонента недостаточно для того, чтобы назвать территорию регионом. Необходимой предпосылкой формирования региона на определенной территории является наличие специфики экономического состава и организации. Однако существует еще один аспект проблемы. Для формирования региона мало иметь специфику, необходимо ее позиционировать. В связи с этим возникает вопрос о региональном менеджменте как форме управления. Появление региона связано с практической самоидентификацией определенной территориальной общности.

Усиление роли регионов в современном мире дает основание говорить о возможности появления в их лице новых политико-территориальных образований и становления их как субъектов региональной экономической политики и международных отношений. Особенностью формирования регионов является их трансграничная сущность или, по крайней мере, необязательность принадлежности к территории одного государства. Но все это не отрицает сохраняющегося влияния административно-территориального (территориально-политического) деления конкретного государства. Регион может обладать свойством пограничности, но не быть включенным в процессы формирования трансграничной общности. С одной стороны, для небольших государств не наблюдается четкого разъединения пограничных функций в пространстве, так как основная часть территории страны рассматривается как пограничная зона. С другой стороны, к более крупным странам применима модель М. Мунтяна. Он выделяет три группы факторов и соответственно три уровня становления и развития международных регионов. 21 (21 Мунтян М.А. Интернационализация, интеграция и регионализация мира (постановка проблемы) // Проблемы глобальных и региональных процессов. М., 1996. С. 125.) Первая группа - факторы предпосылочного характера - географический, социально-психологический, культурологический и т. п. Вторая группа - факторы, составляющие основу, сердцевину региона, - экономические. Третья группа - факторы, обладающие при любой конфигурации регионального строения субъективно-волевым характером, - политические. Отсутствие первой группы факторов, утверждает автор, существенно ослабляет систему региональных отношений, а отсутствие второй или третьей - приводит к ее разрушению.

В результате свойства и контуры региона могут меняться в зависимости от динамики этих отношений или под влиянием иных факторов (например, столкновения интересов нескольких стран). Внутри региона выделяются субрегионы - локальные группы государств с более тесными и имеющими свою

специфику по отношению ко всему региону в целом взаимоотношениями. Подобная политика в Европе базируется на Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. (К этой конвенции присоединилась и Россия.) В Протоколе № 2 к Европейской рамочной конвенции о сотрудничестве в приграничных областях между органами местного самоуправления или местными властями в рамках межтерриториального сотрудничества отмечено: «В настоящем протоколе под термином «межтерриториальное сотрудничество» понимается любая форма согласованных действий в целях установления отношений между местными органами самоуправления или властями двух или нескольких договаривающихся сторон...». Этот вопрос будет рассмотрен более подробно далее.

Идеальным условием региональной самоидентификации является появление лидера, лоббирующей группы и юридически оформленного представительства в уже существующих органах власти. В определенных случаях возможно создание нового политического представительства. Таким образом, образование региона представляет собой абсолютное преобладание процессов автономизации и дезинтеграции социально-территориальных общностей различного уровня. Под субъектом автор понимает минимальную единицу организованной социальной общности, существующую на определенной территории. Как правило, размеры, степень и характер самоидентификации такой общности не позволяют ей стать самодостаточной структурой, поэтому внешние связи для нее более существенны, чем внутренние. Примером территориальных субъектов, существующих в современном мире, могут быть муниципальные образования, различные государственные районы или даже меньшие субъекты.

Территориальные субъекты обособляются от уже сложившихся структур взаимоотношениями, которые по тем или иным причинам перестают удовлетворять их интересам. В определенной степени происходит переориентация с внешних связей на внутренние. В современных условиях, когда основной формой территориальной организации общества является государство, можно говорить о процессе обособления субъектов от сложившихся государственных структур, выражающимся в децентрализации власти внутри государства.

Одновременно происходит процесс интеграции с другими или теми же субъектами на новой основе и создание новых структур «негосударственного образца». Объединение субъектов в регионы происходит по принципу «взаимного притяжения». Факторами, обуславливающими притяжение региональных субъектов, являются:

- экономические выгоды, получаемые от взаимного сотрудничества;
- необходимость политического объединения для достижения поставленных задач;
- идентичность, которая может выражаться в объединении по национальному признаку;
- общая история или ее ключевые элементы;
- географический фактор, на основе которого происходит объединение территориальных субъектов в регион.

Автор считает, что наиболее сильным фактором регионализма является экономический. Именно территориальное разделение труда, формирование экономических рынков, торговля всех уровней и типов, свободное движение капитала, трудовых ресурсов и товаров, интересы хозяйствующих субъектов могут обеспечить экономическую заинтересованность территориальных элит в развитии регионализма. Преодолеть достаточно сильное влияние фактора государственной принадлежности территории и имеющее административно-территориальное деление можно лишь на основе четко сформулированного экономического интереса. Впрочем, и в условиях глобализации формирование экономических рынков, торговые и инвестиционные потоки и интересы компаний могут не совпадать с государственной территорией и имеющимся административно-территориальным делением. Таким образом, складываются предпосылки для регионализма на основе общих для группы территориаль-

ных субъектов экономических интересов. Экономический фактор не единственный при определении границ трансграничного региона, но, вероятно, главный. В его основе лежат особые экономические отношения, складывающиеся между входящими в данный трансграничный регион территориями национальных государств.

Глобализация и сопровождающее ее дерегулирование расщепляют хозяйственные комплексы не только в развивающихся и бывших социалистических странах, но и в успешных мирохозяйственных центрах. В силу этого депрессивные регионы - символ мирохозяйственной периферии - проявляются в самых развитых государствах.

Таким образом, можно выделить две взаимосвязанные формы регионализма: внутригосударственную и международную. В первом случае имеет место процесс формирования внутригосударственных регионов, когда происходит объединение субъектов внутри государственной территории. Во втором случае мы сталкиваемся с важной тенденцией мирового развития. Рассмотрим генезис указанных тенденций.

Реализация регионами своих внешнеэкономических интересов осуществляется посредством влияния на центральную власть изнутри, в рамках системы государственной власти. Международная деятельность регионов осуществляется в таких сферах, как:

- территориальная система управления;
- трансграничное сотрудничество;
- экологическая и культурная безопасности, невоенные аспекты безопасности;
- привлечение международных ресурсов для региональных программ;
- экономическое и гуманитарное сотрудничества.

Выход территориальных субъектов и регионов на международный уровень обусловил появление формы международного регионализма. Межгосударственный регионализм рассматривают с различных точек зрения. Как правило, его расценивают как элемент модернизации и прогресса. При этом регионализм часто признается угрозой государству, несущую опасность фрагментации, сепаратизма. Фактически регионализм отличается по характеру, также как по силе, и невозможно создать единственную модель (или теорию), объясняющую все варианты. Существующие в современном мире транснациональные регионы формируются прежде всего на экономической основе. Как правило, это своеобразные индустриальные, торговые и финансовые коридоры, системы осуществления транзакций, связывающие ведущие индустриальные центры. Каркасом формирования транснационального региона является некая система экономических взаимосвязей, выгодных участникам региона. Сам по себе экономический регионализм не должен и не может быть принципом создания нового мирового экономического порядка. Экономический регионализм скорее неизбежное следствие существования различных региональных торговых зон и торговых союзов. Сотрудники Гамбургского института экономических исследований, рассматривая влияние западно-европейской, североамериканской и азиатско-тихоокеанской интеграции на развитие мировой торговли, показывают, что уже в начале 90-х гг. на долю европейского региона приходилось 32% мирового производства, американского - 30%, азиатско-тихоокеанского - 23%. (Hormats R. Making regionalism safe // Foreign affairs. 1994. Vol. 73. № 2. P. 97, 98.) Таким образом, еще до «проявления» экономических последствий распада социалистической системы три макрорегиона охватывали 85% мирового производства.

Особенностью современного экономического регионализма является то, что большинство экспертов не считает региональную интеграцию альтернативой мировому рынку в целом. Региональные группировки, даже такие мощные, как ЕС, с экономической точки зрения являются лишь объединениями, призванными совместно защищать свои рынки и завоевывать чужие. Региональная интеграция не

может эффективно препятствовать дальнейшему развитию мировой торговли и процессу ее либерализации. Процесс регулирования торговых отношений между интеграционными блоками замкнут на универсальные структуры, такие, как Всемирная торговая организация (ВТО), Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР).

Итак, усиление регионализма в современном мире на первый взгляд противоречит тенденции глобализации. Тем не менее глобализация и регионализм - понятия взаимосвязанные. Одновременное существование тенденций регионализма и глобализации в современном мире и их взаимозависимость приводят к ослаблению роли государства. Эффект децентрализации при этом может рассматриваться как следствие глобализации и регионализации.

Эти взаимосвязи в большей степени видны при рассмотрении отличий «нового регионализма», существующего международным отношениям конца 20 в., от регионализма, существовавшего ранее. Профессор Бьорн Хеттне предлагает следующую классификацию этих отличий 23 (Hettne B. Globalization and the New Regionalism. Vol. № 1. London, 1999. P. 7, 8.) (см. таблицу).

Таблица 1

<i>Старый регионализм</i>	<i>Новый регионализм</i>
Существовал в условиях биополарности	Развивается как современная версия многополярности
Формировался в значительной степени "сверху", под контролем двух конкурирующих сверхдержав	Формируется "снизу", т.е. процесс современной регионализации содержит элементы спонтанности и автономии его акторов
Носил протекционистский характер	Стремится к реализации идей "открытого регионализма", совместимого с экономической взаимозависимостью
Как правило, четко ориентировался на решение либо экономических проблем, либо проблем безопасности	Более многомерен, поскольку включает в себя торговое-финансовое, экологическое, социально-политические и иные измерения
Включал в себя исключительно отношения между суверенными государствами	Предполагает участие негосударственных и субнациональных акторов

Подведем некоторые итоги. Ведущими акторами мировой финансово-экономической системы остались государства, но усилилась роль региональных группировок, международных организаций и новейших образований в лице транснациональных корпораций, способных оказывать существенное влияние на мировые финансовые рынки. Однако неравномерное экономическое развитие стран и конкуренция между ними не исчезли, глобализация даже усилила этот процесс.

Новый регионализм действительно оказывает влияние на привычную роль государства. Это изменение на первый взгляд можно определить как уменьшение роли государства. На самом же деле современное государство просто модифицирует рычаги управления экономикой. К примеру, механизм принятия решений финским государством в области приграничного сотрудничества частично «перехал» в штаб-квартиру ЕС, но при этом комиссия европейских сообществ стала соответственно механизмом государственного воздействия на экономику. Механизмы региональной политики стран

ственно разобщены, но функционально едины. Именно государство сыграло важную роль в формировании открытой экономики: оно взяло на себя функции стимулирования экспортных производств, поощряя вывоз товаров и услуг, содействуя кооперации с зарубежными фирмами, развитию внешне-экономических связей. Создана прочная правовая база, облегчившая приток внешних инвестиций, технологий, рабочей силы, информации. В результате единство рынка подтверждается финансовыми операторами по обменным курсам, облигациям, акциям. Сохранение роли государства аргументируется и интересами экономической безопасности. К. Курц - экс-президент Американской политологической ассоциации в своей статье «Глобализация и американская мощь» отметил: «Государства выполняют жизненно важные политические социальные и экономические функции, и ни одна другая организация не соперничает с ними в этом отношении». И далее: «Мы не должны задаваться вопросом о том, что случится с обществом и экономикой, когда государство начнет отмирать, поскольку мы имеем на этот счет слишком много примеров. Наиболее очевидным является Китай в 1920-х и 1930-х гг. и многие африканские государства после обретения ими независимости, а также в настоящее время постсоветская Россия. Чем менее достаточным является государство, тем более вероятно, что оно распадется на составные части или окажется неспособным адаптироваться к транснациональным переменам. Вызовы меняются, но государства выдерживают». (Цит. по: Земляной С.Н. Глобализация и национальная идентичность // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2001. № 3. С.7.) Приведенный тезис может быть отнесен и к России 90-х гг. 20 в.

Глобализация ведет к превращению экономики мира в глобальную экономику. На сегодняшний день глобальная экономика не равнозначна экономике всей земли. Глобальная экономика не равна мировой экономике и не охватывает все экономические процессы на Земле, она не включает в себя все территории и всех людей с их деятельностью, хотя и непосредственно или опосредованно влияет на уровень жизни всего человечества. Глобализация как тенденция распространяет свое влияние на весь мир, но даже сегодня существуют автономные экономики отдельных стран, отраслей и регионов. Именно здесь скрыты дополнительные движущие силы регионализации

В России пока не сформировалось единого мнения по отношению к проблеме экономической глобализации. Ее угрозы и возможности слабо учитывает практика внешнеэкономической политики. Широко распространено отрицательное отношение к идее глобализации.

Аргументы противников можно свести к тому, что глобализация:

- неизбежно ведет к модернизации и вестернизации, и это рассматривается как естественный ее результат;
- означает на деле усиление американского влияния и насаждение в мире американского образа жизни, вынуждает другие страны идти на уступки США;
- ведет к кризису и устареванию государства, утрате государственного суверенитета и иностранному вмешательству во внутренние дела независимой России;
- не соответствует нашим экономическим реальностям и не дает России никаких выгод.

Глобализация мировой экономики наряду с дополнительными возможностями социально-экономического прогресса и расширением человеческих контактов порождает и новые опасности (особенно для экономически ослабленных государств), усиливает вероятность крупномасштабных финансово-экономических кризисов. Растет и риск зависимости экономической системы Российской Федерации от воздействия извне. Глобализация, по мнению профессора Клауса Зегберса, предполагает «сужение (или даже исчезновение) возможности развиваться особым образом, уклоняться от движения торной дорогой, а следовательно, сокращение возможности для правительства или общества выбрать некий собственный путь».25 (25 Зегберс К. Сшивая лоскутное одеяло... (Шансы и риск глобализации в России) // Pro et Contra. Осень 1999 г. Т. 4. № 4. С. 65.) Если это так, то возникает вопрос об эффективности и целесообразности противостояния глобализации в экономической сфере. Вероятно,

в интересах России - полноформатное и равноправное участие в разработке основных принципов функционирования мировой финансово-экономической системы в современных условиях. При этом следует учитывать, что глобализация обусловила во всем мире процесс унификации и встречную тенденцию росту местной идентичности территориальных субъектов и размыванию территориальной структуры государств, т.е. создала условия для усиления регионализма. Очевидно, что для России, уже испытавшей первые последствия экономической модернизации по вульгаризированному, заимствованному, западному образцу, данное обстоятельство следует учитывать. Однако и в других странах социокультурные процессы в глобализационном контексте протекают неравномерно и болезненно. Как отмечает А. Смит, «принимая во внимание разнообразие мира в части исторического опыта стран, глубину исторической памяти народов, их представлений о своей самобытности, определяющей национальную идентичность индивидов, говорить о глобальной культуре несколько преждевременно». (Smith A. National Identity. London, 1991. P. 8.)

Глобализация может дать определенный положительный эффект в российских условиях. Закрыться, изолироваться от мировых тенденций еще можно. Сценарий построения закрытого общества «бутанского» типа теоретически возможен, здесь, бесспорно, помогут имеющиеся ресурсы. Однако он не может рассматриваться как оптимальный сценарий. Не предваряя дальнейших выводов, автор считает реформы Петра Великого оптимальной формой соотношения между привлечением западных ресурсов всех видов и внутренней мобилизацией. Используя тенденции глобализации, Россия может получить доступ к технологиям и информации, улучшить свое положение в структуре мировой экономики. Сказанное не означает бездумного заимствования или копирования идеологических и экономических стандартов западной цивилизации. Надо полагать, что эйфория российских политиков, связанная с надеждами на безвозмездную помощь Запада, прошла безвозвратно. Очевидно, что развитые постиндустриальные страны видят в России не равноправного партнера, а дешевую сырьевую базу и рынок сбыта. По данным ученых Института экономики РАН, наличные и потенциальные энергоресурсы не учитываются в объеме национального богатства страны. Поэтому Россия, занимая седьмое место в мире по численности населения, первое - по добыче газа, третье - по добыче нефти, четвертое - по выработке электроэнергии, пятое - по производству стали, удобрений и хлопчатобумажных тканей, седьмое - по производству целлюлозы, зерна и животного масла и даже одиннадцатое - по выпуску автомобилей, оказывается во втором десятке стран по объему ВВП.²⁷ (27 Абалкин Л.И. Смена тысячелетий и социальные альтернативы // Вопросы экономики. 2000. № 12. С. 37.) Строго говоря, и статистика ООН не расходится с приведенными оценками. Профессор Дипломатической академии МИД РФ В. Сироткин, ссылаясь на данные ООН, указывает, что в бывшем СССР только разведанных полезных ископаемых (нефть, газ, уголь, золото, алмазы, медь и другие) находилось на 30 трлн долл. больше, чем в любой другой стране мира (для сравнения: в США - на 10 трлн долл., в Китае - на 5 трлн, в ЕС - на 0,5 трлн).²⁸ (28 Сироткин В. Зарубежные «клондайки» России: кто и когда их освоит? // Евро 2000. № 5. С. 33.) Очевидно, что, обладая подобными сырьевыми ресурсами, можно надеяться на успех участия в мировой экономике.

Еще один аспект влияния глобализации на региональную специфику России связан с тем, что уровень экономического развития российских регионов резко различен даже на уровне международных сопоставлений. По расчетам Б. Болотина (ИМЭМО РАН), среднедушевой валовой региональный продукт (ВРП) 10 регионов-лидеров составил в 2000 г. 9,20 тыс. долл. по показателям покупательной способности (ППС), что ставит их вровень лишь с высшим эшелонem развивающихся стран (Таиланд, Малайзия, Чили, Мексика, у которых этот показатель 7-13 тыс. долл. на человека). Низшая десятка регионов РФ со среднедушевыми значениями ВРП 1,5-3,0 тыс. долл. скатилась до уровня Уганды, Кении, Бирмы, Непала и Филиппин. (Болотин Б. Регионы России на мировом фоне // Год планеты ... 2001. М., 2001. С. 163.) Подобная дифференциация неизбежно требует разнообразных моделей преодоления подобного кризисного состояния. При этом очевидно, что некоторые из этих моделей могут быть заимствованными.

Российская экономическая политика сегодня должна базироваться на глубоком анализе и учете современных противоречий как между США и Европейским Союзом каждой страной Европы в отдельности. Эти противоречия уже сейчас актуализируются тем фактором, что западные цивилизации,

потеснив Россию в тех социально-экономических нишах, которые ранее занимал СССР, ничего ей взамен не предложили, кроме рекомендаций и программ, приспособляющих ее экономику и государственность к потребностям Запада, и торговли сырьем.

Глобализация в ее сегодняшнем виде не требует от России отказа от суверенитета. Вопрос о создании единого мира на основе нового экономического правопорядка встанет лишь на завершающем этапе глобализации мировой экономики, поэтому выдвигать в споре вокруг глобализации аргумент об утрате суверенитета в настоящее время некорректно. Проблема в другом. С одной стороны, глобализация «обрушилась» на Россию всей мощью накопленного потенциала, с другой - сама Россия подвергается ее воздействию в тот период, когда потенциал реагирования страны не велик. Профессор О.С. Пчелинцев отмечает, что подобная ситуация признается и нашими западными коллегами и приводит мнение директора Амстердамского Транснационального института Ф. Дав: «В Россию капитализм пришел уже сразу в своей глобализированной и неолиберальной форме. Поэтому основные группы интересов, определяющие развитие России, формируются не национальной буржуазией, а транснациональными корпорациями, имеющими мало связи с российским или каким-либо другим периферийным обществом. В этом смысле Россия, вопреки своей географии, примкнула к странам «глобального Юга»».(Пчелинцев О.С. Российский экономический рост в 1999-2000 гг. в региональном и глобальном контекстах. Проблемы прогнозирования // Вопросы экономики. 2001. № 4. С. 37.)

Более того, если задаться целью противостоять американскому влиянию в мировой экономике и политике, то рациональнее не прятаться за национально-государственным суверенитетом, а активно участвовать в глобализационных процессах. (При этом, создавая такой единый экономический правопорядок, который выгоден России.) Указанная задача достаточно сложна. Тем не менее экономическую глобализацию уже сейчас можно использовать к нашей выгоде. Ведь экономические и политические интересы Запада, вовремя распознанные в контексте глобализации, могут позволить России вести жесткую прагматическую политику. Относительная свобода пользования информацией, большая доступность передовых технологий создают для России дополнительные возможности для преодоления определенного технологического отставания. Как отмечает академик Л. И. Абалкин «... беда не в самой глобализации, а в политических и экономических механизмах ее регулирования. Человечество не бессильно перед угрозами глобализации, оно в состоянии - в планетарном масштабе - наиболее разумно и успешно направить ее ход. Потенциально глобализация позволяет резко повысить эффективность производства, ослабить экологические последствия роста, более равномерно распределять богатство между богатыми и бедными». (Абалкин Л.И. Смена тысячелетий и социальные альтернативы // Вопросы экономики. 2000. № 12. С. 37.) В случае самоизоляции необходимо уметь прогнозировать последствия тех конфликтов, которые станут неизбежными, если Россия вступит на путь экономического сепаратизма и откажется от международного разделения труда и борьбы за свое место в мировой экономике. Сегодня Россия практически впервые оказалась в ситуации монополярного мира, центр которого расположен в стране, ставшей апологом глобализации.

Теоретикам экономического сепаратизма следует помнить, как США и Европа «открывали» рынки Японии и Китая в 19 в. Попытки изоляции столь ресурсообеспеченной страны в 21 в. могут привести к еще более негативным последствиям. В проектах самоизоляции нашей страны есть некоторая логика. Крупная и богатая ресурсами страна может свести контакты с мировой экономикой к минимуму без особого ущерба для себя (в отличие, скажем, от Бельгии или Южной Кореи). Тем не менее в долгосрочном плане самоизоляция привела бы к полному экономическому застою. Отрицательные последствия несет не глобализация сама по себе, а ее стихийный, неконтролируемый характер. Задача не в том, чтобы остановить глобализацию, а в том, чтобы иметь такую внешнюю и внешнеэкономическую политику, которая способствовала бы проявлению положительных сторон этого процесса. Сегодня российская экономика не может развиваться без учета комплекса факторов, называемых в совокупности «российской спецификой». Глобализация означает не только определенную унификацию, но и учет региональных различий, включающих все: от климата до специфики технологического уклада российских предприятий. Вступление в ВТО должно осуществляться в буквальном смысле «под прикрытием» защитных мер и в сопровождении комплексной инвентаризации российской экономики, предусматривающей учет как конкурентоспособных, так и отстающих отраслей. В макроэко-

номическом плане представляется желательным общее повышение уровня конкуренции в российской экономике как за счет активной антимонопольной политики, так и на основе продуманного и взвешенного расширения зарубежной конкуренции. Необходимо сформулировать и реализовать в России доктрину «нового сбалансированного протекционизма», учитывая ющую и переходный характер нашей экономики.

Внутригосударственный регионализм в России имеет двойственную природу. С одной стороны, он существует в рамках действия базовых тенденций мирового развития. С другой - здесь, очевидно, существует российская специфика, связанная со следующими факторами:

- возникшими новыми задачами, связанными с функционированием межрегионального рыночного и информационного пространства;
- величиной территории России;
- дифференциацией природных условий;
- пространственным рассредоточением элементов производительных сил на обширной территории России;
- необходимостью проведения согласованной межрегиональной структурной, инвестиционной, социальной, внешнеэкономической, финансово-кредитной, экологической и научно-технической политики;
- целесообразностью перевода многих функций государственного управления на региональный уровень.

Сегодня очевидно, что федеральные органы управления даже в условиях централизации не способны решить все местные проблемы, более того, они и не должны их решать. Практика управления дальневосточной энергетикой из федерального центра это подтвердила достаточно убедительно. Однако в России недопустим стихийный характер реформирования территориального управления. Целесообразен иной вариант, при котором центральное правительство изначально берет на себя функцию оптимизации управления. Эта схема характерна для федеративных государств, но не использовалась в России вплоть до 1999 г. Эксперты неоднократно указывали на это обстоятельство. В 1999 г. Н. Петров, один из ведущих экспертов фонда Карнеги, указывал: «Нынешние отношения между Центром и регионами долго сохраняться не могут. Они не переживут политический режим». (Петров Н. Регионы России или Россия регионов: перспективы территориально-государственного переустройства страны // Брифинг Московского центра Карнеги. Т. 1. Вып. 3. 1999. Март. С. 5.) Все оказалось именно так. Отношения между Центром и регионами не пережили систему организации, а точнее, дезорганизации власти, которая была сформирована в 1990-1999 гг., и именно поэтому для нас в 2001 г. было более важно определить те тенденции развития общества, которые определили бы территориальное устройство страны в новом тысячелетии.

Новый регионализм, как и процессы глобализации, несет в себе определенные вызовы для России. «Территориальный инстинкт» продолжает играть огромную роль в деятельности государств. Глобализация может восприниматься как вторжение какого-то внешнего фактора в сложившиеся внутренние структуры различных обществ. Российское сознание представляет глобальность как силу внешнюю и враждебную и достаточно часто не ошибается. «Вызовы глобализации для России тем острее, чем единство экономического пространства РФ очень ослаблено: Дальний Восток ориентируется преимущественно на Азиатско-тихоокеанский регион, а Северо-Запад ищет пути взаимодействия с Европой. Центр не в состоянии контролировать внешнеполитические действия субъектов федерации и выполнение ими своих обязательств. Многие регионы (к примеру, Татарстан) недовольны экономической политикой центрального правительства. В частности тем, что Москва смотрит сквозь пальцы на то, что фактически прекращен допуск российских товаров на рынки стран Восточной

Европы и Прибалтики (они ссылаются на более высокие стандарты, предъявляемые Евросоюзом к ввозимой продукции). Вступление Китая в ВТО может привести к тому, что и Пекин ужесточит требования к торговле с Россией». (Макарычев А. Западные рубежи России: проблемы безопасности и транснационального регионализма // Рабочие материалы Московского центра Карнеги. 1999. № 8. С. 4.)

Но и регионализация, понимаемая часто как процесс усиления в пределах территории набора параметров взаимной зависимости, может стать потенциально опасной. Весьма откровенно по этому поводу высказывался Грэм Херд: «Запад должен быть максимально полно вовлечен в российскую политику, чтобы заполнить вакуум в области безопасности, образовавшийся в связи с упадком федерального влияния в регионах». (Herd G. Russia's Baltic Policy After the Meltdown Security // Dialogue. 1999. N 30. P. 202, 203.)

Следовало вовремя рассмотреть вопрос о генезисе регионализации в России. Этот процесс в 90-е гг. 20 в. оказался настолько значителен, что поставил под угрозу само существование государства. Одной из важных предпосылок регионализации в России является национальный фактор. В Советском Союзе образовались новые нации, качественно более сильные и более сплоченные, чем исторические этнические сообщества, на основе которых они возникли, этим определяется уникальность российского коллективного национального самосознания. Этнополитические процессы в России приобретали значительную остроту, а при неконтролируемом их развитии в отсутствие устоявшихся властных структур могли стать и разрушительными для государственной целостности. Характер государственного развития России в этот период определялся несколькими факторами. Во-первых, это нарастающая геополитическая идентификация и самоидентификация в новой постсоветской территориально-политической структуре. Новое российское национальное самосознание формировалось на сложном экономическом субстрате, в результате некоторые аспекты этнических процессов приобрели геополитическое звучание. Проявилась этноцивилизационная ориентация, например, Татарстан, Чувашии, Башкортостана, кавказских народов на исламские страны, Удмуртии, Марий Эл, Коми - на Эстонию, Финляндию, Венгрию, Калмыкии и Бурятии - на буддийско-синтоистские государства, народов Севера - на соплеменников Норвегии, Финляндии, США (Аляски), Канады.

При этом характер межнациональных отношений был четко опосредован социально-экономической мотивацией. В этих условиях сформировалось мнение, о том что «...основными участниками федерации являются именно республики, а не области и края, иначе теряется, разрывается фактор многонациональности Российского государства». И далее, «...надо продолжать идти по пути усиления роли и места национально-государственных образований в составе Российской Федерации, предоставления им максимума суверенитета, прав, кроме тех, что будут добровольно самими субъектами переданы в ведение федеральных органов власти». (Шевоцуков П. Суверенитет республик в составе Российской Федерации // Международная жизнь. 1993. № 3. С. 92.)

В условиях практически полного бездействия Конституции РФ в 1991-1999 гг. межэтнические взаимодействия осложнялись несформированностью институтов федеративных отношений, отсутствием практических наработок в этом направлении государственной деятельности. В республиках действовали как унитаристские, так и сепаратистские тенденции, но последние преобладали. Суверенизация бывших союзных республик показала: самостоятельно жить, разбежавшись так стремительно и сокрушительно, отнюдь не легче. Даже и в национально-культурном развитии у новых государств пока больше проблем, нежели достижений. Распад Российской Федерации, особенно в условиях экономического хаоса и незавершенности государственных преобразований, имел бы для регионов губительные последствия, ввергая население в нищету. Однако предпосылки к такому распаду были заложены практически во всех конституциях, принятых бывшими автономиями. «Многообразие внутриполитического устройства регионов создало в высшей степени мозаичную картину, усложняющую процесс федерализации. Крупнейшие и экономически сильные регионы и федеральные города формально такие же субъекты Федерации как и, скажем, малонаселенная Эвенкия. Президентские республики со сверхстабильными лидерами и авторитарной клановой структурой не похожи на области, где в ходе выборов сложилась реальная конкуренция и произошла смена элит. Тренды политического

развития также разнообразны: на фоне формально демократических процедур усиливается клановость столичной власти, архаизируются, превращаясь в советский тип закрытой элиты, властные группы в большинстве республик; в некоторых же регионах, наоборот, уже началось перераспределение власти на низовой уровень». (Петров Н. Федерализм по-российски // Pro et Contra. Т.5. № 1. Зима. 2000. С. 21.)

Следует отметить, что дело не в том, что регионы сознательно создавали оппозицию центральной власти, скорее они просто принимали на себя ответственность за исполнение властных функций, преодолевая по мере возможности асимметричность российской модели федерации, которая связана как с различным уровнем полномочий и привилегий субъектов РФ, так и с разницей потенциалов регионов.

Существовал еще один аспект проблемы. Ряд экспертов, причем не только в России, но и за ее пределами, указывали на то, что «...Россия столь велика и разделена на множество частей, и в связи с тем, что не-русские регионы в рамках Федерации теперь, кажется, пользуются специальными привилегиями, многие русские, проживающие за пределами Москвы, сейчас рефедерализуют страну снизу. Только в течение прошлого года возникли многочисленные региональные группировки - в особенности на Дальнем Востоке, в Сибири и на Украине, - которые способствовали принятию около 14 тысяч законов, прямо противоречащих центральному законодательству. В отсутствие экономического роста, соответствующих административных структур или сдерживающих моментов, многие из этих регионов отдаляются от Москвы...». (Гобл П. Россия нуждается в национальной политике сегодня // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993. С. 62.)

Специфика современной ситуации в России заключается в том, что страна переосмысливает как свое внутренне территориальное устройство, так и взгляд на мир. Для большинства стран их национальные интересы сконцентрированы в рамках региона, к которому данная страна принадлежит или непосредственно примыкает. В результате внешняя политика этих стран «замкнута» на региональном уровне. Для крупных государств характерно наличие интересов не в одном, а нескольких политических регионах. Внешняя политика СССР, при всей ее глобальности, также имела существенную региональную структуру. Обозначения крупных регионов в практике советской дипломатии совпадали с направлениями и специальными задачами внешней политики. Рассмотрим в качестве примера предметно-тематический указатель к сборнику документов и материалов «За новое политическое мышление в международных отношениях». В сборнике специально выделяются следующие разделы - Азиатское и тихоокеанское направление во внешней политике КПСС, Европейское направление советской внешней политики и т.д. В ряде случаев употреблялись еще более «географизированные» названия. К примеру, понятие «Ближний Восток» употреблялось, как правило, в форме «ближневосточное урегулирование». Аналогичные трансформации пережила география внешней торговли и военно-технического сотрудничества.

Итак, отметим, что в 1990-1999 гг. у региональных и местных органов власти преобладало возрастающее желание участвовать во все более широком круге проблем экономического и политического управления. Субъекты Российской Федерации не имели возможности объединиться во внутригосударственные регионы, или же сами не желали этого. Вместе с тем необходимость добиваться реализации местных интересов заставляла регионы искать какие-то иные дополнительные ресурсы для укрепления собственного потенциала. Нарастающая автономизация, замыкание всей жизни в пределах региона приводят к реальной горизонтальной дифференциации экономического пространства. Этому способствовало и резкое уменьшение (вследствие реформы естественных монополий) пространственной мобильности населения, сокращение всех межрегиональных связей и контактов. «Тенденции регионализации и интеграции, - отмечал еще в 1994 г. академик РАН А. Гранберг, - конечно, противоречивы. Не исключено вырождение регионализации в региональный сепаратизм, разрушающий смысл реформы как общероссийской». (Гранберг А.Г. Региональная экономическая политика в стратегии реформ; Теоретические проблемы региональной политики и региональное реформирование. СПб, 1994. Кн. 1. С. 17.) Вероятно, сегодня об угрозе политического сепаратизма можно забыть, однако процесс экономической регионализации продолжается и под влиянием внешних факторов,

становится значимым фактором территориального развития.

Появление новых негосударственных акторов на международной арене становится все более закономерной особенностью мировых политических процессов на современном этапе. Основные теории международных отношений по-разному оценивают этот процесс. Либералистские концепции утверждают, что за новыми акторами - будущее, что тенденция к отходу от принципов Вестфальской системы миропорядка, основанной на приоритете суверенных государств в международных делах, является все более ускоряющейся и необратимой и т. д. Реалистские подходы, защищая базовое для них понятие национальных интересов, ищут доказательства, что новые акторы являются ни чем иным, как более утонченным и скрытым инструментом в руках суверенных государств⁴. Радикальные конструктивистские парадигмы объясняют происходящее через определение индивидуумов и элит в качестве основного субъекта международных отношений и мировой политики.

Однако при всей разнице интерпретаций и оценок сам факт того, что деятельность новых акторов приводит к постепенной эрозии Вестфальской системы, остается фактом. Это в числе прочих причин приводит и к тому неопределенному состоянию современного мира, к той недетерминированности его стратегического среднесрочного развития, которые в своей совокупности получили образное определение М.М. Лебедевой и А.Ю. Мельвиля как "переходный возраст современного мира".

В последнее время происходит и расширение круга наиболее значимых новых акторов. Ранее основными негосударственными участниками мировых политических процессов традиционно считались транснациональные корпорации, международные и неправительственные организации⁶. Сейчас же к числу новых акторов все чаще и обоснованней добавляются и внутригосударственные регионы, которые придают мировой политике новое измерение. Это акторы, которые ведут свою международную деятельность иногда вопреки государству, в которое они входят (сепаратистские регионы), иногда, пытаясь конкурировать с государством в стремлении показать свою самодостаточность перед ним (т. н. "сильные" регионы, "регионы-доноры" и т.п.). Такого рода международная активность внутригосударственных регионов, впрочем, а priori носит негативный, внесистемный характер. Однако помимо этих всплесков в последнее время внутригосударственные регионы начинают проводить международную деятельность, не пытаясь "насолить" государству, нейтрально, параллельно ему, дополняя его собственные международные проекты, а все чаще - и получая прямое поощрение со стороны государства насчет своих такого рода международных связей. Распространение такого рода явлений заслуживает особого внимания и заставляет говорить о появлении нового уровня в мировых политических отношениях - межрегионального.

В современной Европе это проявилось с особой силой. Причина этого - в том, что в Европе действовали дополнительные стимулы, трансформирующие традиционные представления о приоритете суверенных государств в международных отношениях. Две основных линии развития в настоящий момент расшатывают эту систему на этом континенте. Во-первых, это усиление надгосударственной федерализации в Европейском союзе, когда государства, его составляющие, фактически "делятся" частями своего суверенитета с наднациональными органами Евросоюза (в т. ч., по вопросам финансовой политики, таможенным барьерам, тарифному регулированию внешней торговли, определению ее номенклатуры, антимонопольным вопросам и пр.). Комиссия Европейского союза во все большей степени становится реальным "международным" правительством, которое переняло часть функций от национальных правительств стран - членов Евросоюза, и которые должны подчиняться ее решениям и директивам. В настоящее время постепенно начинается и развитие процесса по созданию надгосударственных европейских структур по вопросам внешней политики, политики в сфере безопасности, обороны, которые, как предполагается, также в значительной степени будут ограничивать суверенитет национальных государств - членов ЕС - в столь первостепенных областях.

Параллельно этому процессу размывания государственного суверенитета "сверху", а отчасти и вследствие его, в рамках Европейского Союза можно наблюдать и точно такую же тенденцию, происходящую уже "снизу", со стороны административных и исторически сложившихся регионов внутри национальных государств в ЕС. В последние годы все более очевидно усиление их роли в процессе

принятия решений в Европейском Союзе, а в ряде вопросов (сельское хозяйство, рыболовство, проблемы островных и прибрежных территорий, деятельность структурных фондов ЕС и пр.) мнение регионов уже фактически начинает конкурировать с мнением центральных правительств национальных государств. Более того, мнение и позиция внутригосударственных регионов начинает влиять и на Общую внешнюю политику и политику в области безопасности ЕС, в результате чего гармонизировать и коррелировать региональные и государственные интересы приходится уже на наднациональном уровне.

Помимо этого, единый рынок позволяет внутригосударственным регионам ЕС играть более активную и самостоятельную роль во внешнеэкономических связях. Одновременно происходит и процесс освобождения политических сил регионов от постоянного и жесткого контроля со стороны национальных правительств. Реальностью, с которой надо считаться, стало общеевропейское межрегиональное сотрудничество. Укрепляется и идея о необходимости внедрения принципов налогового федерализма во всех европейских государствах, в т. ч. и в унитарных. Трансграничное экономическое сотрудничество регионов постепенно размывает и национальные протекционистские барьеры. Единый рынок постепенно формирует и новую экономическую географию Европы, определяемую уже не одними только национальными границами⁹. Региональная компонента начинает играть в ней все большую роль.

Кроме того, благодаря Комитету регионов ЕС, а также Конгрессу региональных и местных властей Европы под эгидой Совета Европы и различным межрегиональным ассамблеям регионы этих государств имеют свой постоянный форум, через посредство которого их голос, их позиция могут быть услышаны на общеевропейском уровне и получить самый широкий резонанс. В частности, в рамках вышеупомянутого конгресса проходила активная разработка Европейской хартии по региональному самоуправлению, по аналогии с Европейской хартией местного самоуправления¹⁰.

Становится очевидным, что такое положение вещей вынуждает центральные правительства государств в гораздо большей степени учитывать позицию регионов при определении своей собственной политики, в т. ч. внешней и внешнеэкономической. Показательно также и то обстоятельство, что если еще 3-4 года назад слишком активная и самостоятельная деятельность наиболее сильных регионов Европы напрямую в структурах ЕС, а также Совета Европы, минуя посредничество и представительство со стороны государств, вызывала порой открытое раздражение центральных правительств, то теперь государства вынуждены во все большей степени камуфлировать это свое недовольство прямым выходом регионов на общеевропейский уровень, чтобы избежать негативных оценок в общественном мнении.

Более того, становится все более очевидным, что в будущем эта тенденция ко все большей регионализации внутри ЕС будет и дальше прогрессировать. И.Д. Иванов, на основе детального анализа соответствующего материала¹¹, фиксирует возникновение целой тенденции в экспертных оценках насчет того, что XXI век может ознаменоваться разукрупнением существующих национальных государств ЕС. Такая убежденность находит свое выражение и в среднесрочных прогнозах развития Европы, вырабатываемых сейчас официальными аналитическими центрами при ЕС. В частности, во второй половине 1999 г. был опубликован доклад подразделения прогнозных исследований при Еврокомиссии "Сценарии Европы - 2010", в схематичном виде представивших пять основных возможных направлений развития ЕС в течение грядущего десятилетия. И что характерно, согласно подавляющему большинству этих сценариев, роль регионов в ЕС будет качественно возрастать, а в ряде случаев они практически заменят национальные государства.

Наиболее ярко процессы регионализации проявляются в одном из таких сценариев, образно названном "Сотней цветов". Суть его в том, что центральные власти государств повсюду в Европе в силу прогрессирующей бюрократизированности оказываются не в состоянии эффективно отвечать на запросы гражданского общества. В результате под сенью общеевропейских структур большинство их функций переходит к региональным и локальным сообществам. Региональное и местное самоуправление становится единственным реально действующим механизмом власти и затмевает собой госу-

дарство. Это вызывает упадок центральных публичных властей повсюду в Европе - реализуется лозунг "жизнь без правительства".

В таких условиях происходит распространение различных форм приграничного сотрудничества регионов, в т. ч. и социального (по принципу do-it-yourself). Под него подводятся и соответствующие идеологемы, связанные с ностальгическим всплеском к межрегиональному доброму соседству, локальным акциям и пр., которые начинают оказывать доминирующее влияние на процесс трансформации идентичности в Европе. Совокупность этих новых идеологем и получает навеянную хипповскими ассоциациями образную характеристику "Сотни цветов".

Благодаря всему этому региональные и локальные сообщества в ЕС усиливаются на порядок по отношению к сегодняшнему дню, в том числе в своей финансовой самостоятельности, а также некоммерческой и коммерческой деятельности, как если бы центральных властей даже бы и не существовало. Большинство налогов (или квази-налогов) перемещается с государственного на региональный уровень. Происходит консолидация локальных профсоюзов и их трансформация, когда они начинают играть роль защитников всех граждан региона, а не только профильных рабочих, и постепенно становятся новой региональной квази-властью. И как правило все эти новые локальные сообщества открыты навстречу внешнему (и зарубежному) миру через информационное сотрудничество, партнерство и обмен опытом, причем не только внутри ЕС, но и с соседями в Восточной Европе, Средиземноморье и Африкой.

Одновременно с этим происходит и серьезное политическое расслоение уже не между государствами, а между регионами. Сильнейшие регионы получают значительное внешнее влияние и силу, в то время как другие могут опуститься до квази-средневековой анархии или же оказаться под контролем крупной локальной фирмы или мафии. Используя термины авторов сценария такую ситуацию можно охарактеризовать, как то, что некоторые регионы начинают впадать в летаргию, из которой в среднесрочном плане никогда не выйдут, другие же будут рваться вперед с огромным витальным потенциалом. Используя облегченные преимущества доступа к знанию в век высоких технологий, эти регионы стремительно развиваются под руководством нового поколения бизнесменов (заменяющих "старых" политиков-бюрократов). Не могущие отказаться от устаревшего стиля работы, администрации и политические системы столичных городов оказываются не способными идти вровень с этими региональными "микро-ренессансами" и потихоньку теряют свое влияние на реальные процессы.

Как видим, официальные прогнозные структуры ЕС не исключают возможности доведения регионализации в Европе до ее крайнего логического завершения и полной замены в рамках континента Вестфальской системы суверенных государств на новую систему - сообщество регионов, действующее лишь под общей эгидой ЕС.

Другие сценарии развития Европы хотя и не доводят процесс регионализации до его крайних пределов, тем не менее все равно отводят ему гораздо большее место, чем сегодня. В "оптимальном" сценарии, названном составителями сценарием "Разделяемой ответственности", и суть которого сводится к заключению всеми слоями общества и государства своего рода нового общественного договора "во имя Европы", регионализация также присутствует в полной мере¹⁴. Главенствующей в этом новом общественном договоре становится именно идея децентрализации управления на всех уровнях, и как только возможно полное делегирование полномочий и ответственности от центрального уровня власти - в регионы. Региональная политика в связи с этим также подвергается трансформации и основывается на т. н. системе региональных контрактов - своего рода договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между ЕС, национальными государствами и регионами¹⁵. Согласно этой системе регионы сами должны будут определять свои приоритетные задачи на каждые пять лет для того, чтобы государства и ЕС могли бы более адресно и скоординированно осуществлять им свою зонтичную поддержку. Внешние связи регионов как несомненный и неоспоримый фактор этой новой системы также не ставятся под сомнение.

Еще один сценарий - "Триумфирующих рынков" - основывается на торжестве в ЕС постулатов нео-

либеральной экономики, в которой самостоятельность и внешняя активность регионов также призваны занять ключевое место¹⁶. Однако в этом случае регионы в значительной мере лишаются изначальной поддержки со стороны ЕС и национальных государств. Вызванная данной политикой необходимость снижения госрасходов ЕС приводит к сокращению фондов, предназначенных для региональной политики. Этот шаг в совокупности с окончательным отказом от стратегии государства благоденствия и акцентом на свободный рынок приводит к усилению внутрорегиональных диспропорций и неравенства. В менее развитых странах ЕС эти процессы приводят к разрыву между городом и деревней, исходу сельского населения в города. В других регионах Европы это приводит к депопуляции "старых" городов и регионов и росту "новых", использовавших выгоды глобализации и информационного общества. Другие города и регионы будут стараться равняться на них, но это произойдет ценой усиления их зависимости от более продвинутых регионов. Такая тенденция, очевидно, может вызвать в свою очередь напряженность как между разными типами регионов, так и между наиболее продвинутыми регионами с одной стороны и целыми государствами с другой. Так, составители сценария предсказывают, что странам - кандидатам в ЕС из Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) придется столкнуться с тенденцией к сведению самих себя до статуса сателлитов для продвинутых регионов Германии и Скандинавии.

В результате, при всем различии данных сценариев общим очевидным выводом является то, что усиление роли регионального уровня в политике относительно национального - это тенденция, которая в той или иной форме реализуется в большей части данных прогнозов, и с которой необходимо считаться.

Этот процесс регионализации в значительной степени стимулирует и дебаты о внутригосударственной федерализации в европейских странах. Во многих из них регионы в последние годы требуют и добиваются юридического закрепления и фактического предоставления гораздо большего круга полномочий и предметов ведения внутри государства, в т.ч. относительно финансовых, налоговых и бюджетных вопросов, а также права выхода на международную арену. Это приводит к тому, что важнейшей характеристикой современного этапа развития в Европе является рост тенденций к региональной автономизации и федерализации унитарных государств, с одновременным трендом к меньшему доминированию государства в функционировании международных связей.

Самым показательным примером институционального оформления данных тенденций является активизация создания все новых т. н. еврорегионов между пограничными областями отдельных государств¹⁷. Знаковый характер получает процесс распространения еврорегионов на зону ЦВЕ, захватывая в свою орбиту и регионы из стран-кандидатов. Иногда трансграничные объединения регионов в Европе, как правило исторически разделенных, начинают приобретать и характер прямого вызова соответствующим национальным государствам. К числу таких примеров стоит отнести попытку австрийского Тироля и итальянского Трентино - Альто-Адидже основать свое общее представительство при ЕС.

В целом можно сделать вывод, что стремление внутригосударственных регионов стать более или менее самостоятельными акторами в международных связях, сопровождающееся при этом тенденциями к федерализации или большей федерализации внутригосударственного устройства, становится вполне выраженной тенденцией современного политического развития прежде всего в Европе.

Этот обще-ЕС-овский политический процесс начинает получать и свою идеологическую базу. Зачастую эти идеологемы регионализации вторгаются и в традиционную сферу национальных государств. К примеру, предназначение Комитета регионов ЕС многие видят ни в чем ином, как в установлении более тесных связей "между народом Европы и европейскими институтами"¹⁸, т. е. в том, что по идее должно составлять задачу как раз национальных государств. Вдобавок к этому весьма характерным является заявление, сделанное несколько лет назад генеральным директором по региональной политике и сплочению Еврокомиссии Энеко Ландабуру. По его мнению, "Европа государств" не смогла должным образом откликнуться на желания и запросы своих граждан¹⁹. Таким образом, на уровне идеологем регионы в Европе начинают постепенно конкурировать с государствами и кое в чем - и за-

менять их.

В связи с усилением регионализма новым идеологическим содержанием начинает наполняться и принцип субсидиарности, лежащий в основе внутреннего устройства ЕС. По мнению Вольфганга Майера, генерального секретаря Ассамблеи европейских регионов, субсидиарность должна рассматриваться как необходимый баланс между параллельно развивающимися на континенте процессами глобализации/европеизации, с одной стороны, и регионализма, с другой²⁰. Кроме того, введение в политическую практику и идеологию данных государств общеевропейской компоненты парадоксальным образом делает традиционное противостояние "центр (столица) - регионы" менее конфликтным. Внутригосударственные регионы как бы отходят в сторону от прямого выяснения отношений с национальным центром, получая новые уже трансграничные возможности для своего самовыражения. Звучат предложения и по реформе системы выборов в европейский парламент, проведения их не по национальным, а по региональным уровням и квотам.

Как у всякого явления, у процесса регионализации в Европе есть и обратная сторона медали. Одним из негативных последствий этого, как предполагают эксперты, может стать рост коррупции на региональном и локальном уровнях в связи с более широкими внешними возможностями, открывающимися перед регионами, и в то же время значительно меньшей, по сравнению с центральным уровнем власти, отлаженностью контрольных органов.

Отдельно в связи с этими процессами стоит остановиться на регионе ЦВЕ, на том большом стимуле, который процесс присоединения к ЕС дает к развитию регионализации в странах данного региона. Становится все более очевидным, что регионализация, в т. ч. зарождение и усиление внешних межрегиональных связей в этих странах идут в авангарде тех перемен, которые происходят в странах ЦВЕ в связи с их вступлением в ЕС. Часто именно межрегиональное сотрудничество (как в форме еврорегионов, так и в целом) называют наиболее мощным повседневным инструментом по подготовке стран Центральной и Восточной Европы ко вступлению в ЕС.

Все более очевидной становится серьезная социальная трансформация, наблюдаемая в странах и обществах Центральной и Восточной Европы. Резкое усиление национальной консолидации, которое характеризовало эти страны на этапе распада биполярной системы и связывалось с идеологемами "национального освобождения" и "возвращения в европейскую семью народов", кажется уже выполнило свое историческое предназначение. По мере того, как "освобождение" произошло окончательно и бесповоротно, а "возвращение в Европу" идет полным ходом (через присоединение к НАТО и приближение горизонтов вступления в ЕС), уровень и напряженность национальной консолидации в этих странах значительно снижаются. На смену обретению (по негативу) национальной идентичности в этих странах приходит осознание своей общеевропейской идентичности, и существующий набор европейских идеологем постепенно начинает играть все более значимую роль в общественном мнении в ЦВЕ. Одной из таких идеологических установок является усиление внешней роли регионов.

Надо отметить, что почва для ее восприятия в ЦВЕ уже в значительной степени подготовлена процессами становления и резкого развития местного и регионального самоуправления, которые проходят в странах этого региона.

Активный процесс становления местного самоуправления и выхода его и на региональный уровень является одной из наиболее характерных черт в динамике внутривнутриполитического развития в странах ЦВЕ. Последствиями этого процесса являются, с одной стороны, консолидация локальных сообществ, которые начинают ощущать себя как автономную данность с собственной замкнутой идентичностью, а с другой стороны, вызревание чувства самодостаточности собственной власти со стороны управленческих (квази-политических) элит этих локальных и региональных сообществ. Соответственно, по тенденции, роль центральных властей и государства в целом в их глазах постепенно трансформируется из определяющей доминанты в некую общую надстройку, которая призвана лишь коррелировать некоторые базовые процессы (оборона, основы валютной политики и некоторые другие) и не вмешиваться в повседневное управление, которые локальные и региональные сообщества осуществляют

сами по себе.

Центральные правительства этих стран находят и свою тактическую выгоду в этом процессе автономизации управления на местах и в регионах. Необходимость (по правилам европейского хорошего тона) реализации принципов местного и регионального самоуправления дает для них весьма удобный предлог для того, чтобы переложить часть серьезных финансовых расходов на реализацию процессов "демократического транзита" в экономике, социальной сфере и управлении на местные и региональные органы, снижая тем самым финансовую нагрузку на государство в целом²¹.

Эти процессы децентрализации власти и управления, и укрепления региональной идентичности стимулируют регионы стран ЦВЕ и к самостоятельному выходу на внешнюю арену, тем более, что современные европейские идеологемы (принятые в ЕС и СЕ) всячески это поощряют. Формируется и круг проблем, которые регионы как правило решают на внешней сцене непосредственно между собой, минуя государства. Это вопросы культурного сотрудничества, обмена опытом по повседневному управлению, вопросы внешней торговли товарами и услугами, производимыми в данных регионах, а также поиск инвестиций для крупных региональных проектов. Еще раз стоит подчеркнуть, что европейская идеологическая среда позволяет регионам осуществлять такого рода внешние связи как в рамках непосредственно соседского, приграничного сотрудничества, так и на общеевропейском уровне.

Немаловажным стимулом к внешней активности регионов ЦВЕ являются и открывающиеся возможности к получению прямой финансовой поддержки непосредственно от структур и фондов ЕС в рамках "pre-accession strategy". Отметим в этой связи, что Кельнский саммит Европейского совета в июне 1999 г. недвусмысленно ориентировал Европейский инвестиционный банк на выполнение этой задачи.

В связи с этой интенсификацией контактов между ЕС и странами ЦВЕ следует обратить внимание и на еще один важный феномен политической жизни государств ЦВЕ. В последние годы все более определяющим фактором внутренней политики этих государств становится внешний актор - Европейский Союз. Процесс вступления этих государств в ЕС привел к тому, что среднесрочное развитие практически всех областей внутренней политики в странах ЦВЕ следует рассматривать через призму образцов и постулатов ЕС, которые государствам региона необходимо скопировать чем скорее, тем лучше. Вопрос о том, насколько эти ЕС-овские модели организации управления можно будет безболезненно адаптировать в условиях постсоциалистических обществ с их структурным дисбалансом в экономике и структурной коррупцией²², остается открытым. По словам венгерского эксперта Андраша Шайо, политические элиты стран региона чувствуют себя обязанными создать "нечто адекватное по форме, чтобы быть принятыми Западом"²³. Обратной стороной необходимости для стран региона полностью воспринять и воспроизвести *acquis communautaire* перед своим вступлением в ЕС может стать насильственная ломка многих процедур и институтов, путем которых традиционно осуществлялось управление в этих странах. Объясняя такую тенденцию, чиновники Евросоюза прямо заявляют, что это "восточноевропейские государства присоединяются к нам, а не мы к ним"²⁴. Таким образом становится вполне правомерным моделировать среднесрочную политику государств в ЦВЕ, основываясь на концепциях зависимого развития²⁵. Это предоставляет исследователям пронаблюдать в чистом виде своего рода реальный эксперимент по воплощению теории зависимого развития на практике, поскольку вся стратегическая динамика политического процесса в странах ЦВЕ в среднесрочной перспективе определяется и корректируется внешним негосударственным актором (ЕС) в не меньшей степени, чем самими национальными правительствами в этих государствах. Итоги этого эксперимента в реальном времени могут внести весомый вклад в теоретическое осмысление современной мировой политики.

Этой же зависимостью от внешнего актора можно объяснить и вышеупомянутое стимулирование регионализма в странах ЦВЕ.

Однако помимо необходимости *volens nolens* воспринять западноевропейские парадигмы региона-

лизма, почва для него была вполне подготовлена самой спецификой постсоциалистических стран ЦВЕ. Прежде всего крах сверхцентрализованных социалистических режимов в качестве естественной реакции вызвал рост общественных ожиданий перед процессом территориальной децентрализации власти в государствах региона. Влияние этих регионалистских настроений в общественном мнении проявилось и в популярности в ЦВЕ концепций того, что регионы должны стать своего рода "мостом", который оптимально связал бы нарождающееся гражданское общество с центральными властями в государстве, этим же в том числе было вызвано и распространение в политических и экспертных кругах ЦВЕ либералистских концепций организации власти вообще, в которых самостоятельности внутригосударственных регионов как правило отводилось большое место²⁶.

Такой позитивный настрой общества по отношению к территориальной децентрализации в соединении с повседневными экономическими трудностями и нестабильностью переходного периода к демократии и рынку привел к тому, что среди достаточно широких слоев общества в странах ЦВЕ все более заметное место начала занимать идеализация локализма и регионализма²⁷. А это в свою очередь можно считать ключевым моментом в становлении региональной и локальной идентичности в глазах населения и ее постепенной конкуренцией с идентичностью общенациональной. Более того, как это ни парадоксально на первый взгляд, стремление обществ региона всеми силами "вернуться назад в Европу" и активное педалирование в связи с этим собственной общеевропейской идентичности прекрасно уживается с ростом локалистских и регионалистских настроений. Это можно объяснить тем, что оба этих отхода от национальной идентичности в своей совокупности прекрасно укладываются в известную связку понятий "большая родина - малая родина", которые начинают наполняться качественно новым содержанием в условиях европейской интеграции²⁸.

Эти новые идеологические парадигмы находят для себя и вполне реальные экономические обоснования. Наиболее развитые регионы ЦВЕ в случае усиления своей самостоятельности и выхода на общеевропейскую сцену могут приобрести гораздо больше выгод, чем они имеют в рамках только одного переходного от социализма к демократии государства. Слаборазвитые регионы, в свою очередь, также могут побороться за более широкую самостоятельность для поиска средств на поддержку из региональных фондов и фондов сплочения ЕС. Кроме того, для них возникает новая психологическая дилемма: что лучше - быть глухим углом, скажем, Польши или глухим углом Европы? В этой связи вполне вероятно, что "бедные" и "маргинализированные" в национальных рамках регионы могут гораздо более обычного стремиться использовать подвернувшиеся условия и выйти на внешний, общеевропейский уровень.

Весьма важным для развития регионализма в странах ЦВЕ представляется и институциональное оформление региональной самостоятельности, а также внедрение на региональный уровень форм самоуправления. Здесь ситуация в ведущих странах региона отлична друг от друга.

Самоуправление на региональном уровне в Венгрии было введено сразу же после краха социалистического режима на рубеже 1990-х гг. В Польше решение об этом было принято в 1998 г. Подписание президентом Польши Александром Квасневским 20 июля 1998 г. закона о реорганизации местного самоуправления в стране, выведение его на более высокий региональный уровень, параллельное учреждение промежуточного между регионами (воеводствами) и общинами (гминами) звена управления - повятов и резкое сокращение числа воеводств²⁹ - все это может вывести потенциальную регионализацию Польши на качественно более продвинутый уровень. В Чехии тенденции общества к становлению регионализма усугубляются тем фактом, что в ходе административной реформы 1990 г. провинции как промежуточный уровень организации власти были отменены, в результате чего между центральным правительством и массой фрагментированных муниципальных образований остались только рудименты районных структур управления, которые не имеют представительной составляющей. Все это создает понятные сложности в организации управления, в частности потенциала районных структур часто бывает недостаточно для того, чтобы эффективно координировать межмуниципальное развитие, а решать все серьезные проблемы на уровне центральных властей достаточно сложно. Поэтому, особенно в возможном преддверии вступления в ЕС с его акцентом на высоком уровне регионального развития, в Чехии вполне ожидаемо может развернуться своего рода

"борьба" за восстановление провинций, что резко усилит региональную идентичность граждан, причем на а priori конкурентной основе по отношению к их общенациональной идентичности.

С другой стороны, диалектика современного политического развития в странах ЦВЕ приводит и к тому обстоятельству, что усиление регионализма в них происходит не только в связи с процессом присоединения к ЕС, но и вопреки ему. Действительно, вышеизложенные осуществление внешнего воздействия со стороны ЕС на внутреннюю экономическую политику этих стран и реализация в них концепции зависимого развития приводят к тому, что ради великой цели - вступления в ЕС - приносятся в жертву субъективные интересы целых хозяйственных отраслей и групп. Все это приводит к подспудной, а иногда и открытой консолидации пострадавших от этого процесса (к примеру, в Польше, по ряду экспертных оценок, вполне возможна активизация анти-ЕСовских лоббистских групп в ходе следующих выборов в парламент). Этот же фактор приводит к усилению регионального сплочения в тех монохозяйственных регионах, традиционная экономика которых может значительно пострадать от присоединения к ЕС. Среди них можно назвать аграрные и угольные регионы Польши, районы социалистически крупных заводов в Чехии и др. Становление и укрепление такого регионализма будет носить уже негативный характер по отношению к ЕС.

В итоге можно заключить, что в результате всех этих процессов в Европе сейчас весьма зримо идет становление и развитие качественно нового типа акторов в международных делах - сегодняшних внутригосударственных регионов³⁰. Учет и использование в практической политике этого явления может оказаться полезным и для России, являющейся главным восточным соседом и "крупнейшим партнером" ЕС.

Прагматичный учет в нашей политике этого фактора может проявиться в следующем. С одной стороны, прямой выход на европейские регионы может придать новый стимул нашей внешнеторговой и инвестиционной политике, привести к дополнительным возможностям развития для наших групп регионов, близлежащих к ЕС (Калининградская область, Северо-Запад).

Кроме того, налаживание такого конструктивного повседневного сотрудничества с регионами Европы в целом и ЦВЕ в особенности может стать первостепенным фактором, способным оказать влияние на постепенное стирание негативного образа России, который закрепился в общественном мнении в ЦВЕ и начинает (в связи с Чечней и "русской мафией") оформляться в общественном мнении Западной Европы. Стратегическая значимость преодоления такого негатива представляется для России несомненной.

Далее, исходя из вышеописанных закономерностей, Россия при выработке своей политики по отношению к странам ЦВЕ может эффективно учитывать становящуюся все большей реальностью парадигму зависимого развития, в соответствии с которой начинает строиться как региональная, так и общенациональная политика государств ЦВЕ. Соответственно, при решении тех или иных вопросов может быть целесообразным обращение к внешним по отношению к ЦВЕ центрам принятия решений в ЕС, к своего рода "новой метрополии", которая может оказать если не определяющее, то значимое воздействие на политику данных государств.

Кроме того, проходящее параллельно усилению обще-ЕС-овских институтов укрепление регионализации в Европе, может парадоксальным внешне образом привести к тому, что вместо широко распространенных прогнозов консолидации Европы в единую супердержаву - ЕС, произойдет обратный процесс ее конгломеративности³² в амальгаму Европы регионов. Учет подобной динамики в ЕС может также оказаться очень полезным для России. Если мы хотим по-прежнему продолжать быть самостоятельным и значимым актором на европейской арене, то использование региональных особенностей и противоречий внутри ЕС поможет нам найти новые нестандартные пути в организации нашего диалога как с ЕС в целом, так и с составляющими его национальными государствами.

Оценивая влияние усиления регионов в ЕС на Россию³³, необходимо также отметить то воздействие, которое оно может оказать на будущее развитие федерализма в России. С одной стороны, ре-

гионализация в ЕС и самостоятельный выход регионов Европы на международную сцену может дать позитивный стимул для реализации на практике конституционных атрибутов регионов нашей страны в качестве субъектов федерации (среди них следует особо отметить право регионов на осуществление международных и внешнеэкономических связей), особенно ярко это может проявиться в вышеупомянутой с ЕС приграничной зоне. Но с другой стороны не менее очевидным является и то, что регионалистский опыт ЕС как соблазнительный пример может стать ощутимым вызовом стабильности российского федерализма, а при крайних сценариях (с учетом специфики текущего момента) - дать толчок к развитию центробежных сил в стране и ее дезинтеграции.

Поэтому попытки полного и некритического перенесения ЕС-овских образцов на российскую почву могут иметь больше деструктивных, чем положительных последствий. Вот почему автор далек от мысли, чтобы подобно экспертам из Татарии призывать к тому, чтобы копировать в наших условиях ЕС-овскую практику регионального развития³⁴.

Следует отметить и то, что регионализация в странах Европы не проходит сейчас сама по себе. Она тесно связана с базовым по отношению к ней процессом надгосударственной интеграции в ЕС, а во многом является его внешне парадоксальным последствием. В рамках данной статьи мы попытались показать, что одним из среднесрочных результатов этого амбивалентного процесса может стать размывание национальных государств в ЕС, которые все больше будут становиться ненужным промежуточным звеном в новой политической системе. Однако все это не оставляет регионы ЕС один на один с внешним миром, они в любом случае остаются под сенью ЕС в целом. В этой связи по отношению к "Европе регионов" типологически более корректным было бы не призывать к качественно иной по отношению к Конституции самостоятельности регионов России, но выдвинуть футурологическую гипотезу "СНГ регионов". Однако вполне очевидно, что не только ее реализация, но даже и дискутируемая на практическом уровне постановка такого вопроса вряд ли являются возможными в среднесрочной перспективе в силу крайне низкого уровня реального сплочения, а также уровня жизни в СНГ. Не следует забывать, что процесс интеграции в Европе осуществлялся с крайней осторожностью и постепенностью, и прошло почти пятьдесят лет, прежде чем координирующие структуры ЕС стали приобретать ощутимо надгосударственный характер, а с другой стороны все это создало условия для процесса регионализации.

Попытки же осуществления столь исторически масштабных процессов в краткосрочный период вряд ли приведут к чему-либо иному, чем к очередному коллапсу экономик, расцвету региональной и локальной коррупции (об опасности которой мы писали выше) и падению жизненного уровня граждан.

В этой связи, если уж вести речь о восприятии регионалистского опыта ЕС, то автору представляется гораздо более продуктивным рассуждать об усилении региональной компоненты внутри создаваемого Россией и Белоруссией Союзного государства. Здесь, во-первых, можно говорить о качественно более высоком уровне интеграции, чем в СНГ в целом, а во-вторых, динамика пост-советского развития обеих стран привела к тому, что многие субъекты РФ начали устанавливать наиболее активные внешние связи именно с Белоруссией (как с ее центральными ведомствами, типа министерства ВЭС, так и с областями). Именно здесь российскими регионами подписано большое число соглашений о сотрудничестве в экономической и социальной сферах, ряд регионов открыл в Белоруссии свои представительства. Поэтому более активное постулирование принципов межрегионального взаимодействия способно оказать весьма позитивный эффект на будущее Союзного государства, поскольку оно лишь закрепит уже существующую динамику связей, будет способствовать межгосударственному сплочению в рамках Союзного государства в целом и, как представляется, никоим образом не станет фактором риска для целостности составляющих Союзное государство государств.

Конкретно, этот процесс мог бы найти свое институциональное выражение в создании Комитета регионов Союзного государства (по аналогии с Комитетом регионов ЕС). Этот комитет мог бы быть замкнут либо на государственного секретаря Союзного государства, либо на союзное правительство в целом. Избираемый на основе постоянной ротации председатель Комитета регионов мог бы на правах наблюдателя входить и в Высший государственный совет. Соответственно, региональная компонента

могла бы быть усилена и при формировании палат союзного парламента. Российские квоты по крайней мере одной из этих палат могли бы заполняться на основе пропорционального представительства существующих в РФ межрегиональных ассоциаций. Все эти меры могли бы приблизить пока еще неконкретную идею Союзного государства к реальным региональным хозяйственным комплексам в России и Белоруссии. А это в свою очередь сделало бы выгоды интеграции более наглядными и привлекательными для граждан обеих стран, чье мнение при заключении Договора о создании Союзного государства было сейчас фактически обойдено. (Развитая демократическая практика требовала в данном случае проведения референдумов по ратификации Договора, а не подмены их советским эрзацем в виде сверхбыстрого "всенародного обсуждения"). В самой же России (взятой вне контекста Союзного государства) региональное развитие следует нацелить не на копирование ЕС-овских моделей, но на прагматичное извлечение выгод от приграничного и иных форм взаимодействия с регионами ЕС непосредственно для субъектов Российской Федерации. Существующие конституционные основы федеративных отношений в России вполне позволяют его эффективно осуществлять, если только на практике они не будут ограничиваться унитаристским диктатом Центра и рудиментами этно-федералистской демагогии советского образца (которые обнаруживают явное несоответствие Конституции, провозгласившей Россию федерацией равноправных субъектов). Позитивным шагом вперед в этом направлении является включение в текст принятой в октябре 1999 г. "Стратегии развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000-2010 гг.)" положения о том, что контакты регионов России с регионами в ЕС в экономической и гуманитарной сферах не только признаются правомочными со стороны Федерации, но и поощряются ей³⁶. Таким образом Россия официально провозгласила отказ от унитаристского замыкания всех контактов с ЕС только на центральный уровень и от ограничения самостоятельной конституционной деятельности регионов в данной сфере. В том случае, если это заявление будет подкреплено реальной региональной и европейской политикой российских федеральных структур, плоды межрегионального сотрудничества с ЕС могут стать вполне ощутимыми и значительными³⁷. В таких рамках (и при необходимом наличии корректного федерального контроля) усиление связей регионов Северо-Запада России с ЕС уже не придется рассматривать в перспективе их отделения от России, на чем уже начали заострять внимание эксперты³⁸. Напротив, при таких условиях взвешенной региональной политики процесс своего рода "вестернизации" российского Северо-Запада может стать не вызовом единству Федерации, но напротив будет способствовать сближению России с Европейским Союзом, а через это - и утверждению России в Европе в целом, а не ее маргинализации и карикатуризации в качестве "беспокойного восточного соседа". В таком случае "пилотным" регионом России по апробации повседневного и стабильного сотрудничества с ЕС может стать не только маленький эксклав - Калининградская область (как это провозглашено в вышеупомянутой Стратегии)⁴⁰, но весь "вестернизированный" российский Северо-Запад в целом - от Мурманска и Архангельска - через Карелию, Санкт-Петербург, Новгород - до Пскова, а возможно и шире. Надо только понимать, что "вестернизация" означает серьезные управленческие и мировоззренческие трансформации, предполагающие качественные изменения инвестиционной политики, гарантий прав внешних инвесторов, прозрачности и предсказуемости управленческих решений, устранение причин для существующей сейчас системной коррупции, искоренение "культуры неплатежей" и т. д. Уже сделанные первые шаги такой инвестиционной трансформации, предпринятые Новгородской областью⁴¹, дают основания надеяться, что подобные перемены в России возможны.

В целом нужно отметить, что процесс формирования в ЕС новых акторов на международной арене в лице внутригосударственных регионов с каждым днем становится все большей реальностью. Сможет ли Россия использовать этот процесс к своей пользе, или же, напротив, он окажет деструктивное воздействие на Россию, или вообще нас не затронет - зависит от российских политиков и от российских граждан.

В конце XX века попытки универсализации глобального сообщества в неоднородном социальном времени стали сопровождаться усилением тенденций регионализации. Это вызвало повышенный интерес к геополитическим (геоэкономическим) концепциям «больших пространств». Для многих стало очевидным, что успешный поэтапный переход страны к рыночным отношениям и открытой экономике возможен на основе государственного контроля реформ, создания региональных таможен-

ных и других союзов.

Трансформация «больших пространств».

После падения «железного занавеса» государства оказались как бы на «наковальне» между «молотом» глобализации и регионализации экономики. Здесь побеждает тот, кто способен создать наиболее благоприятные условия хозяйствования в данном месте и социальном времени для ускорения оборачиваемости финансового, промышленного и торгового капитала.

В постбиполярном мире регионализм становится важным фактором внешней и внутренней политики, он обусловлен возрастанием роли функций места и социального времени, сочетанием геополитики, геоэкономики и социокультурных особенностей территории.

Выработка геостратегии или технологии реализации приоритетов регионального развития в многомерном коммуникационном пространстве особенно актуальна в условиях либерализации международных экономических отношений (совместное предпринимательство, внешнеэкономические связи, свободные экономические зоны, приграничное сотрудничество, трансмодальные коридоры и др.). Регионализация внутренних и международных отношений осуществляется на различных уровнях территориальной иерархии, среди которых выделяются субрегиональный, континентальный и трансконтинентальный.

Для постсоветских стран с переходной экономикой особенно актуальна проблема использования зарубежного опыта регионального развития и местного самоуправления с учетом особенностей их социокультурного пространства. Это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, здесь сохранилось политико-административное устройство уже несуществующего государства, где была неограниченная власть партии и сверхцентрализованная экономика, а в основу районирования положены партийный и производственный принципы. В региональной политике отсутствовал социальный приоритет, здесь на первом месте был не человек, а производство. Жесткое централизованное планирование и управление приводило к диспропорциям в региональном развитии, особенно в решении местных социально-экономических проблем. Во-вторых, в условиях современного кризиса эти диспропорции еще больше углубились, а попытки некритического использования зарубежного опыта не дают позитивных результатов.

В постбиполярном мире усиление регионализма сопровождается возрастанием роли рубежных государств, расположенных на «краю» различных экономических пространств. Здесь выделяется группа стран, эффективно использующая рубежные функции между постсоветскими странами и Западной Европой (Финляндия, Турция, Кипр и др.). Финляндия является единственным членом Европейского Союза, непосредственно соседствующей с крупнейшим постсоветским государством — Россией. Турция и Кипр, расположенные на европейской периферии, оказались особенно привлекательными, соответственно, для челночного бизнеса и в качестве налоговой гавани.

Усиливается поляризация мирового экономического пространства. Кроме мировых экономических сверхдержав (США и Японии), выделяются «Большая семерка Севера» (США, Япония, Германия, Франция, Англия, Италия и Канада) и «Большая семерка Юга» (Китай, Индия, Бразилия, Индонезия, Мексика, Южная Корея, Таиланд). Это деление исключительно условно. Так, например, Китай может с полным правом претендовать на присоединение к «семерке Севера», тогда как Россия номинально участвует в этом политическом институте, именуемой иногда «восьмеркой». По основным макроэкономическим показателям Россия уступает даже «семерке Юга». После мирового финансового кризиса Индонезию и Таиланд можно лишь символически относить к ведущим странам Юга.

К развитым постиндустриальным странам Запада относятся США, Япония, Западная Европа, Канада, Австралия, Новая Зеландия и Израиль. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) включает кроме вышеперечисленных стран Мексику, Чехию, Венгрию и Польшу. В 90-е годы страны ОЭСР доминировали в структуре мирового экспорта (свыше 72 %). Среди развивающихся

стран выделяются восточноазиатские НИС, латиноамериканские и ближневосточные. Особое место занимают страны Черной Африки, где доминирует социальный хаос. В межстрановых сопоставлениях после распада СССР выделяются группы стран Центрально-Восточной Европы и Содружества Независимых Государств (СНГ).

В 80-е и 90-е годы двадцатого столетия западные страны не увеличили своей доли ни в мировом валовом продукте, ни в промышленном производстве и международной торговле. Япония утратила былую стабильность, а Соединенные Штаты сохранили невысокие темпы роста. Наибольшим динамизмом были отмечены восточноазиатские страны, в первую очередь Китай и НИС.

Если сопоставить группы стран по их доли в мировой промышленной индустрии в последнем десятилетии XX века, то отмечается сокращение доли развитых стран с 53 % до 46 %. Массовое производство массовых изделий постепенно перемещается из североатлантического региона в Азиатско-Тихоокеанский регион (за исключением Японии), Индостан и Латинскую Америку. Доля развивающихся стран увеличилась с 35 % до 48 %, в том числе «Большой семерки Юга» — с 19 % до 28 %. Если доля США сохранилась примерно на уровне 17 %, то доля Китая увеличилась с 8 % до 15 %. Наиболее катастрофическое сокращение доли стран в мировой промышленной индустрии характерно для СНГ с 7 % до 2,5 % и Черной Африки.

Прогнозируется мировое хозяйство с тремя полюсами экономического и технологического развития в Западной Европе, Северной Америке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Как результат глобализации и регионализации современного мира формируются интерполисы рубежной коммуникативности или мировые города. Это международные центры-метрополии с реальным преференциальным режимом по аналогии с древнегреческими полисами или средневековыми вольными городами являются носителями ускоренной оборачиваемости финансового, промышленного и торгового капитала (Нью-Йорк, Гонконг, Сингапур, Стамбул, Москва и другие). На основе использования самых современных информационных и коммуникационных технологий интерполисы сконцентрировали огромные капиталы и ноу-хау, здесь принимаются важнейшие экономические решения. В XXI веке интерполисы по аналогии со средневековыми вольными городами, возможно, будут управлять миром.

Крайним проявлением регионализации является криминальная маргинализация экономики. Транснациональные полюса криминальной экономики, состоящие из географических «треугольников» наркокартелей, дают оборот, примерно, в 400-500 млрд. долларов.

Наряду с полюсами экономического и технологического развития существуют обширные зоны с низким уровнем жизни населения. Принятый в международных финансовых организациях показатель «1 доллар на человека в день» является пороговым для категории нищего населения. Мировой полюс бедности сформировался в Центральной Африке.

4.1 Региональные группировки

Одновременно на всех континентах появляются или укрепляются интегрированные региональные объединения. Здесь выделяются Европейский Союз (ЕС) и Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), на которые приходится почти 40 % мирового ВВП. Созданы организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Организация стран экспортеров нефти (ОПЕК) и многие другие региональные объединения. В структуре мирового экспорта среди региональных группировок лидируют ЕС и немного отстающая организация АТЭС.

Во второй половине XX века удельный вес Азии в населении планеты увеличился с 55 до 60 %, тогда как доля Европы и Северной Америки сократилась с 31 до 22 %. За этот период удельный вес Азии в мировом ВВП вырос с 17 до 35 %, а в Европе и Северной Америке сократился с 72 до 52 %. Изменились «веса» мировых лидеров. Доля США сократилась в населении с 6 до 5 %, а в мировом ВВП — с 31 до 21 %. Доля Китая в мировом населении сохранилась на уровне 21 %, а в мировом ВВП — с 17 до 15 %.

тогда как удельный вес страны в мировом ВВП вырос с 3 % до 10 %. В Советском Союзе в 1950 году проживало немногим более 7 % населения планеты и производилось примерно столько же от мирового ВВП. В 2000 году доля России, правопреемницы страны Советов, в населении составила 2,5 %, а в производстве ВВП после кризиса 1998 года — немногими более одного процента. ВВП России стал сопоставим с такими странами, как Таиланд и Саудовская Аравия. В 1950 году ВВП на душу населения в Советском Союзе составлял к уровню США, Японии и Западной Германии, соответственно, 20 %, 110 % и 47 %, а перед распадом государства — 12 %, 15 % и 14 %.

Таким образом, если в геополитическом пространстве Россия, обладающая ядерным оружием, остается одним из мировых игроков, то в геоэкономическом пространстве она превратилась в малую величину. Возможно, в XXI веке Китай станет крупнейшей экономической державой, а Азия вернет себе былое могущество. Возрастание конкурентоспособности Китая в мировой торговле может иметь крупномасштабные геополитические последствия. По мере снижению уровня жизни в восточноевропейских и центрально-азиатских странах, они все больше оказываются в расширяющемся геоэкономическом пространстве Китая.

Углубление международного разделения труда и развитие высоких технологий в индустриальных государствах изменило географию обрабатывающей промышленности. Для развивающихся стран открылись перспективы для индустриального развития. В индустриализации догоняющего типа выделяются импортозамещающие и экспортоориентированные стратегии промышленного развития.

На начальном этапе индустриализации успехов добились страны открытой экономики, выступающие против промышленного самообеспечения. Выход на мировой рынок сочетался с крупномасштабными преобразованиями в сельском хозяйстве. Активное участие в международном разделении труда основывалось на частном предпринимательстве и активной роли государства в этом процессе.

Соревнование за лидерство в индустриализации развернулось между Латинской Америкой и Юго-Восточной Азией. Казалось бы, стартовые позиции Латинской Америки были наиболее предпочтительны. Регион раньше Азии и Африки вступил в фазу промышленного развития. Великая депрессия 30-х годов и застой международной торговли во время мировых войн породил мощные стимулы к импортозамещению, ставшего руководящей доктриной. Историческая связь с Соединенными Штатами, разнообразные сырьевые ресурсы и квалифицированные кадры способствовали индустриальному развитию.

Время показало, что реальным геоэкономическим лидером стала Азиатско-Тихоокеанский регион, формирующийся как зона преимущественно японского влияния. Япония была ближе в социокультурном отношении к другим азиатским странам, и сама прошла путь догоняющей страны. На Востоке не принято руководствоваться чужими советами, они могут носить преимущественно рекомендательный характер. Кроме социокультурных традиций и трудовой этики, дополнительным фактором успеха стала многочисленная и дешевая рабочая сила.

Преобразования в Латинской Америке осуществлялись под патронажем международных финансовых институтов, не всегда владевших местной спецификой. В стратегии импортозамещения предпочтение отдавалось созданию предприятий текстильной, швейной, кожевенной, обувной и других отраслей промышленности, производящим потребительские товары кратко- и среднесрочного пользования. При этом экспорт продукции обрабатывающей промышленности сдерживался её низкой конкурентоспособностью. Возникший хронический дефицит иностранной конвертируемой валюты превратился в главный тормоз экономического развития.

К началу 90-х годов новый полюс экономического и технологического развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе достиг самых высоких темпов экономического роста. Здесь на экспорт направлялось две трети производимых промышленных товаров, широкое развитие получили наиболее высокотехнологичные из массовых производств. Инвестиции из постиндустриальных стран превратили АТР в главный «сборочный цех» мировой экономики.

Новые индустриальные страны сосредоточили наиболее передовые и конкурентоспособные производства в многочисленных специальных экспортно-промышленных (технологических) зонах, где были созданы условия для импорта технологий и экспорта готовой продукции (преимущественно в США), произведенной на сверхэксплуатации местных трудовых ресурсов. Разница в оплате труда между странами Запада и АТР достигла, соответственно, 30 долларов в час и 1 доллар за удлиненный рабочий день. Узость местных национальных рынков, признаки перепроизводства, достигнутый предел снижения цен на производимую продукцию привел к экономической катастрофе в странах Юго-Восточной Азии, наиболее пострадавшей от финансового кризиса (Таиланд, Индонезия, Филиппины, Малайзия). Экономика Японии и Южной Кореи оказалась относительно устойчивой, а наибольшую стабильность обнаружили Гонконг, Сингапур и Тайвань.

На Ближнем Востоке создана специальная международная Организация стран экспортеров нефти (ОПЕК), выступающая с помощью квот добычи нефти в роли главного ценового регулятора мирового рынка. Однако эти функции в конце XX века стали утрачиваться, так как за последние 25 лет доля ОПЕК в мировой торговле нефти снизилась с 53 % до 43%.

В биполярном мире экономические связи между капиталистическими и социалистическими странами были ограничены. В значительной степени из-за замкнутой социалистической экономики не получили развития трансконтинентальные торговые связи между Западом и Востоком. Образцом закрытого регионализма стал ушедший в историю Совет экономической взаимопомощи социалистических стран с «опорой на собственные силы».

После распада советского геополитического пространства проявились тенденции к созданию новых межгосударственных образований. Получило развитие субрегиональное сотрудничество между государствами, принадлежавшим к разным экономическим системам (Совет государств Балтийского моря, Черноморское экономическое сотрудничество и др.).

Содружество независимых государств (СНГ) занимает исключительно скромное место в глобальной экономике, на его долю приходится всего лишь 2 % мирового экспорта. Относительная живучесть СНГ в 90-е годы была вызвана не только стремлением к интеграции, но и возможностями потреблять российские энергетические и другие ресурсы по ценам ниже мировых или в долг, а расплачиваться бартером продуктами питания (хлебом, сахаром, маслом) по ценам выше мировых. В Содружестве широкое распространение получило подворовывание российских энергетических ресурсов одностороннее, обоюдовыгодное, или в обмен на политическую лояльность.

В марте 1992 года в Копенгагене на Конференции министров иностранных дел был учрежден Совет государств Балтийского моря (СГБМ), объединивший приморские страны региона. Основная задача Совета заключается в координации и содействии развитию международного сотрудничества по укреплению демократических институтов; в области экономики, науки и техники, энергетики, транспорта и телекоммуникаций; в гуманитарных вопросах; охране окружающей среды; в области культуры, образования, информации и туризма. В 1998 году был основан еврорегион «Балтия», объединивший приморские административные единицы Польши, Литвы, Латвии, России, Дании и Швеции. Основные усилия еврорегиона направлены на развитие совместных проектов в области морского транспорта и развития небольших портов, немоторизованного туризма, национальных парков, реконструкции территорий бывших военных баз.

Особые перспективы мирохозяйственной интеграции связывались с формированием Черноморского района экономического сотрудничества. Идея эта не нова, еще в начале 80-х годов нами была теоретически обоснована новая форма субрегионального сотрудничества – международный морской экономический (эколого-экономический) район (Дергачев, 1992). При его выделении доминировала экологическая целостность, требующая совместных, в том числе экономических, усилий по сохранению природной среды. Черноморье расположено в геополитическом центре Евразии на пересечении коммуникаций «из варяг в греки» и запад - восток, включая Дунайско-Черноморский путь. Крупнейшая концентрация торговых портов в Восточной Европе, относительно развитая ин-

фраструктура, близость европейского и ближневосточного рынков создавали предпосылки для мирохозяйственной интеграции.

После распада советского геополитического пространства Турция выступила с политической инициативой создания Черноморского района экономического сотрудничества. Это было обусловлено стремлением стать региональной державой и возрастающей деловой активностью. В борьбе за черноморскую торговлю стал лидировать Стамбул, к которому перешли посреднические функции Бейрута — бывшего торгового и финансового центра Ближнего Востока. Турция могла претендовать на роль коммуникационного моста между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом.

На международной встрече на высшем уровне в 1992 году были обсуждены пути субрегиональной интеграции и подписана Декларация о Черноморском экономическом сотрудничестве. В 90-е годы создаются Ассамблея черноморских государств, Черноморский банк торговли и развития (Салоники), международные центры по энергетике (Варна) и поддержки предпринимательства (Бухарест), другие организации субрегионального сотрудничества. Были достигнуты договоренности об упрощении визового режима, унификации таможенных и налоговых правил, о сотрудничестве в области торговли и промышленности, транспорта и связи, науки и техники, туризма и экологии, сельского хозяйства и других сферах.

Среды крупномасштабных совместных проектов выделены: создание транспортного коридора вокруг Черного моря и его интеграция с трансевропейскими коммуникациями, формирование объединенной энергетической системы, модернизация портов и создание телекоммуникаций.

Однако субрегиональная интеграция стран, длительное время находившихся в разных геоэкономических пространствах, начала испытывать серьезные трудности. Между странами-участниками ЧЭС не сложились предпосылки для формирования регионального рынка на основе разделения труда. Геополитическая обстановка в Черноморье, финансово-экономические кризисы, особенно в России и Турции, сдерживают международное сотрудничество по реализации совместных проектов. Товарооборот между черноморскими странами незначителен, за исключением России с Украиной и Молдовой, испытывающих энергетическую зависимость. Украина объявила стратегическими партнерами все причерноморские страны, в которых таковой не воспринимается.

Основной и незначительный внешнеторговый оборот с этими странами приходится на товары ширпотреба.

Большинство стран-участниц ЧЭС декларируют намерения о вступлении в Европейское сообщество. Однако многолетний безуспешный опыт Турции свидетельствует о трудностях интеграции стран, принадлежащих к разным цивилизациям, имеющим социокультурные и конфессиональные различия. Страны-участницы ЧЭС приняли решение о создании зоны свободной торговли, которая рассматривается Евросоюзом как основа для генеральной репетиции перед вступлением в ЕС. Очевидно, что в ближайшем будущем эти интеграционные тенденции не получат должного развития.

Особый интерес представляет постсоциалистическая трансформация стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ). Здесь после падения Берлинской стены сохранился «барьер», проходящий через души людей, существующий уже тысячелетие с момента раскола христианского мира на западных христиан и православных. Если посмотреть на европейскую карту конфессий, то становится очевидным, что новые независимые страны Балтии, Польша, Чехия, Венгрия, Словения и Хорватия вернулись в свое конфессиональное пространство. Вполне объяснима и западная ориентация украинских грекокатоликов, обладающих бесценным опытом рубежной конфессиональности. Ныне водораздел благополучия и нищеты проходит по этой европейской социокультурной границе, где в крупнейшем тройном узле западных христиан, мусульман и православных на Балканах не гаснет зарево этнонациональных и этноконфессиональных конфликтов.

Страны Центрально-Восточной Европы являются парламентскими государствами в отличие от

России, Украины и Белоруссии, где президенты возглавляют исполнительную власть и руководят экономической политикой.

Сохранились геоэкономические рубежи на Эльбе, углубляется дифференциация между государствами по основным гуманитарным и макроэкономическим показателям. Если большинство стран ЕС по интегральному показателю — индексу гуманитарного развития — входит в группу высокоразвитых государств, а Словения, Чехия, Словакия, Венгрия и Польша занимают срединное положение в мире, то Украина, Албания и Молдавия переместились в категорию беднейших стран мира. Среднедушевой ВВП к западу от Эльбы в 3,1 - 3,5 раза и к востоку в Польше, Венгрии, Словакии, Чехии и Словении в 1,1 - 2,0 раза превышает среднемировой (принятый за единицу), а в Украине, Молдавии и Албании в 3 - 7 раз меньше.

В ЦВЕ выделяется группа стран, где показатель прироста валового внутреннего продукта за 90-е годы XX столетия незначительно увеличился или приблизился к ранее достигнутому уровню. Лидером в этой группе является Польша, где прирост ВВП за десятилетие составил 20 %, Чехия приблизилась к ранее достигнутому уровню, далее идут Словения, Словакия и Венгрия. В Восточной Европе наибольший спад отмечается в Украине и Молдове.

К 2000 году почти треть населения стран ЦВЕ превратилась в «новых бедных» и имеет доходы менее четырех долларов в день. В 90-е годы численность бедных и безработных увеличилась в десять раз в значительной степени за счет размывания сложившегося в прошлом среднего класса. Большинство стран ЦВЕ смогло лишь только восстановить уровень экономического развития конца 80-х годов, тогда как показатель среднедушевого ВВП в странах ЕС увеличился на 20 %. Реформы не сохранили предшествующие социальные завоевания, а неолиберальный романтизм о всемогуществе рынка оказался ложным.

Опыт реинтеграции Восточной Германии свидетельствует, что и в этом, казалось бы, наиболее благоприятном сценарии вхождения в рынок, требуются не только огромные средства, но и возникают острые социально-психологические проблемы. За воссоединение 16,5 млн. восточных немцев с Западной Германией уже заплачено свыше триллиона долларов бюджетных поступлений. Однако разрушить Берлинскую стену оказалось, проще, чем преодолеть экономический и социально-психологические рубежи. Частичная реструктуризация промышленности сопровождалась крупномасштабной деиндустриализацией. Уровень безработицы в восточных землях составляет 20%, а свыше миллиона жителей мигрировали в «старые» федеральные земли. Западногерманские инвестиции пришли в Восточную Германию не из-за чувства национального патриотизма и альтруизма к соотечественникам, а в первую очередь были направлены на устранение потенциальных конкурентов и местного «интеллектуального капитала». Многие жители восточных земель ощущают себя немцами «второго сорта», живущими в «полуколонии» — промышленной периферии объединенной Германии. И если для экономического выравнивания потребуется минимум десять — пятнадцать лет, то для преодоления образовавшихся различий в менталитете между «весси» и «осси» — целое поколение. Отмечается своеобразная ностальгия («остальгия») жителей восточных земель, осознающих себя другой общностью.

Вместе с тем, высвобождение духа предпринимательства и социально-психологический дискомфорт способствуют развитию деловой активности восточных немцев, многие из которых проявляют большую социальную активность, чем представители благополучного западногерманского общества.

После неудачного броска в развитый капитализм, образцом нового подражания для восточнославянских стран стал польский опыт. Действительно, Польша добилась относительно устойчивого благополучия и перестала быть товарной баракхолкой для восточных и южных славян. Но при этом нельзя забывать, в стране сохранились элементы гражданского общества, частный аграрный сектор и исключительно влиятельная католическая церковь. Большинство местных коммунистов и при социализме, нося в нагрудных карманах партбилеты, оставались в душе католиками. Но и в Польше нет всеобщего общественного согласия. Победа над коммунизмом здесь была достигнута благодаря ор-

ганизованным в профсоюзы рабочим, наиболее социально пострадавшим в результате «шоковой терапии».

Скачек в рынок, когда функции «локомотива» взяли на себя государственные чиновники привел к формированию бюрократического капитализма, основанного на корпоративных связях, а не на свободной конкуренции. У поколения граждан — «детей социализма» — отсутствует понимание, что с рыночной ориентацией возрастает индивидуальная ответственность за себя, семью и её благосостояние.

Трансформация геополитического пространства неизбежно вызывает смену экономической ориентации балканских стран. Не случайно в политике крупных европейских держав на Балканах особое значение придавалось транспортным коммуникациям. На протяжении столетий Западная Европа в противостоянии с Османской империей, ревниво относясь к усилению России в Черноморском регионе и на Балканах, стремилась решить наряду с политическими экономические задачи — создать транспортный коридор в направлении на Восток. Вершиной этой политики явилось строительство Багдадской железной дороги. Правда, Германия получила свободу действий с согласия Российской империи.

Компромисс был достигнут за счет возможной реализации другого трансконтинентального маршрута из Европы через Украину, Кавказ в Персию и Британскую Индию. Потсдамское соглашение 1910 года выразилось в согласии России не препятствовать Германии в строительстве Багдадской железной дороги и сомкнуть в будущем русско-персидскую (Трансперсидскую) магистраль с германской. Существовал российский (славянский) проект 1908 года строительства дороги, соединяющей Дунай с Адриатическим морем через Черногорию или Далмацию и австрийский проект строительства железной дороги через турецкий санджак Новибазар, отделявший сербов королевства от сербов Черногории, Герцеговины и Боснии, но соединявший Вену через Сараево с путем на Салоники.

В конце XX столетия геополитический конфликт на Балканах сопровождался необъявленной гекономической войной. Только в результате эмбарго против Югославии потери придунайских стран составили сотни миллиардов долларов, в три раза уменьшились объемы перевозок и грузооборот дунайских портов. Самое удивительное, что бывшие социалистические страны региона не только хранят по этому поводу «гробовое молчание», но и выстроились в очередь у порога Североатлантического военного блока, ожидая с протянутой рукой подаяния западных финансовых институтов. Балканы, зажатые «железным занавесом» НАТО и ЕС с севера, запада и юга все больше превращаются в глубокую европейскую периферию. В результате ослабленных внешнеэкономических связей и дальнейшего падения уровня и качества жизни сформировался балканский маршрут транспортировки наркотиков (героина) и краденных автомобилей, возросло число преступных организаций, занимающихся незаконным бизнесом.

Натовские бомбардировки территории Югославии уничтожили транспортные коммуникации, главное направление которых было ориентированно на Восток. Несомненно, богатые США и Западная

Европа построят новые мосты и дороги, но это уже будет новый коммуникационный каркас, открытый преимущественно на Запад. Как это не парадоксально, но был выбран экономически самый оптимальный вариант, когда в целях создания новой сети транспортных коридоров, разрушена сложившаяся, но по техническим параметрам устаревшая коммуникационная сеть. В этом контексте один из уничтоженных мостов в городе Нови-Саде, восстановленный советскими саперами в конце Второй мировой войны, уже более полувека лимитировал судоходство по Дунаю. При высоком уровне воды в реке судоходство ограничивалось. Пассажирские суда на Дунае строятся с разборными капитанскими рубками с учетом прохода низких мостов. Кроме того, отсутствие надежной связи Воеводины с Сербией может усилить центробежные тенденции в автономном крае, где проживают преимущественно венгры.

Балканы остаются самым слабым звеном в намерениях Запада по созданию так называемых «критических» транспортных коридоров, сдерживают формирование нового коммуникационного направления к Черноморью, Закавказью и Ближнему Востоку. После интервенции НАТО в Косово блокирован на неопределенное время основной коридор из Западной Европы на Ближний Восток. С запада из

Среднедунайской низменности наиболее удобный транспортный проход на Восток идет по долине Моравы и далее к Софии между хребтами Стара-Планины и Родопов по долине Марицы. В перспективе от геополитической обстановки на Балканах будет зависеть реализация южного маршрута Великого Шелкового пути.

В конце XX века Запад с помощью военных акций усилил геополитическое присутствие на Балканах в надежде «прорубить» коридор к энергетическим и другим ресурсам Черноморья, Закавказья и Ближнего Востока под контролем США и их союзников по НАТО, прежде всего Германии, Великобритании и Турции. Балканский кризис оказал огромное отрицательное влияние на экономику большинства стран региона.

Пораженные радиацией атеизма «братья славяне» надеются не на свои собственные силы, а на материальную помощь Запада. Не случайно, когда Югославию обстреливали американскими ракетами, другие балканские страны выстроились в очереди у порога процветающего Запада с надеждой на капиталы в обмен на лояльность. Желание местных политических элит жить по западным стандартам затмило разум. В мифической географии разворачиваются основные политические события, выбираются новые «стратегические» партнеры и прокладываются транспортные коридоры.

Какую картину мы имеем на Балканах? До распада малой «империи» на Балканах — федеративной Югославии, это была самая процветающая страна в регионе и предмет зависти для советских людей. Прогремевшие в конце XX века балканские конфликты не только не решили местные проблемы, но превратили регион на долгие годы в зону международной политической и экономической нестабильности. За четыре балканских войны 90-х годов было убито 250 тысяч человек и свыше 3 млн. граждан стало беженцами. Войны нанесли огромный материальный ущерб, частично и полностью разрушили экономику Югославии, Боснии и Герцеговины, Хорватии и Косово, на миллиарды долларов сократился их внутренний валовой продукт. Разрушена коммуникационная сеть в регионе, что нанесло огромный ущерб внешнеэкономическим связям балканских стран. Из-за закрытия и ограничения дунайского судоходства крупномасштабные убытки терпят Болгария, Румыния и Украина, сталеплавильные и нефтеперерабатывающие заводы Австрии, Венгрии, Словакии и Германии.

В расколотом геополитическом пространстве Балкан наметилось несколько векторов. Только Словения и возможно в будущем Хорватия имеют шанс на европейскую интеграцию, включая вступление в ЕС и НАТО. Для этого имеются не только экономические предпосылки, но и принадлежность к западному христианству и реальная географическая близость к Западной Европе. Остальные бывшие республики с преобладанием православных и мусульман превратились в зоны неблагополучия и депрессивного развития. Влиятельной силой на Балканах выступает Турция, поддерживающая местный мусульманский сепаратизм.

Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Болгария и Румыния выстроились в очереди у порога ЕС и НАТО, выступив на их стороне против соседней Югославии и надеясь получить «свой кусок» за лояльность. Албании снится Косово, занятое натовскими войсками. Поликонфессиональное псевдогосударство Босния и Герцеговина держится благодаря международным миротворческим силам.

Дейтонские соглашения 1995 года не обеспечивают достойных условий для существования и возвращения многочисленных беженцев. Македония надеется на помощь Америки в оснащении вооруженных сил. Эти балканские страны, ослепленные мифологической географией, видят себя рядом с Соединенными Штатами и Западной Европой, забывая, что реальный мир в регионе невоз-

можен без мира с соседями.

В истории редко богатые государства бескорыстно жертвовали жизнью своих солдат за благополучие других народов. Соединенные Штаты получили право на неопределенное время продлевать свое присутствие на Балканах, без каких бы то не было моральных обязательств. Впервые в евразийской истории здесь главной силой выступает страна, не обладающая длительной исторической памятью, не имеющая опыта добрососедского сосуществования, если считать захват северных районов Мексики и уничтожение индейцев.

Пока еще не осознаны социально-психологические последствия перехода стран из восточно-европейского в западноевропейское экономическое пространство. Чехия, Польша и Венгрия выделялись в «социалистическом лагере» своим цивилизационным и культурным статусом. Они служили примером подражания для восточных славян, что в душе осознавали чехи, поляки и венгры. В ЕС эти страны займут место маргиналов. Один из наиболее известных американских ученых в области мировой экономики Лестер Карл Туроу видит будущее бывших коммунистических стран Центральной Европы в качестве дешевого сборочного цеха для стран ЕС, а Украину всего лишь в качестве производителя и экспортера зерна. С вступлением в ближайшем будущем уже состоявшихся членов НАТО Польши, Венгрии и Чехии в ЕС, Украина не только реально оказывается за экономическим «железным занавесом», но и на длительную перспективу наряду с Молдавией и Албанией займет место региональных аутсайдеров. Возрастает геэкономическая роль Германии в ЦВЕ. В ближайшем будущем геополитический баланс сил в ЦВЕ будет определяться осью Германия — Россия, между которыми создан энергетический «мост», выступающий одним из гарантов стабильности в регионе.

Особый интерес представляют процессы регионализации в условиях самого протяженного государства мира. Открытие российской экономики обнажило многие слабые стороны её мирохозяйственной интеграции. Экономика страны оказалась неконкурентоспособной в изменившихся условиях. Сравнительные экономические преимущества, унаследованные от Советского Союза, в значительной степени утрачены. Для улучшения финансового положения страны и наращивания конкурентоспособности необходимы крупные иностранные инвестиции и меры по сокращению оттока за рубеж отечественного капитала.

Академик Дмитрий Львов (2002) отмечает роль России как геотранспортного коридора между Европой и Азией, обеспечивающего самую короткую и эффективную транспортную, инфраструктурную и информационную связь между главными экономическими и политическими центрами мира. Россия лидирует в мире по природно-ресурсному потенциалу, а ежегодный поток доходов от его использования превышает 60 – 80 миллиардов долларов. Однако геэкономические преимущества России не удается эффективно реализовать.

В условиях либерализации особенно противоречиво влияние внешних факторов на региональное развитие. Леонид Вардомский (1997), внесший значительный вклад в развитие геэкономии, обосновал концепцию «энергетики» регионализма. В отличие от глобализма, в основном опирающегося на технологическую и культурную унификацию, регионализм реализуется через историческую и географическую близость и стремление соседних стран сохранить свою культурную идентичность. Так, например, приграничный регионализм смягчает неравномерность хозяйственного развития в условиях глобализации. Приграничное сотрудничество, наряду с региональным и субрегиональным, играет исключительно важное значение для трансграничного движения людей, товаров и информации. От того, как материальные и трудовые ресурсы и условия страны и регионов дополняются трансграничными потоками капитала, товаров, технологий и информации, зависит энергетика регионального развития.

Региональное развитие Вардомский определяют применительно к России как изменение территориальной структуры хозяйства в соответствии с научно-техническим прогрессом, возрастающей мобильностью факторов производства и конкуренцией, растущими социальными и экологическими требованиями. Неравномерность регионального развития проявляется в факторах территориаль-

ного разделения труда, социально-экономической пространственной дифференциации, территориальной структуре хозяйства и конкурентоспособности региональных условий хозяйствования. В результате пространственной дифференциации условий хозяйствования выделяются лидирующие и отстающие, богатые и бедные районы. Лидирующие и богатые районы часто выступают в качестве генераторов экономического и культурного развития.

Внешнеэкономическая либерализация в России имела «шоковый» характер и осуществлялась по схемам международных финансовых институтов, отработанных на многих развивающихся странах.

Отмена монополии государства на внешнеэкономическую деятельность, сопровождаемая не всегда продуманными решениями, привела к значительным потерям для государственного бюджета. Либерализация сопровождалась отсутствием государственного валютного контроля за внешнеэкономическими операциями. Новые границы России, не имеющие таможенного прикрытия, способствовали развитию контрабанды. Большая разница между внутренними и мировыми ценами потребовала введение экспортных пошлин.

В отношении иностранных инвестиций возобладал унифицированный подход к экономическим агентам, действующим на территории России. В результате были отменены многие налоговые и таможенные льготы, предусмотренные союзным законодательством и компенсирующие высокие риски предпринимательской деятельности. Отмена льгот вызвала ориентацию зарубежных инвесторов преимущественно на высокодоходные и некапиталоемкие проекты. Одновременно иностранные инвесторы получили оперативный простор для деятельности на рынке государственных и корпоративных ценных бумаг. Этому способствовали денежный дефицит и слабость российских банков, введение режима конвертируемости рубля по текущим валютным операциям и другие причины.

Либерализация внешнеэкономической деятельности была нацелена на решение текущих проблем, отсутствовала долгосрочная стратегия социально-экономического развития страны. Таможенные импортные тарифы слабо учитывали интересы отечественных производителей. На протяжении ряда лет существовал практически беспошлинный импорт и только в конце 90-х годов был установлен умеренно протекционистский режим. Мирохозяйственная интеграция России осуществлялась как и в прошлом за счет экспорта топливно-энергетических ресурсов и импорта потребительских товаров. На устаревшей технологической базе оказалось невозможным эффективное развитие открытой экономики, диверсификация экспортных функций.

Таким образом, как отмечает Леонид Вардомский, осуществленные институциональные преобразования не дали структурного результата, выражавшегося в увеличении конкурентных преимуществ. Рост зависимости от внешних займов, структура внешней торговли, падение доходности экономики и, наконец, финансовый кризис 1998 года способствовали приданию России специфики периферийной экономики. Как стало очевидным, либерализация оказалась необходимым, но не достаточным условием для устойчивого экономического роста.

Среди объективных причин выделяются инерционность российского хозяйства, существовавшего многие годы в неконкурентной среде. Монополизация экономики, преобладание крупных производств с устаревшими технологиями и слабой способностью приспосабливаться к меняющимся условиям хозяйствования также не способствовали успешной либерализации, сопровождавшейся так же политической и финансовой нестабильностью. Субъективные факторы, усилившие негативные результаты либерализации, обусловлены криминализацией открытой экономики и корпоративными интересами влиятельных финансово-промышленных групп, получивших многочисленные преференции.

Дефицит государственного бюджета ограничил финансовые возможности Федерального центра в проведении региональной политики. На этом фоне усилилась пространственная дифференциация внешнеэкономической либерализации.

Основные российские экспортные производства сосредоточены в сибирских, уральских и поволжских регионах, а в импорте важную роль играют Москва и приграничные территории. Московский регион лидирует по привлечению иностранных инвестиций. Вардомский выделяет три типа региональной открытости российской экономики: центральный, приморский (приграничный) и проэкспортный.

Центральный тип наблюдается вокруг крупных городов-миллионеров (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Нижегородская, Самарская и Свердловская области и республика Татарстан). Это регионы с наиболее благоприятным предпринимательским климатом и разнообразными внешнеэкономическими связями. Здесь особо выделяется Москва, усилившая в силу геополитического положения свою исключительную роль в открытой экономике и мирохозяйственных связях.

Москва, став плацдармом освоения российского пространства для зарубежных компаний и банков, эффективно использует столичную ренту.

Приморский (пограничный) региональный тип отличается относительно высокими показателями внешнеэкономической открытости при сравнительно узком спектре внешней торговли и высоком удельном весе в ней соседних стран (Приморский и Хабаровский края, Сахалинская, Камчатская, Магаданская области, республика Карелия, Калининградская и Ростовская область и Краснодарский край).

Открытость проэкспортного типа связана с крупномасштабным экспортным производством, привлекательным для иностранных инвесторов и кредиторов (Тюменская область, республики Коми, Башкортостан, Хакасия, Красноярский край, Архангельская, Белгородская, Кемеровская, Челябинская и другие области). Высокие относительные показатели внешнеторговой открытости достигаются благодаря крупным объемам экспорта.

Кроме вышеперечисленных типов, в России выделяется периферийные регионы, имеющие ограниченные внешнеторговые связи и малопривлекательные для иностранных инвесторов (большинство областей и республик Центрального, Волго-Вятского и Поволжских районов, северокавказские республики и большинство автономных округов).

Современная территориальная структура открытой экономики обусловлена государственной монополией и особенностями регионального развития в советский период, когда преимущественно осваивались северные и восточные регионы, удаленные от морских торговых портов и пограничных переходов. Приграничные территории России, в том числе западные, являются менее развитыми и экономически более депрессивными, образуя своеобразный барьер вхождения страны в мировую экономику. Огромная протяженность России при низкой плотности населения, большие расстояния между производителями и потребителями, растянутость многих технологических циклов производства, большие межрегиональные различия в уровнях социально-экономического развития сдерживают процессы мирохозяйственной интеграции и сохраняют высокие риски предпринимательской деятельности. Размещение производств в экстремальных природно-климатических условиях так же приводит к удорожанию продукции.

Исходя из тенденций глобализации и регионализации обратимся к основным полюсам экономического и технологического развития, которые будут определять геоэкономическую стратегию XXI века.

В последние годы регионализм, наряду с глобализацией, все чаще относят к числу основных тенденций, определяющих развитие современного мира. Однако даже в специальной литературе термин «регионализм» часто используется для описания явлений, далеко не идентичных по своему содержанию, имеющих разный смысл и значение. Проблема многовариантности его трактовок во многом обусловлена недостаточной четкостью понятия «регион», его «лавированием» между различными отраслями знания и научными школами, что естественным образом переносится и на понятие «ре-

гионализм» (Гладкий, Чистобаев, 2000, с. 26).

Всплеск интереса к проблематике идентификации регионов в 1950–1960-е годы породил множество гипотез и довольно ограниченное количество обоснованных и общепризнанных выводов (см.: Russett, 1967). Попытки решения этой проблемы неоднократно предпринимались и позднее, однако вплоть до сегодняшнего дня они не привели к сколько-нибудь существенному прогрессу. Подтверждают это ставшие уже традиционными оговорки относительно недостаточной ясности понятия «регион», завершающиеся либо ссылкой на одно из традиционных его определений, либо введением новых разграничений, мало отличающихся от уже известных (Воскресенский, 2005, с. 91–92). Между тем, как справедливо замечает Э. Харрелл, «без определенных географических ограничений “регионализм” превращается в расплывчатое и неоперационное понятие» (Hurrell, 1991, p. 38).

В настоящий момент, похоже, сам регионализм дает возможность взглянуть на проблему «выявления» регионов под иным углом зрения. В период его зарождения основные усилия были связаны с поиском на основе тех или иных критериев «объективно» существующих регионов и прогностической оценкой возможностей интеграции входящих в них государств. Такой подход являлся вполне оправданным, поскольку практический опыт внутрирегиональных взаимодействий был крайне ограничен. Сегодня ситуация меняется. Более чем полувековая история регионализма предоставляет достаточно данных, чтобы, отталкиваясь от постепенно определяющихся в ходе многочисленных интеграционных экспериментов зон взаимного тяготения, попытаться уточнить представления о регионах и роли отдельных факторов, обуславливающих регионализацию современного мира. Оправданность данной аналитической перспективы обуславливается возможностью трактовки международного региона как особой институциональной сферы взаимодействий, тесно связанной с представлениями акторов, и потому структурированной как объективно, так и субъективно (Казанцев, 2005, с. 78).

Решение поставленной выше задачи предполагает идентификацию пространственных рамок зон взаимного тяготения, оформляющихся в процессе эволюционного развития регионализма, и определение степени их соответствия традиционным шаблонам сегментации мира на географические и/или культурно-цивилизационные регионы (см.: Комаров, 2000). В качестве критериев выделения зон взаимного тяготения в данном случае будут выступать: а) склонность к групповым взаимодействиям в том или ином составе с государствами-сосеями; б) продолжительность (прочность) взаимодействий; в) масштабы указанных взаимодействий (см.: Песцов, 2004).

Пространственные рамки зон взаимного тяготения и, соответственно, границы региональных, субрегиональных и микрорегиональных разделов начинают постепенно прорисовываться в процессе налаживания группового межгосударственного экономического сотрудничества и кооперации в разных частях мира. В большинстве случаев они достаточно четко совпадали с очертаниями естественных природно-географических и культурных сегментов. Большая часть несовпадений между границами зон взаимного тяготения, определявшихся совместным членством в интеграционных объединениях, и географической принадлежностью государств обуславливалась в 1950–1960-е годы политико-идеологическими факторами (Европа), предшествующим опытом взаимных контактов (Азия) либо остаточными эффектами сосуществования в рамках только что рухнувших колониальных империй (Африка). Одним из показателей наличия такого рода несовпадений можно считать количество реорганизаций и частоту смены организационных форм сотрудничества, особенно если они сопровождались одновременной сменой состава участников.

Наиболее стабильными в этом отношении на протяжении первых двадцати лет оставались естественный макрорегион Западной Европы и искусственно сконструированное пространство, объединившее страны Центрально-Восточной Европы, и бывший СССР. В первом случае пространственные границы общерегионального объединения (Организация европейского экономического сотрудничества — ОЕЭС) практически полностью совпадали с естественными региональными рамками Западной Европы. Единственным исключением в этом случае являлось отсутствие в числе членов ОЕЭС группы малых европейских государств, часть из которых находилась под внешнеполитическим патронажем соседей (Монако, Андорра), и участие Турции, географически относящейся к региону Сред-

него Востока (Юго-Западной Азии). Организационная дифференциация государств Западной Европы, обусловившая возникновение двух интеграционных объединений — Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), не имела под собой иных оснований, кроме непринципиальных расхождений в трактовке задач и конечных целей региональной кооперации * . Некоторая автономность отличала лишь микрорегион Северной Европы (скандинавские государства) и группу слабо ориентированных на развитие регионального сотрудничества стран юга Европы (Испания, Португалия и Греция) ** . В целом первые опыты с региональной интеграцией в Западной Европе привели к выделению группы государств, в наибольшей степени ориентированных на взаимное сотрудничество и активно его развивавших («интеграционное ядро»). Она включала государства-члены ЕЭС, Великобританию и Данию. Большая часть членов ЕАСТ (кроме, вероятно, Исландии, Лихтенштейна и Швейцарии), а также Греция, Ирландия, Португалия и Испания создавали так называемую «ближнюю периферию» европейского интеграционного процесса. К «дальней периферии», кроме уже упомянутых «малых» членов ЕАСТ, относились в этот период европейские страны, «выборочно» участвовавшие в деятельности региональных объединений (Финляндия), и «пограничные» государства, относящиеся к другим регионам, но достаточно явно ориентирующиеся на взаимодействие с Европой (Турция). В состав ЕАСТ входили государства, территории которых в большинстве случаев даже не соприкасались друг с другом и не создавали целостного общего пространства. Некоторую организационную оформленность эта автономность приобрела только в первом случае, благодаря созданию Северного Совета (НК).

В течение 1970-х – первой половины 1980-х годов западноевропейское региональное пространство постепенно унифицируется благодаря интенсификации кооперационных взаимодействий и их «стягивания» вокруг Европейского Сообщества (ЕС). Одним из проявлений данной тенденции являлось расширение членского состава ЕС за счет государств, до этого находившихся вне рамок организованного регионального сотрудничества (Ирландия, Греция, Испания), и стран, сменивших организационную принадлежность (Великобритания, Дания, Португалия). О явном преобладании центростремительных тенденций в этой географической зоне свидетельствовало и подписание в 1972–1973 гг. серии двусторонних договоров о свободной торговле, подписанных ЕС с членами ЕАСТ и НК (Австрия, Исландия, Лихтенштейн, Норвегия, Финляндия, Швеция, Швейцария). Наконец, прогрессирующему сближению западноевропейских государств способствовало появление в 1970-е годы трансграничных кооперационных объединений, стиравших «межфракционные» барьеры на уровне локальных взаимодействий. Некоторые из такого рода объединений (Ассоциация Адриатических Альп) втягивали в орбиту западноевропейского регионального сотрудничества отдельные страны, находившиеся на периферии соседней интеграционной зоны (Югославия).

Региональное пространство, политически вычлененное в конце 1940-х годов созданием СЭВ, в 1960–1970-е годы, напротив, несколько утрачивает свою четкость и значение как объективной основы групповой интеграции. Подтверждением превалирования идеологического фактора среди обстоятельств, обусловивших появление этого объединения, стало свертывание с начала 1960-х годов участия в региональном сотрудничестве Албании и окончательный отказ от членства в СЭВ Югославии. На это же указывало и внесение изменений в устав СЭВ (1962 г.), снимающих «региональное ограничение» членства в организации и расширение ее членского состава за счет первого нерегионального участника — Монголии. После вхождения в СЭВ Кубы (1972 г.) и Вьетнама (1978 г.) географические рамки группировки вообще утрачивают какую-либо пространственную определенность.

В 1990-е годы границы субрегиональных и микрорегиональных пространств, определяемые кооперационными ориентациями европейских государств, существенным образом меняются. С появлением в 1993 г. Единого европейского пространства (ЕЕП) и расширением интеграционного ядра за счет вхождения в состав Европейского Союза (ЕС) Австрии, Швеции и Финляндии (1995 г.) рамки западноевропейской зоны взаимного тяготения приходят в полное соответствие с географическими границами макрорегиона Западной Европы. Одновременно с этим ликвидация СЭВ и распад ряда государств, входивших в его состав, повлекли за собой дробление «восточного блока» на отдельные проторегиональные ареалы. Первый из них — Центрально-Восточная Европа с самого начала представлял собой некоторую условность в связи с отчетливо выраженным тяготением большинства со-

ставляющих его стран к Западной Европе. Поэтому появление здесь в начале 1990-х годов групповых объединений отражало не столько наличие стремления к оформлению объективно существующей региональной общности, сколько потребность в координации усилий, подготавливающих (и ускоряющих) включение государств-участников в орбиту западноевропейского интеграционного процесса. В ходе последнего расширения ЕС (2004 г.) часть государств, относящихся к этой зоне (Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Эстония), официально вошла в число членов этого регионального образования. Остальные, исходя из наличия двусторонних соглашений о развитии сотрудничества с ЕС или ЕАСТ, вполне могут рассматриваться в качестве ближайшей периферии Западной Европы.

Второй проторегиональный ареал — Российско-Евразийский регион также не отличался явно выраженными ориентациями на укрепление группового единства. Наличие институциональной оболочки в виде Содружества Независимых Государств (СНГ), призванной стимулировать межгосударственное сотрудничество в этой зоне, не столько укрепляло взаимное тяготение стран-участниц, сколько усиливало внутригрупповую дифференциацию. Появление во второй половине 1990-х годов в составе СНГ ряда фракционных союзов (ЦАЭС, ЕвразЭС, ГУУАМ) ясно указывало на постепенно прорисовывающиеся ориентации отдельных групп государств на расширение взаимодействий с соседними регионами и действующими там интеграционными объединениями (ЕС, ЭКО).

Таким образом, на обширном географическом пространстве, включающем три макрорегиона (Западная Европа, Центрально-Восточная Европа и Российско-Евразийский регион) и 46 государственных образований, к настоящему времени достаточно четко определились две зоны взаимного тяготения, границы которых определяются интенсивностью и продолжительностью кооперационных взаимодействий соседствующих государств. К первой из них — западноевропейскому интеграционному пространству могут быть отнесены 37 стран, 23 из которых составляют собственно Западную Европу, 16 географически относятся к ЦВЕ и 2 — к Юго-Западной Азии (Среднему Востоку). Ядро этой зоны образуют государства-учредители ЕС и страны, позднее вошедшие в состав союза или продолжительное время развивавшие сотрудничество с этой организацией в рамках двусторонних договоренностей. «Внутреннюю» периферию этой зоны создают государства, недавно присоединившиеся к ЕС и, вероятно, Турция, достаточно давно претендующая на полноправное членство. Наконец, к «внешней» периферии западноевропейской интеграционной зоны может быть отнесена группа восточноевропейских стран (Болгария, Румыния, новые балканские государства), некоторые участники СНГ, входящие в одну из его «буферных» зон (Молдавия, возможно, Армения, Грузия и Украина).

Ядро второй зоны взаимного притяжения образуют РФ, Беларусь и, возможно, Казахстан. Внешнюю оболочку этого ядра создают две группы государств с разнонаправленными ориентациями. Первую составляют уже упоминавшиеся Молдавия, Украина, Армения и Грузия, членство которых в СНГ во многом обусловливается отсутствием близких перспектив на тесное сближение с Западной Европой. Ко второй буферной группе могут быть отнесены четыре Центрально-Азиатских Государства и, возможно, Азербайджан, которые одновременно с членством в СНГ пытаются расширять взаимодействия с соседями в Юго-Западной Азии.

Развитие и организационное оформление регионального сотрудничества в Латинской Америке с самого начала приобрело довольно четкие субрегиональные очертания. Первая интеграционная группировка, появившаяся в этом макрорегионе, была создана группой государств Центральной Америки (Организация Центральноамериканских государств (ОГЦА) — Центральноамериканский общий рынок (ЦАОР)). Из государств, относящихся к этому субрегиону, только Панама оставалась в 1950–1960-е годы за рамками интеграционных экспериментов. Еще две — Мексика и Белиз — входили в состав группировок, объединявших страны Южной Америки (Латиноамериканская ассоциация свободной торговли (ЛАСТ) и Вест-Индии (Карибская ассоциация свободной торговли (КАСТ)). У Мексики, пространственно отделенной от партнеров по объединению, ориентация на развитие региональной кооперации не носила ярко выраженного преференциального характера, и после разделения ЛАСТ на фракционные группировки она оказалась единственным участником, не вошедшим ни в одну из них. Ориентация Белиза на укрепление устойчивого взаимодействия с государствами Вест-Индии, наобо-

рот, в течение этого периода все больше усиливалась.

Оба эти объединения вступили в полосу фракционной сегментации уже во второй половине 1960-х годов. Участниками ЛАСТ создаются пять более узких по своему составу союзов с различными программами деятельности. Основу некоторых из них составляла особая стратегия региональной кооперации (Андский пакт — АП и Ла-платская группа — ЛПГ), другие исходили из необходимости ограничения совместной деятельности решением конкретных хозяйственных задач, представляющих взаимный интерес (Амазонский пакт — АмП, УРУПАБОЛ). Фракционная дифференциация ЛАСТ проявила довольно четкий водораздел между двумя микрорегионами, образуемыми, в одном случае, Аргентиной, Бразилией, Парагваем и Уругваем, в другом — Венесуэлой, Колумбией, Перу и Эквадором. Принадлежность еще двух южноамериканских государств — Боливии и Чили, одновременно входивших в состав нескольких фракционных объединений, в этот период окончательно не определилась. Внутренняя дифференциация ЛАСТ обуславливалась не столько обстоятельствами географической близости, сколько экономическими различиями. Созданная в ее рамках фракционная группировка (Восточнокарибский общий рынок (ВКОР) объединила восемь наименее развитых островных государств Карибского бассейна. Одновременно значительное число стран и территорий Вест-Индии в 1950–1960-е годы под влиянием своих метрополий либо по внешним и/или внутренним политическим причинам (Гаити, Доминиканская Республика, Куба) вообще оказались за рамками организованного регионального сотрудничества.

В середине 1970-х годов в Латинской Америке появляется первая общая группировка координационного характера, в состав которой помимо Центральноамериканских государств-членов ЦАОР и южноамериканских стран-участниц ЛАСТ вошли шесть членов КАС и ранее не участвовавшие в институционализированных региональных проектах Панама, Гаити, Доминиканская Республика и Куба. Одновременно с этим в субрегионе Южной Америки продолжился процесс учреждения локальных кооперационных объединений странами, являвшимися участниками уже действующих и часто сходных по своим программным установкам групповых организаций. В дополнение к ЛПГ в 1970 г. создается еще одно аналогичное объединение (Постоянная комиссия по вопросам развития транспорта стран Южного конуса (ПКРТ) с тем же составом участников, к которым присоединяется Чили. В рамках АмП (1978 г.) к странам-членам АП подключается Бразилия и континентальные государства-участники КАС (Гайана и Суринам). Тенденция организационного переоформления внутрирегиональных кооперационных ориентаций в Латинской Америке, наметившаяся в конце 1960-х годов, в течение 1980–1990-х годов существенным образом видоизменила контуры формирующихся зон взаимного тяготения. Постепенное ослабление взаимосвязей, объединявших партнеров по АП (выход из состава организации Чили, приостановки членства Боливией и Перу) способствовало нарастанию внутригрупповой дифференциации и усилению разнонаправленности интеграционных устремлений. Часть государств (Венесуэла, Колумбия, Эквадор), объединившиеся вместе с Мексикой в начале 1990-х годов в рамках Группы трех (Г-3), все больше склоняются к расширению взаимодействий со странами Центральной Америки и Карибского бассейна. В 1994 г. эти устремления получили свое организационное выражение в виде Ассоциации карибских государств (АКГ), объединившей 25 стран и 12 территорий, в том числе входящих в состав Системы Центральноамериканской экономической интеграции (СИЭКА), КАС и Г-3. Вторая группа членов АП (Боливия, Чили), активно развивавших в 1970-е годы сотрудничество со странами Южного конуса в рамках различных трансграничных образований, в большей степени начинает ориентироваться на возникшую в начале 1990-х годов субрегиональную группировку в составе Аргентины, Бразилии, Парагвая и Уругвая (Общий рынок стран Южного конуса — МЕРКОСУР).

Итогом развития региональных кооперационных взаимодействий в Латинской Америке, таким образом, стало разделение этого макрорегиона на два смежных интеграционных пространства. Одно из них (38 государств и территорий) включает географические субрегионы Центральной Америки, Вест-Индии (Карибского бассейна) и часть территории южноамериканского субрегиона (Венесуэла, Колумбия и, возможно, Эквадор). Внутри этого пространства довольно четко прорисовываются три организационно оформленных ядра, два из которых пространственно почти полностью совпадают с субрегиональным делением. Вторая зона (семь стран), ядро которой образуют Бразилия и Аргентина,

включает (кроме еще двух членов МЕРКОСУР) Чили, Колумбию и, возможно, Перу. В основе постепенно проступающего водораздела между двумя пространствами, наряду с естественно-географическими обстоятельствами, лежат и разные концептуальные подходы к определению целей и форм организации регионального сотрудничества, что подтверждается кризисами ЛАСТ/ЛАИ, выходом из состава этого объединения Бразилии (1983 г.) и достаточно острыми дискуссиями вокруг проекта создания межамериканской зоны свободной торговли (ЗСТА).

В Африке, где попытки налаживания устойчивых взаимосвязей на региональном уровне стали предприниматься рядом государств континента в преддверии приобретения ими политической независимости, основная активность в этом направлении вплоть до начала 1970-х годов ограничивалась главным образом французскими территориями Западной и Экваториальной Африки. Географически эти территории почти полностью охватывали пространство субрегионов Западной (за исключением бывших колониальных владений Великобритании и Португалии) и Центральной (исключая Анголу) Африки. Одна из первых региональных группировок, возникших в этой части Африканского континента, — Афро-малагасийская организация экономического сотрудничества (АМОЭС) — Общая афро-маврикийская организация (ОКАМ) — объединила в своем составе шесть государств Западной, пять — Центральной и четыре страны, располагающиеся в субрегионе Восточной Африки. Большая часть членов этого объединения была представлена бывшими французскими колониями. Исключение составляли только Руанда, Маврикий и Сейшельские Острова. Повышенная интеграционная активность в этой части Африки объективно обуславливалась целым рядом обстоятельств. К ним, несомненно, относилось «идейное» влияние бывшей метрополии, являвшейся активным сторонником и участником европейской интеграции, а также политика «ассоциативизма», превратившаяся, опять же благодаря усилиям Франции, в одно из важнейших направлений внешней деятельности ЕЭС (Twitchett, 1978, p. 1–16).

Весьма важным стимулом (и основой) расширения кооперационных взаимодействий, безусловно, стала и «позитивная» часть французского колониального наследия, к каковой относилась довольно развитая сеть экономических отношений, связывавших бывшие колонии не только с метрополией, но и друг с другом. Наконец, к развитию регионального сотрудничества в этой части Африки ряд государств подталкивали объективные хозяйственные потребности, такие как, например, отсутствие прямого выхода к морю и возможность достижения внешнего мира только транзитом через территорию соседей (Нигер, Верхняя Вольта, Мали, Чад, ЦАР).

Одновременно с интеграционными экспериментами, рамки которых определялись внешними факторами и обстоятельствами, связанными с колониальным наследием, в конце 1950-х и в 1960-е годы начинают появляться групповые кооперационные объединения с более четкой субрегиональной локализацией. Ядром западноафриканского «интеграционного пространства» становятся Бенин, Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольта и Нигер, входившие в состав практически всех возникающих в этот период субрегиональных группировок. Чуть меньшая активность отличала Того, Сенегал, Мавританию и Мали, которые, в том или ином составе, выступали в качестве партнеров стран-лидеров в различных групповых проектах. В роли наиболее заинтересованных участников кооперационных экспериментов в Центральной Африке выступали ЦАР, Чад, Камерун, Габон и Конго. С середины 1960-х годов к этой группе присоединяется Заир. Единственным из субрегионов Африки южнее Сахары почти не затронутым регионализмом оказалась Восточная Африка. Больше того, попытка сохранения доставшегося от колониального прошлого экономического единства, предпринятого Кенией, Танзанией и Угандой с помощью Восточно-африканского сообщества (ВАС), так и не смогла остановить прогрессирующего охлаждения отношений между партнерами. Большая часть государств этого субрегиона либо вообще не проявляла интереса к групповому сотрудничеству, либо пыталась удовлетворить его путем участия в «соседних» экономических группировках: Мадагаскар — в АМОЭС–ОКАМ, Сомали — в Арабском общем рынке (АОР). С начала 1970-х годов региональные взаимодействия в Африке южнее Сахары смещаются на уровень трансграничной кооперации, ограниченной более узкими рамками и конкретными задачами. Большая часть групповых образований, возникавших в этот период, как и прежде, объединяла западноафриканские страны, наибольшую активность среди которых демонстрировали Мали, Нигер (одновременно участвовали в деятельности четырех новых группировок), Сенегал, Бур-

кина-Фасо (члены трех локальных союзов), Мавритания, Нигерия и Гамбия. Одновременно с этим на месте учрежденного ранее и постепенно пришедшего в упадок широкого объединения (ОКАМ) создается первая группировка с четко выраженными субрегиональными очертаниями (ЭКОВАС). В ее состав вошли все западноафриканские государства (кроме Нигерии), в том числе семь бывших французских колоний, четыре бывших владения Великобритании и два — Португалии.

Основной формой организованного регионального сотрудничества в Центральной Африке вплоть до начала 1990-х годов оставался появившийся еще в 1964 г. Таможенный и экономический союз Центральной Африки (ЮДЕАК), который объединял шесть из десяти государств этого субрегиона. Некоторые из центральноафриканских стран в эти годы продолжали активно развивать кооперационные связи с соседями из Западной Африки (Камерун и Чад являлись членами, соответственно, 4 и 3 трансграничных группировок с участием западноафриканских государств). В начале 1980-х годов членами ЮДЕАК была предпринята попытка создания единой интеграционной организации с участием двух восточноафриканских стран (Бурунди, Руанда), ранее пытавшихся вместе с Заиром наладить взаимное сотрудничество в рамках Экономического сообщества стран Великих озер (СЕПГЛ). До 1980 г. это локальное объединение, наряду с переживавшим упадок ВАС, относилось к числу немногочисленных примеров институционализированной групповой кооперации в самом многочисленном субрегионе — Восточной Африке. Однако с начала 1980-х годов именно сюда перемещается центр интеграционной активности. В 1980–1981 гг. здесь последовательно создаются два широких кооперационных образования — Конференция по координации экономического развития государств юга Африки (САДКК) и Зона преференциальной торговли стран Юго-Восточной и Южной Африки (ПТА), в состав которых вошла большая часть стран субрегиона. Пространственные границы обоих объединений частично захватили Южную (Ботсвана, Лесото, Свазиленд) и Центральную (Ангола) Африку

Институциональное оформление групповой межгосударственной кооперации в макрорегионе Африки южнее Сахары, продолжавшееся и в 1990-е годы, осуществлялось в основном в рамках уже сложившихся субрегиональных образований, а проводимые реорганизации являлись скорее отражением изменений (корректировок) программных приоритетов, нежели перемен в составе участников. Трансформация САДКК в Сообщество южноафриканского развития (САДК) и ПТА в Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА) сопровождалась расширением членского состава обеих организаций вследствие вовлечения в активное региональное сотрудничество государств, до этого остававшихся вне его рамок (Намибия, ЮАР, Судан, Эритрея). Точно так же корректировкой программных установок была обусловлена реорганизация одного из старейших центральноафриканских объединений ЮДЕАК в 1994 г. в Экономическое и валютное сообщество Центральной Африки (КЕМАК). Структура субрегиональной кооперации в Западной Африке была дополнена появлением в этом же году Западноафриканского экономического и валютного союза (ЮЭМОА), созданного на базе ЮМОА, а в субрегионе Восточной Африки — восстановлением ВАС (2001 г.). В результате к концу 1990-х годов в рамках макрорегиона Африки южнее Сахары оформились три самостоятельные зоны кооперационных взаимодействий, рамки которых в большей степени соответствовали естественно-географическим границам субрегионов, нежели постколониальным разделом, ранее весьма ощутимо влиявшим на конфигурации групповых союзов. Роль общего института субрегиональной интеграции в Западной Африке в настоящее время играет Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС), включающее в свой состав три микрорегиональных объединения (КЕАО, СРМ и ЮЭМОА) с частично совпадающим членским составом. Ядро этой зоны образуют Бенин, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуар, Нигер и Сенегал с примыкающими к ним Того и Мали. Выведение за рамки этой группы Мавритании, не менее активно участвующей в групповых кооперационных проектах, обусловлено наличием у нее стремлений к параллельному укреплению связей с североафриканскими странами. В субрегионе Центральной Африки роль объединенной структуры выполняет Экономическое сообщество стран Центральной Африки (ЭККАС), в состав которого входят члены КЕМАК и СЕПГЛ. Центр этой зоны образуют Габон, Камерун, Конго, Чад и ЦАР. Только два из десяти государств, географически относящихся к Центральной Африке, до последнего времени оставались за рамками субрегионального экономического сотрудничества: Ангола, ориентирующаяся на кооперацию с соседним субрегионом, и Экваториальная Гвинея. Третья зона взаимного тяготения, ядро которой составляют Кения, Маврикий, Мадагаскар, Руанда, Танзания и Уганда, представлена двумя группировками (САДК и КОМЕСА)

с частичным совпадающим составом и участием практически всех стран субрегиона. Эта зона захватывает южноафриканские государства, Анголу, а также Судан, располагающийся в Северной Африке. В начале 1990-х годов над всеми этими субрегиональными кооперационными союзами надстраивается еще один этаж в виде «зонтичного» объединения — Африканского экономического сообщества (АЭС), призванного координировать интеграционную активность в общерегиональном масштабе.

Достаточно сложно протекали процессы налаживания взаимоотношений между государствами Северной Африки и Среднего Востока. Два межгосударственных объединения, возникшие в середине 1960-х годов в рамках этого макрорегиона, — Постоянный консультативный комитет стран Магриба (ПККМ) и Арабский общий рынок (АОР) относились к категории «пробных» шагов, цель которых заключалась в определении возможного круга участников, предрасположенных к интенсификации хозяйственных связей на той или иной основе. На это указывали и частично пересекавшийся членский состав двух группировок, и присоединение к ним «нерегиональных» участников (Мавритания, Сомали). Если государства Северной Африки оказались вовлеченными в процессы регионального сотрудничества в полном составе, то значительная часть стран Среднего Востока оставалась за их рамками. Некоторые из государств этого субрегиона — Турция и Иран — пытались реализовать возможности группового сотрудничества в кооперации с соседями из Южной Азии (Пакистан) либо путем присоединения к Европейскому экономическому сотрудничеству (Турция). На всем протяжении 1970-х годов межгосударственное сотрудничество в рамках трех возникших в этом макрорегионе кооперационных объединений постепенно деградировало. Последовательное прекращение в начале 1980-х годов деятельности ПККМ, АОР и организации Регионального сотрудничества в целях развития (РСР) свидетельствовало о том, что едва наметившиеся взаимные ориентации стран-участниц не только не окрепли, но, наоборот, еще больше ослабли. В то же время появление в 1981 г. новой региональной группировки — Совета по сотрудничеству стран Персидского залива (ССАПЗ), членами которой стали два государства, ранее участвовавшие в региональных кооперационных проектах (Кувейт, Оман), указывало не только на сохранение в регионе определенного потенциала для налаживания стабильных взаимосвязей, но и на появление еще одного микрорегионального интеграционного центра.

Восстановление во второй половине 1980-х годов всех ранее действовавших групповых объединений (Организации экономического сотрудничества (ЭКО) в качестве преемницы РСР, Совета арабского сотрудничества (САС) вместо АОР и Союза арабского Магриба (САМ) на месте ПККМ) способствовало увеличению интенсивности межгосударственного сотрудничества в макрорегионе, но не степени его внутреннего единства. В настоящее время в его рамках вырисовываются контуры четырех почти не пересекающихся зон взаимного тяготения, очертания которых не всегда совпадают с географическими границами субрегионов и микрорегионов. Первая из таких зон образуется группой североафриканских государств (Алжир, Ливия, Марокко, Тунис), к которым примыкает Мавритания, относящаяся к субрегиону Западной Африки. Вторая подобная зона включает территории пространственно почти не прикасающихся Египта, Ирака, Иордании и Йемена. Третью составляют арабские государства Персидского залива. Центром притяжения в четвертой потенциальной зоне выступает Иран, все более явно ориентирующийся на развитие сотрудничества с соседями в Центральной и Южной Азии. Некоторые из североафриканских государств, ранее, безусловно, тяготевших к кооперации с арабскими странами Среднего Востока (Египет, Судан), в последнее время начинают уделять все большее внимание интеграционным проектам, осуществляющимся в макрорегионе Африки южнее Сахары. Определенный интерес к внерегиональным групповым инициативам проявляют и другие государства Среднего Востока (Турция, Кипр, Йемен, Оман). Наконец, весьма ограниченное участие принимает в региональном сотрудничестве Ливан и практически не включается в него Израиль. Все это согласуется с выводом, что макрорегион Северной Африки и Среднего Востока относится к числу наименее интегрированных, а формирующиеся в его рамках зоны взаимного тяготения не всегда совпадают с естественной субрегиональной дифференциацией. Кооперационные ориентации части стран, входящих в состав его географических границ, в гораздо большей степени сближают их с соседними макрорегионами (Кипр, Турция, Судан).

На обширном Азиатско-Тихоокеанском пространстве, включающем четыре географических региона

— Южную Азию, Юго-Восточную Азию, Восточную Азию, Австралию и Океанию, в 1950–1960-е годы проявились лишь два локальных очага ограниченной интеграционной активности. Ядро первого («азиатского») образовали пять стран Юго-Восточной Азии — Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины, сумевшие после ряда реорганизаций найти оптимальную форму объединения (АСЕАН). Некоторую активность в плане развития сотрудничества на уровне региона проявляли и их соседи — Лаос, Камбоджа и Южный Вьетнам. Однако их усилия ограничивались попытками совместного решения локальных хозяйственных задач и в конечном счете не привели к появлению устойчивого кооперационного образования. Вторая зона интеграционной активности — «тихоокеанская» возникла в результате усилий Австралии и Новой Зеландии по созданию зоны свободной торговли (НАФТА). В этот же период появляется и первое межрегиональное («азиатско-тихоокеанское») объединение — Азиатско-тихоокеанский совет (АСПАК), в которое, наряду с участниками обоих указанных проектов, вошли и проявлявшие интерес к региональному сотрудничеству государства Восточной Азии (Тайвань, Южная Корея, Япония). Внешние ориентации второй группы восточноазиатских стран (Китай, КНДР, Монголия), определявшиеся политико-идеологическими факторами, в этот период носили отчетливо выраженный «внерегionalный» характер. На поиск партнеров за пределами собственного региона ориентировались и некоторые, проявляющие интерес к экономическому сотрудничеству с соседями, страны Южной Азии (Пакистан). Большая же часть государств этого региона по разным причинам особой энергии в деле налаживания экономических взаимодействий на региональном уровне в этот период не проявляла.

Корректировка стратегических приоритетов группового взаимодействия и усилия членов АСЕАН по расширению и активизации взаимного экономического сотрудничества, предпринятые в 1970-е годы, способствовали укреплению одной из зон субрегиональной интеграционной активности, ранее оформившейся в Тихоокеанской Азии. Аналогичные тенденции наблюдались в этот период и в субрегионе Австралии и Океании. Локальный союз Австралии и Новой Зеландии получает дополнительный стимул для своего развития в результате реорганизации и подписания нового двустороннего соглашения о расширении сотрудничества (АНЗЕРТА). Несколько ранее здесь создается и более широкое объединение — Южно-тихоокеанский форум (ЮТФ), в состав которого наряду с участниками вышеупомянутого соглашения вошла большая часть островных государств и территорий Океании. Несмотря на то, что основным конструктивным элементом ЮТФ стал договор о неэквивалентной свободной торговле между основными субрегиональными державами и малыми островными странами (СПАРТЕКА), институциональное оформление групповой общности, безусловно, облегчало налаживание более прочных связей внутри географически раздробленного конгломерата небольших и экономически слабых государственных образований, располагающихся на периферии мировой хозяйственной системы.

В середине 1970-х годов первая попытка институционализации групповых взаимодействий предпринимается тремя странами Южной Азии (Бангладеш, Индия, Шри-Ланка), которые вместе с соседними Лаосом (Юго-Восточная Азия) и Южной Кореей (Восточная Азия) учреждают организацию, призванную способствовать расширению взаимных торговых обменов — Бангкокское соглашение (БС). Очередной толчок в своем развитии интеграционные процессы в макрорегионе получили в начале 1980-х годов в результате создания Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК) с участием всех семи государств, географически относящихся к Южной Азии. Устойчивость внутригрупповых отношений, постепенно складывающихся в Южной и Юго-Восточной Азии, в определенной мере подтверждается и активизацией сотрудничества на нижнем трансграничном уровне, наметившейся в 1990-е годы. Зона взаимного тяготения в одном случае создается Индией, Бангладеш и, вероятно, Шри-Ланкой, активно пытающимися интенсифицировать связи не только с соседями по региону (Пакистан, Бутан, Непал), но и с государствами Юго-Западной (Афганистан) и Юго-Восточной Азии (Мьянма). В субрегионе Юго-Восточной Азии роль интеграционного ядра играют страны-учредители АСЕАН, прежде всего Малайзия, Индонезия и Таиланд. В орбиту уже сложившейся здесь зоны взаимного тяготения в 1980–1990-е годы была втянута большая часть стран этого географического пространства. Субрегион Восточной Азии в настоящее время остается, пожалуй, наименее связанным внутригрупповыми взаимодействиями. За исключением естественной связки Гонконга, Китая и Тайваня здесь нет ареалов с оформившимся и явно выраженным внутренним тяготением. Большая часть

государств ориентирована на развитие сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии и/или участие в кооперационных проектах более широкого (трансрегионального, международного) плана.

Значение образовавшейся в 1992 г. НАФТА связано не столько с фактом организационного оформления тесных экономических взаимоотношений двух североамериканских государств, которые и без того развивались достаточно интенсивно («тихая» интеграция), сколько с возникновением нового центра притяжения, переориентирующего интеграционные устремления стран соседнего макрорегиона. Противоречия, обнаружившиеся в процессе обсуждения идеи Общеамериканской зоны свободной торговли (ЗСТА), свидетельствуют о реальной вероятности разделения Латинской Америки на два отдельных пространства с разнонаправленными кооперационными ориентациями. Наряду с постепенно прорисовывающимися в процессе развития группового сотрудничества субрегиональными и макрорегиональными зонами взаимного тяготения, к концу 1980-х и в 1990-е годы начинают появляться и организационно оформляться отдельные центры межрегиональной экономической кооперации. Учреждение в 1989 г. организации Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) стало первым институциональным проявлением этой тенденции. Ее продолжением является создание в 1997 г. Ассоциации регионального сотрудничества стран Индийского океана (АРСИО), объединения, ориентированного на конструктивное сопряжение усилий группы стран, географически представляющих пять разных макрорегионов мира и, как минимум, семь отдельных субрегиональных кооперационных союзов.

Несмотря на многочисленные поиски «естественных» международных регионов, представляющих собой наиболее подходящие для успешного развития интеграции площадки, общепризнанный смысл термина «регион» долгое время исчерпывался указанием на ограниченность числа участников кооперационных взаимодействий уровнем меньшим, нежели глобальный, и большим, чем национальный. «Региональный» часто не означал ничего более, чем «ограниченно-сторонний» в отличие от «двустороннего» или «многостороннего». В качестве основного критерия в этом случае использовалось достаточно неопределенное понятие «пространственная близость». Однако более чем полувековая история активного развития международной кооперации и интеграции в групповых рамках дает возможность по-новому взглянуть на проблему. Сама интеграционная практика, не только проявляющая региональные границы, но и конструирующая (модифицирующая) их, позволяет найти ответ на многие вопросы, до сих пор остающиеся дискуссионными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов, механизмы самоорганизации и культурная политика. Изд. РАГС. М.: 2001.
2. Адemesку А.К. Совершенствованию территориально-организационной структуры России // Российский экономический журнал. – 1993. - №10.
3. Адухов А. Реформирование экономики и взаимодействия регионов РФ// Вопросы экономики. – 1996. - № 6.
4. Александров И.Г. Экономическое районирование России. М.: Госплан, 1921. – 3-4 с.
5. Анализ тенденции развития регионов России. Типология регионов, выводы и предложения. Проект ТАСИС (контракт BIS/95/321/057). М.: экспертный институт 1996. – 45 с.
6. Акинин П. Рязанцев С.В., Экономика Ставрополя: современные особенности и векторы дальнейшего развития// Научная мысль Кавказа. – 2000. - №2.
7. Акимов Ю. Особенности организационно-экономического механизма функционирования хозяйств населения// Экономика сельского хозяйства России. – 1999. - № 10.
8. Алтуков Ю.К., Кетова Н.П., Овчинников В.Н, Механизм посткризисного развития экономики регионов России. Ростов н/Д: изд. РГУ 2002.
9. Амосов А. Прогноз ситуации в агропромышленном комплексе до 2003 г. // Экономист. – 1998. - № 12.
10. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический справочник. М.: 1983.
11. Анисимов В., Винслав Ю. Реализация муниципальной промышленной политики// Российский экономический журнал. – 2002. -№9.
12. Антинов Н.А. Социальное развитие регионов. М.: 2005.
13. Аржановский И.В. Региональный рынок: воспроизводственный аспект. Нижний Новгород, 1997.
14. Бачурин А., Концепция воспроизводства и улучшения жизни народа// Экономист. – 2001 - № 4.
15. Белоусов А.Р. Эффективный экономический рост в 2001-2010 гг: условия и ограничения// Проблемы прогнозирования. – 2001. - № 1.
16. Бовков В.Н., Литвинов В. А., Гулюгино А. А. Уровень жизни населения России в 2002 г.//Уровень жизни населения России. – 2003.
17. Боролудина Н.А., Классификация кризисных территории. М.: ИГ РАН 1997. – 15 с.
18. Булгадаева С. А. Управление социально-экономическим развитием депрессивного региона// Автор канн. Дисс. М.: 2001.
19. Бутов В. И., Игнатов В.Г., Кетова Н. П. Основы региональной экономики. Учебное пособие для вузов. Ростов н/Д: «Март». 2000 г.
20. Бурганов Р. Формирование конкурентной среды в регионах// Экономист. – 2001. - № 7.
21. Введение в экономическую географию и региональную экономику России: Учебник / Под общей ред. Глушковой В.Г., Винокурова А.А., часть 1. М.: Владос

пресс, 2004.

22. Введение в экономическую географию и региональную экономику России: Учебник / Под общей ред. Глушковой В.Г., Винокурова А.А., часть 2. М.: Владос пресс 2004.
23. Волков В.И и др. Национальная экономика России. М.: 2000 г.
24. Гасанов И. Региональные проблемы инфраструктуры экономики// Экономист. – 2001. - № 7.
25. Гладкий Ю.Н. Социально-экономическое развитие регионов России. Учебное пособие. М.: ИНФРА, 1998.
26. Глушченко В.В. Риски инновационной и инвестиционной деятельности в условиях глобализации, 2006 г.
27. Гранберг А.Г. Стратегия территориального развития России: от идей к реализации// Вопросы экономики. – 2001 г. - № 9.
28. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. Учебник для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
29. Гранберг. А. Г., Артоволевский С., Ковалева Г., Семенов П, Штульберг Б. Реструктуризация старопромышленных регионов: опыт России и мира// Региональное развитие и сотрудничество. – 1998. № 1,2.
30. Дружинин А.Г. Развитие туристско-рекреационного комплекса Юга России: проблемы и приоритеты// Научная мысль Кавказа. – 2001. - № 3.
31. Дурагова Г.В. Депрессивные территории: возможные пути оздоровления// ЭКО. – 2003. - № 2.
32. Ерохина Е.А. Теория экономического развития: системно-синергетический подход. М.: 2001.
33. Зерберг К., Сшивая лоскутное одеяло...(шансы и риск глобализации в России) // Pro et Contra. Осень 1999 г. Т.4. - №4.
34. Зубрили Ю.В. Оценка и обоснование допустимых пороговых значений дифференциации доходов населения// Уровень жизни населения регионов России. – 2003. - №3.
35. Иванов А.П., Дзауров Х. А. Анализ неравномерности экономического развития регионов России. – 2003. - №3
36. Игнатов В.Г., Бутов В. И. Регионоведение (экономика и управление). Учебное пособие. Ростов н/Д: «марТ», 2000.
37. Игнатов В.Г., Бутов В. И., Регионоведение: методология, политика, экономика, право. Учебное пособие. Ростов н/Д: «марТ», 1998.
38. Игнатов В.Г., Бутов В. И. Южная Россия: история и современность. Ростов н/Д: изд-во СКАГС, 2002.
39. Игнатов В.Г. История государственного управления России// Изд. 3. Ростов н/Д, 2003.
40. Кастельс М. Глобальный капитализм. М.: 2006
41. Кашин В.К. Региональное развитие и промышленная политика (рабочие материалы), 2005.
42. Кистанов В.В., Копылов Н.В. Региональная экономика России, 2009 г.
43. Кириченко В.Н. Рыночная трансформация экономики: теория и опыт. // Российский экономический журнал. – 2001.- № 3, 4.

44. Коваленко Е.Г. Региональная экономика и управление. Учебное пособие. СПб.: Питер 2005.
45. Кондратенко Н. Особенности национальной экономики// Экономика и жизни. – 2000. - № 11.
46. Конституция Российской Федерации// Российская газета. – 1993.
47. Комплексная программа развития инфраструктуры товарных рынков РФ на 1998-2005 годы// Российская газета. – 1998.
48. Красискова Е. Рыночная трансформация российской экономики и процесс персонального накопления капитала// Вопросы экономики. – 2001.- №2.
49. Кубанов А.М. Пути повышения эффективности сельского хозяйства// Монография. Черкесск, 2001.
50. Кузнецова О. О некоторых проблемах федерального регулирования экономического развития регионов России// Федерализм. – 2002. - № 4.
51. Кузнецовой. О.Д., Шапкина И.Н. История экономики. Учебник для вузов. М.: 2 изд. 2005.
52. Кузнецовой. О.Д., Шапкина И.Н. История экономики. Учебник. М.: 2 изд. 2005.
53. Кушлин В. Задачи экономического роста// Экономист. – 2001. - № 11.
54. Лавров А., Кузнецова О. Экономическая политика регионов: «либеральная» и «консервативная» модели// Политика. – 1997. - №1.
55. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Региональная политика России: концепции, проблемы, решения. Статья вторая. Реформы и целостность государства. Проблемы территориальной дифференциации и дезинтеграции// Российский экономический журнал. – 1999. - № 11, 12.
56. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Общероссийские реформы и территориальное развитие. Статья восьмой. Депрессивные территории: прежние проблемы и новые варианты их решения// Российский экономический журнал. – 2001. - №9.
57. Литвинов В.А., Мудракова Е.И. Минимальный потребительский бюджет и уровень жизни населения России// Уровень жизни населения России. – 2003. - № 3.
58. Лысенко В. Развитие федеральных округов и будущее федерального устройства России// Федерализм. – 2002. № 3.
59. Орешин В.П. Государственное регулирование национальной экономики: - М.: Инфра, М, 2000.
60. Орешин В.П., Фетисов Г.Г. Региональная экономика и управление. Гриф УМО ВУЗов России, 2008 г.
61. Основные социально-экономические показатели по РФ за 2000-2005 гг. // Вопросы статистики. – 2005. - №5.
62. Подберезкин А., Булатов Ю. Тенденции глобализации: содержание и направленность М.: РГСУ, 2006.
63. Под ред. Проф. Овчиникова В.Н., Колесникова Ю.С. Стратегии и проблемы региональной экономики. Ростов н/Д: изд-во РГУ, 1999.
64. Постановление правительства Российской Федерации «О совершенствовании механизма государственной поддержки развития регионов»// Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999.- №26.
65. Попов Р. Региональный менеджмент. Краснодар. «Сов. Кубаны», 2000.

66. Производства и использование валового внутреннего продукта в странах СНГ в 2004-2005 гг. (по материалам Статкомитета СНГ) // Вопросы статистики. – 2006. - № 1.
67. Промышленность Российской Федерации. 2005. – М.: Госкомстат России, 2006.
68. Пчелинцев О.С., Российский экономический рост 1999-2000 гг. в региональном и глобальном контекстах. Проблемы прогнозирования // Вопросы экономики. – 2001.- №4.
69. Региональная экономика: Учебник / Под ред. Видянина В. И., Степанова М.В, -М.: ИНФРА-М, 2002.
70. Региональное развитие: Опыт России и Европейского Союза. ТАСИС / Под ред. Гранберга А.Г., М.: 2001.
71. Родионова И.А. Экономическая география и региональная экономика. – М.: 2001.
72. Российский статистический ежегодный 2003: стат. Сб. Госкомстат России. – М., 2004.
73. Российский статистический ежегодный 2004: стат. Сб. Госкомстат России. – М., 2005.
74. Российский статистический ежегодный 2005: стат. Сб. Госкомстат России. – М., 2006.
75. Российский статистический ежегодный 2006: стат. Сб. Госкомстат России. – М., 2007.
76. Российское экономическое чудо: сделаем сами. Прогноз развития экономики России до 2020 года, 2007 г.
77. Сергеев В.М. Выступление о проблеме глобализации на первом международном украино-российском лагере «вызовы нашего поколения» август 2001 г. Учебный центр ИГПИ.
78. Тамбиев А.Х. Регион в системе национальной экономики: экономические модели и механизмы регулирования. Дисс. дзн: 08.00.05// Ростовский государственный университет. Ростов н/Дону, 2006.
79. Тяглов С.Г. Черныш Е.А., Молчанова Н. П., и др., Региональная экономика. Ростов н/Д.: «Феникс», 2001.
80. Указ Императора Петр I от 18 декабря 1708 . Карамзин Н. М., История государства российского. Том 1. изд 3. Ростов н/Д, 1989.
81. Указ президента РФ «об основных положениях региональной политике в Российской Федерации// Собрание законодательства РФ. – 1996. - №23.
82. Уровень жизни населения России в 2003 г.// Уровень жизни населения регионов России. – 2004. - № 3.
83. Уровень жизни населения России в 2004 г.// Уровень жизни населения регионов России. – 2005. - № 4.
84. Уровень жизни населения России в 2005 г.// Уровень жизни населения регионов России. – 2006. - № 4.
85. Федеральный закон «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти субъектов Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. – 1999. - № 26.

86. Федеральная целевая программа «социальное развитие села до 2010 года»// Собрание законодательства РФ. – 2002. - №49.
87. Федеральная служба государственной статистики РФ. <http://www.gks.ru>, <http://www.infostat.ru>.
88. Хиллман А.Л. Государство и экономическая политика: возможности и ограничения управления. Учебное пособие, 2009 г.
89. Чепалыга А.Л., Чепалыга Г.И. Регионы России: справочник, 2008 г.
90. Шанин С.А. Локальные экономики: вопросы теории и методологии. – Ростов на Дону 2003.
91. Шанин С.А, Территориальная стратифицированность экономического пространства: особенности и типология. Белгород 2003.
92. Шрепрлер Х.А. Международные экономические организации. М.: МЭСИ, 2005.
93. Штульберг Б.М. «О депрессивных территориях в Российской Федерации». Пути выхода из кризиса (материалы к парламентским слушаниям). М.: СОПС, 1997.
94. Andrew Hurrel. Region of the worlds. Canada 2006.
95. Annual Statistical Bulletin OPEP 2006. Summary tables and basic indicators. 2006.
96. Anik G. F. Venezuela and regions. Canada. University Ontario. 2005.
97. Analisis de los cuadernos del CENDES. 2006 bajo la redaccion de Suares M., Ferrer R., Jimenez C., 2006.
98. Banco Central de Venezuela. Estadisticas anuales del Banco Cetral de Venezuela. 2007. <http://www.bcv.gov.ve>.
99. Bank Interamerican development. Analyses Economic World 2005-2006. <http://www.bid.gov.org>.
100. Coleccion de investigaciones del CENDES, Comision de estudios economicos de la Universidad de los Andes, , de la Academia de Ciencias Economicas de Venezuela y otros Libro № 9, 2001.
101. Constitucion de la Republica Bolivariana de Venezuela. Publicada en Gaceta Oficial 01 de enero de 2000.
102. Decreto presidencial №1562. Publicado en Gaceta Oficial febrero de 1980.
103. Decreto presidencial № 478 publicado en Gaceta Oficial del 8 de enero de 1980.
104. Donoso P. Archeological study Latin Americans nations. C.: 2002.
105. Echeverria M. Ubicacion geopolitica de las regiones de Venezuela. Mexico.: Editorial salesiana. 2001.
106. Fernandez A. Estudios locales y regionales. A.: Buenos Aires. Editorial Panapo 2005.
107. Ferrer G. Analisis de la economia regional de los paises del mundo. 2005.
108. Guerrero J.A. Geograpy and economy Venezuela. N.Y 2004.
109. Instituto Nacional de Estadistica// <http://ine.org.gov.ve>.
110. Ley organica de aduanas de Venezuela. Gaceta Oficial.
111. Ley organica de descentralizacion, delimitacion y transferencia de competencias del poder publico. Publicada en Gacete Oficial №37353. – 2003.
112. Lineas generales del plan de desarrollo economico y social de la nacion 2000 -

2007. secretaria de la Presidencia de la Republica Bolivariana de Venezuela, 2001.
113. Lineas generales del plan de desarrollo economico y social de la nacion 2007 - 2013. Secretaria de la Presidencia de la Republica Bolivariana de Venezuela, 2007.
114. Маклин Дж. Globalization and economic. NY. : CU. 2005.
115. Meneides R. Economia politica regional en Venezuela. C.:2006.
116. Moncada M., Proyecto territorial de las Americas, 2006.
117. Ministerio del Poder Popular para las Finanzas, Ministerio del Poder Popular para la Planificacion y el Desarrollo Economico de Venezuela. estadisticas internas, 2006-2007.
118. Ministerio del Poder Popular para los Recursos Naturales de Venezuela. Informe sobre la utilizacion de los recursos de Venezuela y de sus regiones, 2005.
119. Ministerio del Poder Popular para las Finanzas de Venezuela // <http://www.mf.gov.ve>.
120. Ministerio del Poder Popular para la Planificacion y el Desarrollo Economico de Venezuela. // <http://www.mde.gov.ve>.
121. Meison G. Analys Economic Russia. N.Y, 2002-2005.
122. Okmae K. The Borderless World: power and strategy in the interlinked economy. N.Y, 1991.
123. Plan nacional de desarrollo regional 2001-2007. Ministerio de Planificacion y desarrollo. Despacho del viceministerio de planificacion y desarrollo regional. Diciembre 2001.
124. Plan nacional de desarrollo regional 2001-2007. Ministerio de Planificacion y desarrollo. Despacho del viceministerio de planificacion y desarrollo regional. Diciembre, 2001.
125. Programa economico de transicion 1999-2000., Programa economico año 2000., Plan nacional de desarrollo regional de Venezuela. Presidencia de la Republica de Venezuela, 1999.
126. Plan nacional de desarrollo regional de Venezuela. Presidencia de la Republica de Venezuela 2007-2013, 2007.
127. Perez- K.A. Investigacion y apreciacion del Producto interno bruto (BIP) y del producto regional bruto (PRB) de los paises desarrollados y en vias de desarrollo.
128. Pirjo Jujarainen, Any space for the postmodern identity? International conference: «border regions in transition», 1997.
129. Rodriguez A.C. Proceso de Globalizacion en las Relaciones modernas internacionales. Caracas, 2007.
130. Rodriguez S.E. Rosales A.G, Moreno C.A., Calderon D.A., Evolucion historica de la economia en el mundo. C. : Editorial Panapo 2005.
131. Rodriguez A.C. Globalizacion y las relaciones economicas internacionales.
132. Soros G. The capitalist thead. The Atlantic mountly, February 1997. vol. 279 №2.
133. Suares R., Study of division territory Venezuela. N.Y.: 2005.
134. Samuel E.F. Special regions y economy in Venezuela. N.Y. 2004.
135. Tailor Jhon. Economic development. University California. Tom 1.
136. Torrealba F. Historia colonial de Venezuela. C.: ediciones panapo 1999. V.1.
137. Torrealba F. Historia colonial de Venezuela. C.: ediciones panapo, 1999. V.2.
138. Thurow L. The future of capitalism. N.Y.: 1996.

139. Tovar R. La poblacion de Venezuela. C.: Imprenta universitaria de la Universidad Central de Venezuela. 1999 V 1.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Дислокация экономических регионов Венесуэлы по состоянию на 2007 г.

Приложение 2

Запас газа в Латинской Америке (1000 стандартных мил. кв. м.

	2003	2004	2005	2006	2007
Аргентина	613.0	553.0	439.0	415.0	
Боливия	782.0	757.0	740.0	740.0	
Мексико	421.0	419.0	408.0	388.0	
Тринидад	588,0	533.0	530.,	530.0	
Венесуэла	4.219,0	4.287.0	4315.	4708	
Л.А	58.991	58.775	58.878	58.890	
другие	735	725	897	880	935

Источник: Annual Statistical Bulletin OPEP 2006. Summary tables and basic indicators. 2006

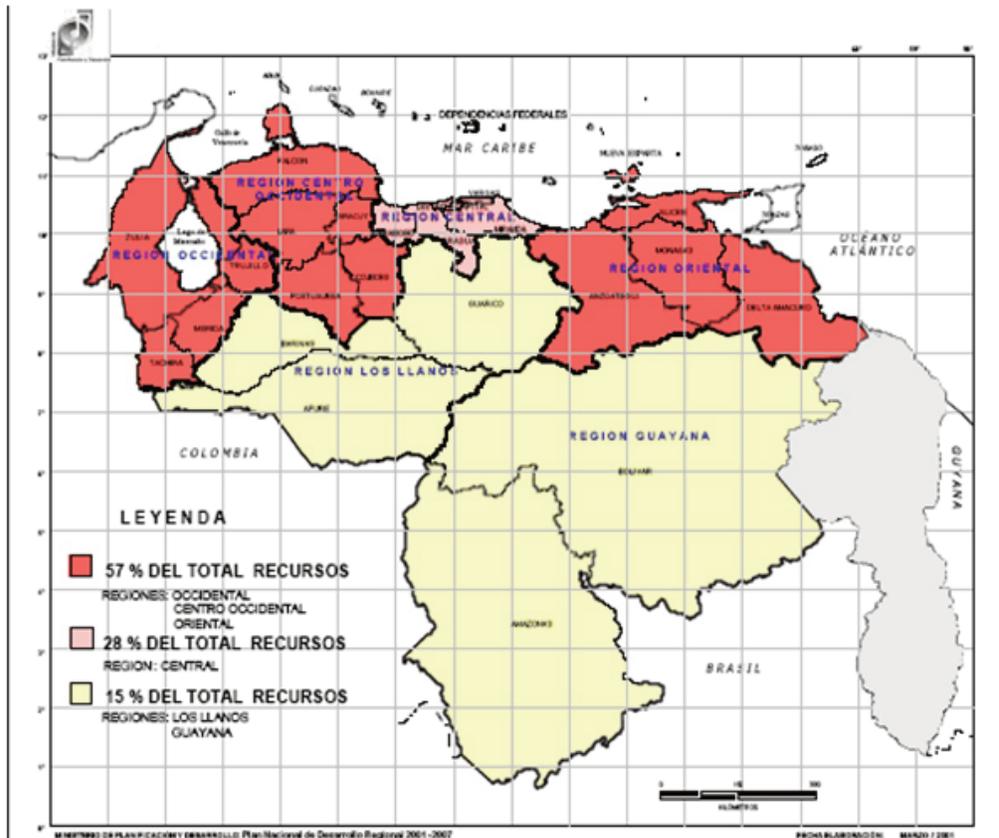
Приложение 3

Цена нефти в \$ с 2004 по 2007

	2004	2005	2006	2007
Цена Венесуэлы	32.88	46.15	56.35	64.95
Цена ОПЕП	36.04	50.66	61.07	68.95
Цена WTI	41.42	56.58	66.30	72.24
Цена Brent	32.24	55.07	66.15	72.59

Источник: Министерство энергетики и нефти Венесуэлы. 17 апреля 2008 г.

Приложение 4

Источник: Министерство планирования и развития Венесуэлы: офис вице министр планирования и регионального развития: «Национальный план регионального развития 2001-2007».

Финансовые ресурсы штаты и муниципалитеты, поступающие из Фонда межтерриториальной компенсации, специальный ассигнование и из конституционного дохода

- 57 % Финансовые ресурсы: западный, центрально-западный, восточный
- 28 % Финансовые ресурсы: центральный регион
- 15% Финансовые ресурсы: регион Льянос, регион Гвяна

Приложение 5

Источник: Министерство планирования и развития Венесуэлы: офис вице министр планирования и регионального развития: «Национальный план регионального развития 2001-2007».

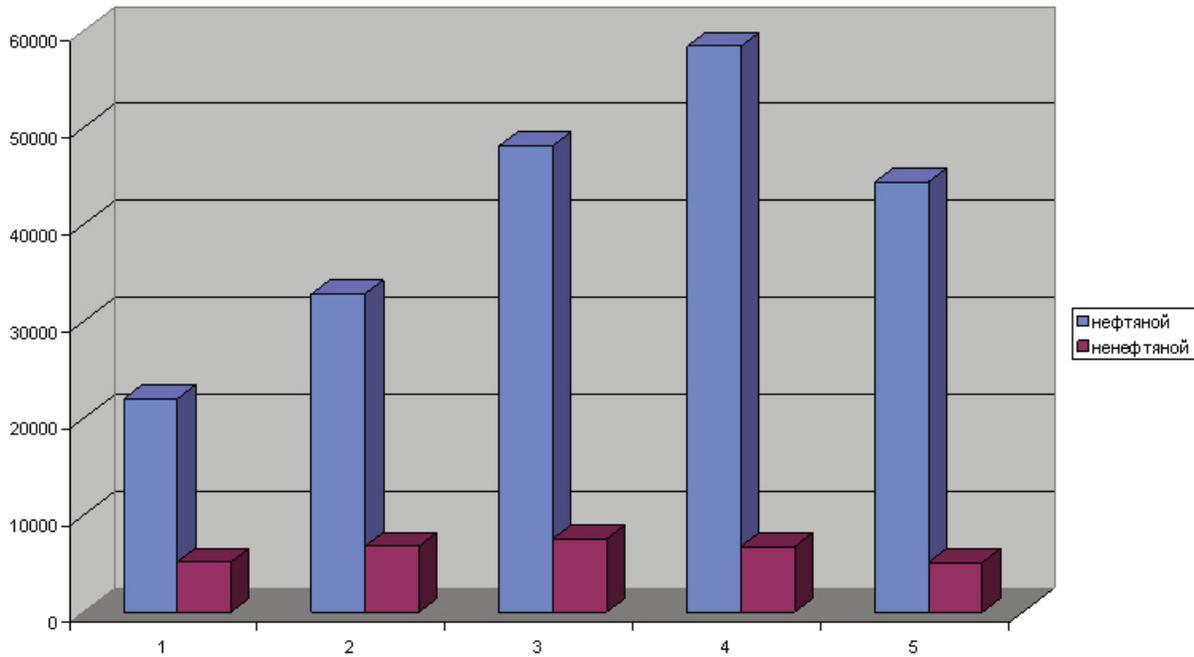
Потенциал натуральных ресурсов

Регион Льяносы и Гьяна:

- 90% Водные ресурсы;
- 95% гидроэлектрические потенциал;
- 80% лесные ресурсы;
- 50% сельскохозяйственные территории (сельскохозяйственные угодья);
- 30% угодья для интенсивных земледелии;
- 7000 тон годовые рыболовства;
- Высокий экологический и туристический потенциал;
- самые большие запасы полезно ископаемых ресурсов, металлические и неметаллические;
- большие запасы золото, нефти и газа

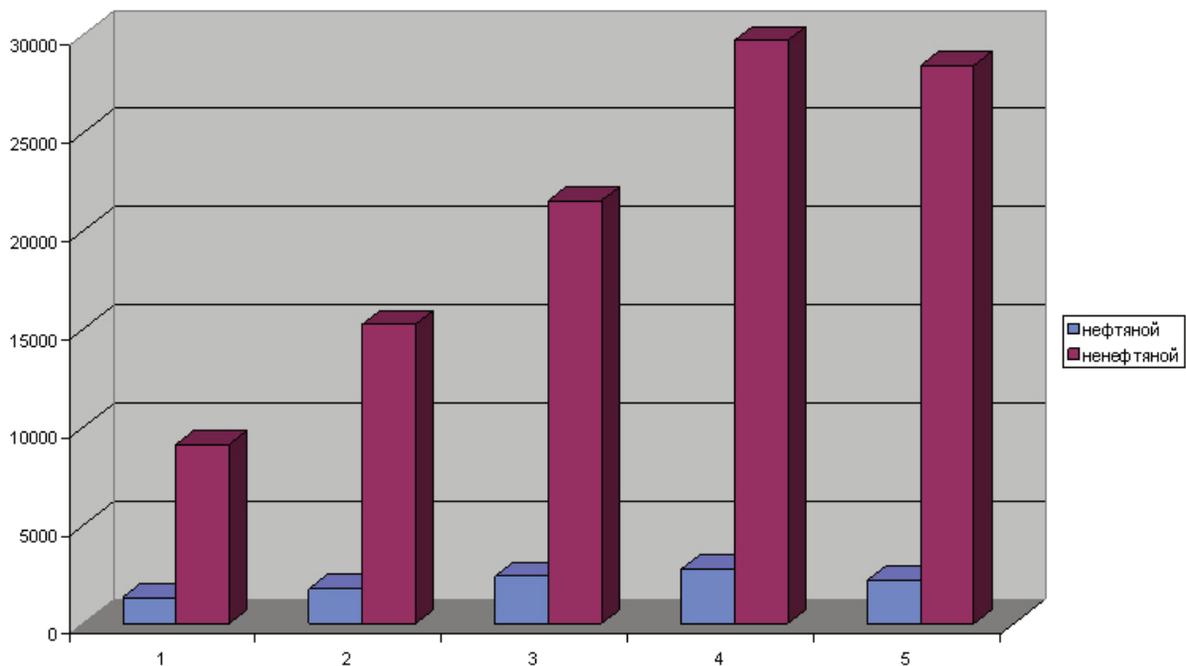
Приложение 6

Экспорт Венесуэлы в миллионов \$ 2003 -2007

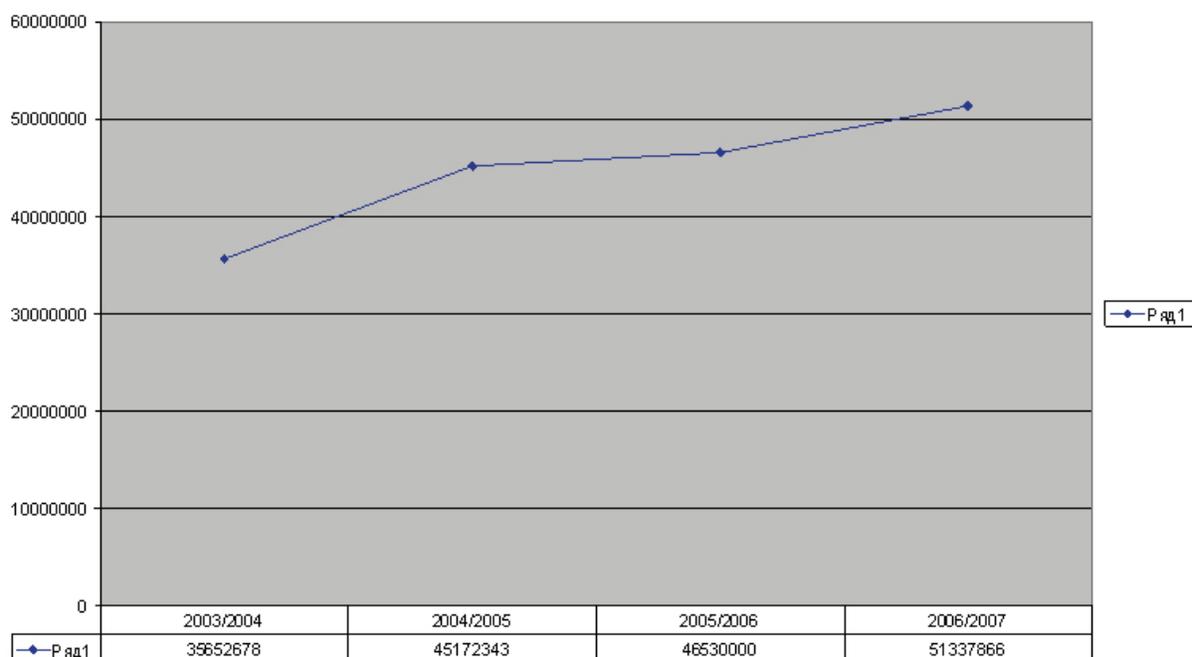
Приложение 7

Импорт Венесуэлы в миллионов \$ 2003 - 2007 гг/

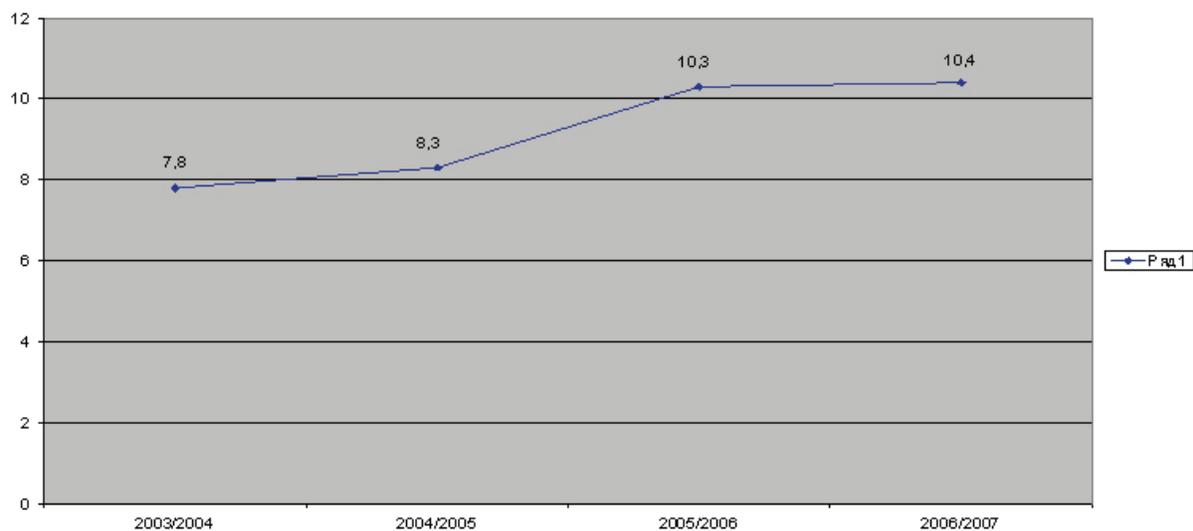
Приложение 8

ВВП Венесуэлы в миллионов долларов 2003 2007 гг.

Приложение 9

ВВП Венесуэлы в % 2003 - 2007

РУИЗ АУЛАР ПЕДРО ХАВИЕР
УЧЕБНИК
ПРОЦЕСС РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ И ВЕНЕСУЭЛЫ
PROCESO DE REGIONALIZACIÓN DE LA ECONOMÍA DE RUSIA Y VENEZUELA

Редактор: Руиз Аулар Анна Владимировна

Корректор: Руиз Аулар Анна Владимировна

Компьютерная Верстка:
Хорхе Пулидо Фунес
Jorge Pulido Funes

Формат 60 x 90 1/16
Подписано в печать 01/06/2012.
Тираж: 30000 экс.

Отпечатано в Ediciones Universidad Deportiva del Sur -Av. Universidad, Km. 2, Sede Académica. Dirección de Publicaciones. Universidad Deportiva del Sur. Venezuela
E-mail: dpublicaciones@uideporte.edu.ve.
Венесуэла

ISBN: 978-980-7367-01-1

Deposito Legal: If7822012330148
Лиценция Серии: If7822012330148

